

В. ВИННИКОВ
КОНАН

КОНАН
И РЕКА
ЗАБВЕНИЯ

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ 1	КОНАН И БОГИ ТЪМЫ 2	КОНАН И МЕЧ КОЛУНА 3	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ 4	КОНАН И ПОВАНТЕАН ПЕЩЕР 5	КОНАН И ПЕСНЯ СНЕГОВ 6	КОНАН И НЕБЕСНАЯ СЕКИРА 7	КОНАН НА ДОРОГЕ КОРОЛЕЙ 8	КОНАН ПРИНИМАЕТ БОЙ 9
КОНАН И КАРУСЕЛЬ БОГОВ 10	КОНАН И ДАР МИТРИ 11	КОНАН И НОЧНЫЕ КЛИНКИ 12	КОНАН И ГРОТ ДАЙОМЫ 13	КОНАН И ЗЕРКАЛО ГРЯДУЩЕГО 14	КОНАН И ВРЕМЯ ЖАЛЯЩИХ СТРЕЛ 15	КОНАН И ПСЫ ВОЙНЫ 16	КОНАН И ТААНСМАН ЗАА 17	КОНАН И БИЧ НЕРГАЛА 18
КОНАН И ГОРОД ПАЛЕННЫХ ДУШ 19	КОНАН И ИСТОРИК СУДЕБ 20	КОНАН И СЕРАЦЕ АРИМАНА 21	КОНАН И БАГРОВОЕ ОКО 22	КОНАН И ПРИЗНАКИ ПРОШЛОГО 23	КОНАН И ВОИНСТВО МРАКА 24	КОНАН ВАРВАР ИЗ КИММЕРИИ 25	КОНАН И РЫЖИЙ ЯСТРЕБ 26	КОНАН И ПАЛАНКИ БЕЗДНЫ 27
КОНАН И ЗАГОВОР ТЕНЕЙ 28	КОНАН И КОПЬЕ КРОМА 29	КОНАН И БРАТА ВЕЧНОСТИ 30	КОНАН И АЛМАЗНЫЙ ЛАБИРИНТ 31	КОНАН И РАСКАЗОТЪМ ИДОЛ 32	КОНАН И ЧАША БЕССМЕРТИИ 33	КОНАН И ЛЕДЯНОЙ СТРАЖ 34	КОНАН И ТОРГОВЦЫ ПРЕЗАМИ 35	КОНАН И АДАТЬ ПОБЕДЫ 36
КОНАН И БИТВА БЕССМЕРТНЫХ 37	КОНАН И ПЕЖИРАТЕАН ПЛОТИ 38	КОНАН И БЕРЕГ ПРОКЛЯТЫХ 39	КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОАВЛИЯ 40	КОНАН И ВАЛАРИНЦА НЕБЕС 41	КОНАН И ДРЕВО МИРОВ 42	КОНАН И КОЛЬЦО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЗОВ ДРЕВНИХ 44	КОНАН И ПРОРОК ТЪМЫ 45
КОНАН И ГНЕВ СЕТА 46	КОНАН И ХРАМ НОЧИ 47	КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОВ 48	КОНАН И ПОДЖИМНЫЙ ОГОНЬ 49	КОНАН И МЯТЕЖ ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН И КЛЕЙМО ЗМЕЯ 51	КОНАН И ХОЗЯИН ОКЕАНА 52	КОНАН И КОРОНА МИРА 53	КОНАН И ПЕССАВИК СВЕТА 54
КОНАН И СПЛЮЩЕ ЗАО 55	КОНАН И ЗВЕЗДА ШАДИЗАРА 56	КОНАН И СКЛЕП ХАОСА 57	КОНАН И ЖРЕЦ ТАРИМА 58	КОНАН И СВЯТЯНИЦЕ ПИКТОВ 59	КОНАН И ПОВАНТЕАН МОАНИИ 60	КОНАН И ТИТРИ ХАЙВОРИИ 61	КОНАН И ВСАЛНИКИ БУРИ 62	КОНАН И СЛЕД ИСПОЛИНА 63

КОНАН И РЕКА ЗАБВЕНИЯ

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
МОСКВА • Санкт-Петербург • 2006

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)
К64

Серия «Конан» основана в 1993 году

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги
или любой ее части, в любой форме,
в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.*

*В оформлении обложки использованы
фрагменты работы Ken Kelly*

Подписано в печать 19.09.05. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 21,00. Тираж 7000 экз. Заказ № 2236.

Конан и река забвения : [сборник] — М.: АСТ; СПб.:
К64 Северо-Запад Пресс, 2006. — 394, [6] с. — (Конан).

ISBN 5-17-033465-6 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93698-265-3 («Северо-Запад Пресс»)

Конан-киллер не спит по свету в поисках приключений. Он охотится на загадочных чудовищ, воюет с колдунами и пекромантами от Вендии до Китая и восстанавливает справедливость по всей Хайбории, спасая невинных и карая Зло.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 2006
© С. Шпикш, оборот, 2006
© «Северо-Запад Пресс», составление и
подготовка текста, 2006

Предисловие к роману «Город у священной реки»

Приветствую вас, уважаемые читатели.

Я хочу объяснить. Дело в том, что после завершения дилогии о Хозяевах Побережья планировалось взять небольшой перерыв. Накопилась определенная усталость. Мне безумно нравится мир Хайбории, но долго работать в одних и тех же декорациях невозможно, необходимо разнообразие.

Я думал заняться набросками для большого научно-фантастического романа (с примесью мистики, естественно!), уладить личные дела, прочитать пару книг, о которых давно мечтал, но руки до них не доходили, съездить на Гран-при Формулы-1. (Дэвид Култхард в «Red Bull» зажигает! Ура шотландцу!)

Отводил я себе на все эти мероприятия месяца три-четыре. Но согласно моей жизненной традиции (не умею иначе и не хочу!), все эти благочестивые помыслы отправились гостить к Нергалу.

Однажды вечером, закончив главу своей «фантастики», я обратился к файлу с названием «Сердце грез». Это мой самый первый роман о Конане, вернее, вступление и первая глава. Дальнейшее развитие событий я представляю лишь в общих чертах, но в том, что произведению суждено стать объемным, не сомневаюсь. Именно этим, кстати, и объясняется его зачаточное состояние. Издатель сказал, что в серию лучше отправить для начала нечто... более компакт-

ное. Я ответил: «ОК», и написал скромных по размерам «*Хозяев Побережья*», зато потом отыгрался на «*Пленницах Камня*».

Но не вечно же «*Сердцу Грез*» было залеживаться. Уже несколько раз за прошедший год я порывался продолжить работу над этим произведением. И вот в тот вечер я, наконец, решился: Просидел за компьютером всю ночь, отходя лишь за очередной чашечкой матэ и к магнитофону, чтобы заменить диски (помню, слушал канадцев «*Sum 41*» и своих соотечественников «*Figi*»). Спать лег уже далеко засветло, страшно довольный тем, как хорошо и приятно писалось.

Но уже вечером меня постигло легкое разочарование. Я перечитал и старый материал, и новую главу и понял, что все нормально, а местами даже здорово, но очень уж похоже на «*Пленников Камня*». Снова магия, пираты, тайные службы, да и структура у этих книг почти идентичная. А повторяться мне очень не хотелось!

Тогда я вылез в интернет на форум, посвященный «*Саге о Конане*», и задал вопрос: «Что бы вам хотелось увидеть в новой книге о киммерийце?» Мнения, как и следовало ожидать, разошлись. Кто-то хотел политики, кто-то магии, а некоторым не доставало массового лишения девственности в пределах дворца короля Нимеда.

Но большинство сходилось на том, что им надоели закатные страны, душа просила экзотики. А действие «*Сердца Грез*» разворачивалось как раз в Аргосе, так что это стало последней каплей для волевого решения отправить первое свое произведение в очередной отпуск.

Теперь предстояло разобраться с тем, на какую из восходных стран Хайбории стоит обратить свой взор. Кхитай показался мне чересчур загадочным, он пока мне не по зубам. Меру, Утгара, Камбуя — это уж слишком экзотично. Иранистан я отмел из-за боязни, что образ выходца из этой страны, Ясуда, смешает мои планы сделать непохожую на «*Пленников Камня*» книгу. Оставалась Вендия. Хотя, если честно, я с самого начала знал, что выберу именно эту страну. Здесь есть, где развернуться. Культура Вендии, страны с тысячью богов, идеально подходит писателю вроде вашего покорного слуги.

Я создал в Word'e файл, назвал его «Вендия» и начал писать. Получилось...

Впрочем, лучше смолчу. Я уже говорил, что не люблю давать заведомых оправданий для книг. Скажу только, что это совсем не «*Пленники Камня*» и что мне самому предстоит решить еще множество вендийских загадок.

Этим я, кстати, в настоящее время и занят. Ночи напролет наблюдаю за происходящими в далекой восходной стране событиями и переносу все самое интересное на бумагу.

Всегда ваш, Брэнт Йенсен

Город у священной реки

День казни Хамара. Центр Айодхьи.

На мрачное серое небо медленно на-ползали облака — похоже, соби-ралась гроза. Редкое явление в Айодхье, особенно в начале лета. То там, то здесь в толпе раздавался шепот, что это сам бог Индра прибыл по-смотреть на казнь.

— Не надо! Пожалуйста, не надо!

Полный отчаянья крик донесся с наскоро со-оруженного помоста.

Гул собравшейся вокруг толпы не мог заглу-шить звуков этого голоса. Но народ остался глух к призыву.

— Я не убивал! Клянусь вам, я не убивал.

Молодого парня туранской внешности тащи-ли под руки к виселице. Он упирался и старался вырваться из объятий двух стражей, каждый из которых был на голову выше своего подопечного.

При этом парень непрерывно причитал на див-ной смеси туранского и вендийского языков.

Люди смотрели на приговоренного к смерти туранца без ненависти и без сожаления. Они только хотели удостовериться, что казнь свер-шится.

Стражи передали пленника в руки палача, ко-торый неспешным выверенным движением надел ему на шею веревочную петлю. Туранец дрожал всем телом. Он в последний раз окинул взглядом толпу в тщетной надежде, что кто-нибудь придет к нему на помощь.

— Сотник, не бросай меня! Ведь ты же знаешь правду!..

Несчастный обращался к высокому голубогла-зому киммерийцу, что стоял в отдалении. На миг возникло такое впечатление, что вот-вот случит-ся невозможное. Северянин положил руку на эфес сабли и сделал шаг вперед, но потом остано-вился.

— Конан!

Реакция киммерийца стала для приговорен-ного последней каплей. Он разрыдался и оконча-тельно утратил волю к сопротивлению. Палач попросил его встать на специально заготовлен-ную скамеечку, затем отрегулировал длину ве-ревки и закрепил ее свободный конец.

— Молись, — посоветовал он туранцу.

Тот не услышал его слов либо счел их не-достойными внимания. Его пустой невидящий взгляд замер в одной точке, где-то над головами собравшихся.

Без вступительных слов и ритуалов казней выбил скамейку из-под ног у туранца. Раздался хруст шейных позвонков, и вот уже безжизненное тело раскачивалось в петле, свободное от страха и отчаянья.

Не было слышно приветственных криков, ни одной улыбки не появилось на лицах зрителей в миг торжества правосудия. Случилось то, что должно было случиться, и радоваться, по мнению жителей Айодхьи, здесь было абсолютно нечему.

Конан ненавидел этих людей. Он не понимал их безразличия, не понимал, как они могут оставаться спокойными.

Его собственная душа была полна противоречивых чувств, главными из которых были стыд и презрение к самому себе. Киммериец замер на месте, не в силах отвести взгляда от виселицы. Только что умер человек, солдат, за которого он был в ответе.

Но самым страшным испытанием для совести северянина были те слова, что Хамар произнес перед смертью. Туранец сказал, что Конану известна правда. Что если он и вправду был невиновен? Могла ли произойти ошибка?

— Идем отсюда, Конан. Посмотри, уже никого нет. Здесь только ты да я.

Симпатичная молодая вендийка с совершенно кукольным личиком взяла под руку киммерийца и повела его прочь от места казни. Ростом она едва доставала Конану до середины груди, и со стороны они вдвоем смотрелись несколько не-

обычно. Одетая девушка была на туранский манер.

Внезапно киммериец замер на месте.

— Я должен забрать его тело.

— Успокойся. — Голос вендийки был полон нежности и сострадания. — О Хамаре позаботятся. Можешь не сомневаться, его уже вынули из петли и готовят к погребению. Вам предложат самим провести обряд. Думаю, гонца стоит ждать сегодня вечером.

— Конечно, Рамини, — сказал Конан. — Я помню обычаи. Но сейчас я сам не свой, мысли путаются. Ты слышала те слова, что он адресовал мне?

— Все их слышали, — ответила девушка, увлекая северянина дальше по дороге. — Он до последнего момента надеялся на спасение.

— Он любил жизнь, — произнес Конан.

Начался дождь. В любой другой день киммериец бы радовался ему, как брату, а сейчас даже не обращал внимания на сбегаящие по его лицу капли. Другое дело, Рамини, одежды которой, пропитавшись влагой, стали плотно облепать ее точеную фигуру.

— Конан, скорее, — поторопила она киммерийца.

Взявшись за руки, они побежали вперед по улице к возвышавшемуся вдали храму Иштар.

Гроза набирала силу, сверкали молнии, слышались раскаты грома. Большая часть жителей вендийской столицы укрылась в своих домах или просто под навесами. Но кое-кто специально вы-

шел на улицу, дабы обратить свой лик к небесам, чей цвет сейчас приближался к черному. Эти люди плясали, смеялись, приветствовали бога, которого несколько веков назад брамины объявили погибшим. Две синие вертикальные черты украшали их щеки, символизируя принадлежность к культу Индры.

Тяжелые струи дождя размывали землю, превращая дороги Айодхьи в сплошную грязевую лужу. Снежно-белые одеяния Рамини покрылись красно-коричневыми разводами, та же участь постигла и широкие шелковые штаны киммерийца.

Поклонники Индры благоразумно уступали дорогу Конану и его спутнице, не забывая при этом благословлять путников именем бога грозы. Киммерийцу хотелось втоптать их всех до единого в грязь, убить, уничтожить, стереть с лица земли. Ему передавалась их уверенность в том, что казнь свершили именно волей Индры. Но северянин держался, напоминал себе, что Хамар так и не смог убедить его в своей невинности. Эти люди здесь были совершенно ни при чем, равно как и их бог.

Храм Иштар возвели в столице Вендии три сотни лет тому назад. Вендийцы с радостью приняли хайборийскую богиню семьи в свой обширный пантеон и отвели ей в нем весьма значительную роль. Само строение было выполнено в том же стиле, что и местные храмы. За округлым каменным забором располагалось красивейшее здание из белого мрамора высотой примерно в тридцать локтей. Внутри находились покои жрецов

и молельни, сама же статуя богини, опять-таки согласно вендийской традиции, стояла с задней стороны храма. Там была специально расчищенная площадка, на которой могли разместиться до трех десятков человек, возжелавших узреть лик Иштар.

Рамини и Конан проскользнули внутрь храма мимо двух огромных стражей, которые недвижимо стояли у его ворот. Киммериец чужаком здесь не считался, но даже если бы он появился здесь впервые, в присутствии верховной жрицы Иштар охранники не посмели бы усомниться в его праве посетить храм.

— Конан, я боюсь за тебя. — Рамини прижалась к северянину всем телом. — Ты так смотрел на этих людей. Я думала, что ты на них набросишься, а мне не достанет сил тебя остановить.

Киммериец обнял вендийку и наклонил к ней голову. Рамини тут же воспользовалась этим и впиалась губами в уста северянина. Он с жаром ответил на поцелуй. Прижав жрицу к стене, он начал ласкать её груди и бедра.

— Ко мне, — только и смогла прошептать вендийка.

Конан поднял Рамини на руки и понес в её покои. Она казалась северянину легкой, словно пушинка. По дороге киммерийцу встретились две младшие жрицы, одарившие его весьма недвусмысленными улыбками. Но Конан покачал головой. Сейчас он хотел только Рамини. Ее ласки станут лекарством для его израненной души, помогут найти успокоение. Потом можно будет

внести разнообразие в любовные игры, вендийка никогда не отказывалась от подобных вещей, но не сейчас.

Северянин уложил верховную жрицу на кровать и начал освобождать ее от одежды. Рамини в это время покрывала поцелуями его шею и грудь. Конану нравилась та нежность, с которой вендийка подходила к процессу наслаждения телами друг друга. Она любила, когда северянин ласкал ее груди с маленькими рубиновыми сосками, любила, когда он целовал ее полные алые губы, когда гладил ее шелковые черные волосы. Она смотрела ему в глаза, и Конан видел там обожание. Верховная жрица Иштар вверяла ему свое миниатюрное, изящное тело и знала, что расплатой за это станет лишь неземное наслаждение. Когда киммериец яростно и самозабвенно любил ее, она дрожала и постанывала от удовольствия, обнимая его, теснее прижимая к себе.

— О чем ты сейчас думаешь? — спросила Рамини, когда все закончилось. Конан лежал на спине и смотрел в потолок. Вендийка, положив голову ему на грудь, запускала в длинные черные волосы северянина.

— Ни о чем, — признался киммериец. — Мне хорошо.

— Я рада, что смогла доставить тебе удовольствие. Хочешь, я позову подруг?

— Не стоит, — Конан едва заметно покачал головой. — Они все разрушат. Я начну вспоминать то, что желаю забыть.

— В прошлые разы, — напомнила северянину

Рамини, — они с успехом отвлекали тебя от повседневных забот. На протяжении двух суток ты мог думать только о трех женщинах, даривших тебе свою любовь на этом самом ложе.

— Поражаюсь я вашим нравам.

Рамини кокетливо улыбнулась киммерийцу, который уже отвлекся от созерцания потолка и сейчас нежно гладил ее спинку.

— И от кого я это слышу?! — притворно возмутилась вендийка.

— Мне доводилось заглядывать в копии ваших священных текстов. В Шадизаре я общался, заметь, исключительно словесно, со жрицами вашего культа, и они мне показались весьма целомудренными женщинами. В конце концов, Иштар — богиня семейного очага. Я не против наших встреч, особенно когда они проходят в такой форме, но к пониманию царящей здесь свободы нравов меня это несколько не приближает.

Рамини звонко рассмеялась. За резными дверями комнаты верховной жрицы мелькнула тень девушки. Конан не сомневался, что она не только подслушивала их разговор, но и наблюдала предшествовавшую ему сцену.

— Нам надо завоевывать популярность в этих краях. Боги приходят в Вендию и остаются здесь навсегда. Даже у таких пережитков прошлого, как Индра, всё еще есть последователи. Это не Туран и не Аквилония, где официально признанных небожителей можно по пальцам пересчитать, тут их тысячи. Приходится быть оригинальными, чтобы оставаться на плаву.

— В храме Дэркетто жрицы тоже отдаются каждому желающему.

Верховная жрица Иштар слегка приподнялась на локте и негодуяще воззрилась на Конана-киммерийца.

— За кого ты меня принимаешь, варвар?! — возмутилась она. — За одну из этих шлюх?! И это после той любви, которой я тебя одарила!

— Успокойся, Рамини. Прошу тебя, — примиряюще сказал киммериец. — Я же говорил тебе, что суть происходящего от меня ускользает. Объясни мне, в чем отличие.

— Непонимание тебя не оправдывает, — ответила Рамини. — Как можно сравнивать Иштар и Дэркетто?!

Конан понял, что спорить бесполезно. Придав лицу самое невинное выражение, он стал ждать объяснений жрицы.

— Все вы, мужчины, одинаковы, — повторила вендийка традиционную женскую истину. Но тон ее уже был скорее не гневный, а снисходительный. — Прислужницы Дэркетто не отделяют любви плотской от любви духовной. Весь смысл жизни они видят в непрерывном получении наслаждения и не скрывают этого. Заметь, Конан, вендийцы в их храм почти не заглядывают. Жрицы сетовой шлюхи служат подстилками исключительно для грязных солдафонов и заезжих торговцев, что не брезгают даже мальчиками. Но случаются дни, когда даже таких посетителей у них не бывает, и им приходится удовлетворять друг дружку.

Киммериец мог, конечно, обидеться на «грязных солдафонов», однако пока решил этого не делать.

— Для нас же плоть — это средство, — продолжала Рамини. — Вендийские боги завещают своим последователям предаваться любви, женщинам получать удовольствие от мужчин, а мужчинам от женщин. Но при этом они требуют хранить верность супругам, а это, как нетрудно догадаться, идет вразрез с первым их заветом. Конан, тебе уже встречались тантристы?

Северянин кивнул.

— Их секты возникли именно из-за этого противоречия, — объяснила верховная жрица Иштар. — Они проповедуют мясоедство и отказ от моногамии.

— Кроме этого, постоянные молитвы, — напомнил Конан, — и изучение древних магических трактатов. Одна из твоих девушек предостерегла меня от связей с ними.

— Предубеждения, — фыркнула Рамини. — Ничего они не смыслят в магии, а боги отвернулись от них из-за разврата.

— Хорошо, хорошо, — согласился киммериец. — Ты отвлеклась. Я хочу послушать про то, как подается в Вендии учение Иштар.

— Мы совместили принципы тантрических сект и традиционные постулаты о моногамии. В основе всего лежит крепость и нерушимость семейных уз. Но в Вендии, с её традициями, подобное возможно лишь в случае полного удовлетворения со стороны обоих супругов. В нашем храме

они могут открыть в себе новые начала и одновременно очиститься от греховных помыслов.

— Вступив в связь со жрицей.

— Да, Конан. Каждая из нас в момент слияния перестает быть женщиной и становится дланью Иштар. Через нас богиня наставляет, обучает и указывает путь. Но не надо думать, что только муж ощущает на себе ее прикосновение, супруга его также обретает новые знания.

— Значит, те двое не только у дверей стоят?

— Что ты говоришь?! К таинствам Иштар допускаются только женщины. Но, поверь, нашего искусства хватает на всех.

— А зачем же тогда тебе я? — поинтересовался Конан. — Почувствовала себя одинокой — позвала подружек, и все дела.

— Вот уедешь в свой Туран, — недовольно произнесла Рамини, — именно так и буду поступать.

— Но пока я еще здесь, — как-то отрешенно сказал Конан.

— Что случилось, любимый? — нежно спросила вендийка, заметившая перемену в настроении киммерийца.

— Не могу не думать о Хамаре, — ответил северянин. — Не получается у меня забыть, ведь пока я еще здесь.

* * *

За день до казни. Тюрьма.

Внутри тюрьмы духота была еще сильнее, чем снаружи. Конану казалось, что это невозможно, но с реальностью не поспоришь. Воздух в Вендии обычно насыщен влагой, но чтобы настолько? Похоже, что приближалась гроза.

Стражник, что вел Конана вниз, в казематы, страшно пыхтел и то и дело вытирал рукой пот со лба. Жарко ему было в доспехах.

— Возьмите факел, — велел вендиец Конану. — В камере темно, вам понадобится свет.

Киммериец послушался.

В отблесках света, единственные источники которого находились в руках у северянина и его провожатого, коридор выглядел таинственным и пугающим. Казалось, в камерах были заточены не живые люди, а пишачи, демоны-людоеды, которых, если верить местным преданиям; в Вендии водится великое множество.

Внезапно стражник споткнулся и упал, выронив факел и связку ключей. Конан помог вендийцу подняться.

— Каждый раз, когда сюда спускаюсь, — произнес страж, поднимая упавшие предметы, — что-то да приключается. То ногу подверну, то порежусь обо что-нибудь. Злое здесь место, проклятое.

— Пожалуй, — признал киммериец.

В камерах на нижнем этаже городской тюрьмы ожидали своего приговора только самые от-

петые негодяи. Убийцы, насильники, пособники демонов. Где-то тут сидел и Хамар.

Из-за дверей доносились непонятные шорохи, шепот. Как киммериец не прислушивался, ему не удавалось различить слов. Некоторые заключенные при их приближении оживлялись, другие, наоборот, затихали.

Нигде в мире, кроме Вендии, не могло существовать подобных узилищ. Вендийцы чрезвычайно трепетно относились к жизни и старались не отнимать ее понапрасну, боясь через это навредить своей карме. Потому суд их был по большей части справедливым, но вот скорость принятия решений у него была незавидная. В Шадизаре всех томившихся здесь заключенных давным-давно бы перевешали.

— Вам сюда, — стража указал на железную дверь, не имевшую никаких опознавательных знаков.

Закрепив факел в держателе на стене, он отодвинул в сторону засов, затем открыл верхний замок, следом за ним нижний. Действия эти он совершал левой рукой, в правой держал короткий кинжал на случай, если узник решится на побег. В данном случае — пустая формальность. Хамар был не из тех, кто способен на подобное безумство. Впрочем, будь оно иначе, в провожатые ему не доверили бы всего одного стража.

— Если что-то случится, — сказал вендиец Конану перед тем, как впустить его в камеру, — стучите в дверь, я услышу.

— Хорошо, — кивнул киммериец.

Он немного удивился, что стражник решился оставить их с Хамаром наедине. Возможно, он останется неподалеку и сможет подслушивать, но, по крайней мере, не будет своим видом смущать туранца.

Конан толкнул дверь, и она нехотя, со скрипом, отворилась.

Дышать в камере оказалось практически нечем. Киммериец покрылся потом почти сразу же, как только за ним закрылась дверь. Хамар сидел в углу и не шевелился. Конан бы ничуть не удивился, если бы выяснилось, что он мертв. Вот вам и вендийская справедливость!

Но, нет. Хамар медленно повернул голову в сторону двери. Несколько мгновений он приглядывался к Конану — сказывалось отсутствие света в камере. Факел в руках киммерийца ослеплял узника.

— Сотник, — прошептал туранец. — Ты пришел.

— Мне передали, что ты хочешь меня видеть, — ответил киммериец.

Он так и не определился, как относится к этому человеку. С одной стороны, туранец на протяжении долгого времени был его верным товарищем, преодолевшим вместе с ним и другими солдатами царя Илдиза нелегкий путь из Турана в Вендию. Случалось Хамару и прикрывать спину своего командира в схватках с разбойниками. Но с другой стороны, содеянному им не было ни прощения, ни объяснения.

— Конан! — Хамар, убедившийся, что перед

ним не фантом, подбежал к киммерийцу и упал перед ним на колени. — Спаси меня! Я не хочу умирать!

— Тебя судили, — сказал Конан. На туранца он старался не смотреть, вместо этого обводил взором камеру. Голый пол, голые стены. Лишь дыра в уголке, чтобы справлять нужду. — И вынесли приговор. Справедливый.

— Они ошиблись, сотник, — заплакал Хамар. — Я не делал того, в чем меня обвинили. Я никого не убивал.

Растерянности только прибавлялось. Конан знал, что туранец продолжает лгать. Доказательства его вины были неоспоримыми. Хотелось потребовать, чтобы Хамар хоть сейчас нашел в себе смелость сказать правду, но киммериец понимал, что если туранец сознается, то он сам убьет его здесь и сейчас.

— Говори, — велел Конан Хамару, усаживаясь на каменный пол. Факел он положил перед собой. — Можешь попытаться убедить меня в своей правоте, можешь облегчить душу. Тебе решать. Я тебя выслушаю и не потому, что уже пришел сюда и мне обидно будет уйти просто так. Нет. Дело в том, что я тебя не знаю. Мне казалось, я успел отлично изучить весь свой отряд за то время, пока мы шли в Айодхью. Но я ошибся. Ты оказался совершенно незнакомым мне человеком. И я хочу понять, кто ты такой, Хамар, пока у меня есть такая возможность.

Туранец тяжело вздохнул. За три дня, прошедшие с момента ареста, он очень изменился.

Красивые густые волосы сбились в колтуны, щеки стали впалыми, словно у мертвеца, руки дрожали, а неестественная бледность лица была заметна даже в неровном свете факела. Конан с трудом узнавал в стоявшем на коленях человеке одного из своих солдат.

Киммериец на собственной шкуре испытал, что такое быть приговоренным к смерти. Многие в такой ситуации ломались, теряли всякую волю к сопротивлению, другие ожесточались, грозилась убить стражу или своих сокамерников, и очень часто это были не пустые слова. Встречались Конану и люди, подобные Хамару. Они настолько любили жизнь, что мысль о казни сводила их с ума. Не было им утешения ни в гневе, ни в смирении. Казалось, они только и делали что считали те мгновения, что осталось им провести на этом свете. В глубине души каждого такого узника еще жила надежда на спасение, но они не прилагали никаких усилий, чтобы обратить ее в реальность, только причитали и оплакивали свою горькую участь. Ужасное зрелище.

— Я расскажу тебе правду, сотник, — сказал Хамар, заглядывая в глаза Конану. — Я побоялся открыть ее судьбе. Хотя у меня не было выхода. Страшно подумать, что со мной сотворили бы вендийцы, узнай они все.

Вместо того чтобы начать оправдываться, туранец решил поведать о еще более страшном преступлении. Такого Конан не ожидал. Похоже, он совсем не знал своего солдата.

— Знаю, ты долго жил в Шадизаре, — обра-

тился к киммерийцу Хамар. — Ты слышал о Зархебе?

— Да, его история была у всех на слуху, — ответил Конан, — когда я прибыл в город, не прошло еще и седмицы с той поры, как его не стало.

— Что тебе известно о нем? — спросил туранец.

— Он был смелым воров, — сказал киммериец. — Отчаянным. Брался за те заказы, что считались невыполнимыми. Зархеб не очень хорошо умел прятаться, зато сражался замечательно, и потому за ним тянулся длинный кровавый след. Все знали, что рано или поздно ему придет конец, и вот однажды это и случилось.

— И что же говорили люди об этом последнем заказе?

— Много чего, — ответил Конан. — Например, что он залез в башню к магу и тот обратил его в таракана, или что некий шемит в своей сокровищнице обустроил ловушку-лабиринт и сам нанял Зархеба, чтобы заманить его внутрь, и прочее в том же духе. Подозреваю, что правды в этих слухах не было ни на грош. Точнее, сначала я им поверил, но потом пообвыкся в городе и понял, что все это чушь. Известный на весь Шади-зар вор просто исчез безо всяких следов, но такой финал жизни Зархеба пришелся народу не по душе, вот и напридумывали люди небылиц. Полагаю, Хамар, сейчас ты мне расскажешь, что же там произошло на самом деле. Или лучше называть тебя Зархеб?

Конан вспоминал все, что он знал о Хамаре.

Мог ли он оказаться тем легендарным воров, или это всего лишь уловка? В принципе, киммериец готов был поверить солдату. Если допустить, что Зархеб повредился рассудком, то вполне вероятно, что он мог совершить те преступления, в которых обвиняли Хамара.

— Не надо, сотник, — сказал туранец. — В этой стране даже случайное упоминание моего прошлого имени может стоить тебе жизни.

Киммериец вспомнил о страже, что, вполне возможно, сейчас подслушивает их разговор. Но звука удаляющихся шагов слышно не было, значит, докладывать об услышанном он пока не поспешил. Конан приложил палец к губам, предлагая Хамару немного помолчать, подошел к двери и ударил по ней ногой.

Вендиец прибежал быстро, но, насколько сумел оценить Конан, все это время он находился слишком далеко, чтобы слышать их беседу.

— Что-то случилось? — спросил страж.

Конан достал из кошелька три серебряные вендийские монеты и вложил их в руку своего провожатого.

— Закрой на время свои уши, — попросил его киммериец. — Он боится говорить в твоём обществе.

— Не верьте ему, господин, — посоветовал Конану вендиец. Монеты он взял. — Они все врут, надеются, что им это поможет. Но отсюда только один путь — на виселицу.

— Благодарю за участие, — сказал северянин.

— Я знаю, как далеко надо отойти, — успоко-

ил вендиец Конана, вышедшего вслед за ним в коридор, чтобы убедиться, что просьба его будет исполнена. — Многие узники стесняются стражи.

Вендиец миновал семь дверей, остановился у восьмой и вопросительно посмотрел на Конана. Киммериец кивнул, расстояние показалось ему достаточным.

Хамар же за все это время не издал ни единого звука и даже не пошевелился. В этой позе он напоминал статуэтку одного из бесчисленных вендийских божков, призывающих к аскетическому образу жизни.

— Он ушел, — сказал Конан. — Можешь говорить спокойно, я различу его шаги, если он вздумает приблизиться.

— Спасибо, сотник, — поблагодарил Хамар. — Не думаю, что этот человек достаточно сведущ, но он мог донести браминам, и тогда нам бы пришлось очень плохо.

— Так что же произошло тогда в Шадизаре?

— Знаешь, Конан, с тех пор я очень сильно переменялся. Солдат Хамар — это не вор Зархеб. В этом-то мне тебя не убедить, но я прошу поверить. В Загоре я совершил глупость, о которой сейчас и не помыслил бы.

— Мне достанет ума во всем разобраться. Я пришел сюда, чтобы слушать тебя и попытаться понять.

— От друзей я узнал, — произнес Хамар, — что в Шадизар с визитом прибыл некий вендийский князь, я даже не удосужился узнать его имени. Он разместился в одном из городских

дворцов наместника. Высокие стены, надежная охрана, богатая добыча — просто вызов для меня прежнего. Что самое обидное, в тот раз я действительно основательно подготовился к проникновению в дом. Раздобыл план дома, выяснил маршруты следования патрулей в ночное время, приготовил угощение со снотворным для псов, которых выпускали в сад за стеной, купил у мага разных снадобий, дымовых, для отвода глаз и прочих. С тем, чтобы попасть во дворец, у меня проблем не возникло, никто меня не заметил, даже мимо собак удалось спокойно проскочить. Но где князь может хранить дары, что он привез с собой из Вендии, я не знал. Для начала, на всякий случай, заглянул в сокровищницу, но она оказалась пуста. Очень редко бывает так, что визитеры расстаются со своими ценностями. Глупо, на самом деле. Дома не дураки строят, и места для хранилищ выбираются самые надежные. В ту же сокровищницу мне ни за что бы не проникнуть, если б перед ней организовали нормальные охранные посты.

— В тонкости ремесла можешь не посвящать.

— Значит, я был прав, и ты тот самый вор-северянин, что наделал в Шадизаре столько шуму?

— Продолжай, но без таких подробностей, — Конан не собирался рассказывать осужденному на смерть солдату о своей прошлой жизни. О ней в Туране мало кто знал, и киммериец не собирался делать еще одно исключение. — Мне приходилось общаться с ворами, но не более того.

— Я понял, — сказал Хамар. Впервые на его

лице появилась улыбка. Он разглядел в Конане брата-вора и теперь надеялся на его сострадание и помощь. Скорее всего, напрасно. — После сокровищницы я напрямиком направился в хозяйскую комнату, ни к чему было тянуть время. Миновать охранников не было никакой возможности. Пришлось их убить, к счастью, обошлось без лишнего шума. Тела я отволок в угол потемнее, хотя и знал, что до смены стражи еще целый колокол. Я очень надеялся, что князь уже спал, тем более что никаких звуков из комнаты не доносилось, но он, оказывается, просто читал. Заметив меня, он все понял и схватился за саблю. Давненько я не видел, чтобы люди так сражались, отчаянно, бесстрашно. Позже мне на ум пришло сравнение с загнанной в угол крысой. Если бы я додумался до этого в тот миг, когда кончик моей сабли пронзал его сердце, то не сидеть бы мне сейчас здесь. Только расправившись с ним, я заметил его жену. Она сидела на постели, поджав под себя ноги, и смотрела на меня. Я очень испугался, что княжна в любой момент может отойти от шока и поднять крик, мы-то с её мужем сражались практически бесшумно. Она было открыла рот, собираясь то ли закричать, то ли что-то сказать мне, но тут один из моих метательных ножей вонзился ей в шею. Вместо слов раздалось непонятное бульканье, а спустя мгновение женщина осела на кровать. Раскаиваясь я не испытывал, князь первым напал на меня, а его жена расплатилась за безрассудство мужа. Набросив покрывало на тело женщины — из её горла

бил фонтан крови, на который очень неприятно было смотреть, я начал обыскивать комнаты. Обшарил все сундуки и ящички, заглянул под ковры, простучал все стены, надеясь обнаружить там тайник, но все напрасно. Я был в ярости: едва не погиб, а награды за это никакой. Но кое-как я взял себя в руки, сообразив, что слишком задержался во дворце, и охрана вот-вот обнаружит какое-нибудь свидетельство моего присутствия и начнет поиски. Ставив перстни с пальцев князя и его жены, я покинул комнату и направился к полуночному выходу в сад, где припрятал веревку с «кошкой». Впереди показался балкон, с него спрыгнуть вниз, добежать до тайника у стены, и уже никакая погоня не страшна — и тут из-за моей спины выскочила тень и произнесла: «Постой». Я обернулся, присмотрелся. Оказалось, что это мужчина, одетый на вендийский манер. Судя по голосу, еще молодой. Нападать он не спешил, как и звать на помощь. «Кто ты?» — спросил он. Снова гнев и страх возобладели во мне, я подошел к вендийцу и, не говоря ни слова, рубанул его саблей по животу. Уже спускаясь с балкона, я различил его слова: «Как рано кончился мой путь. Сколького я не успел сказать». Никто не догадался, кто побывал в ту ночь в доме князя. Стража обыскивала весь город, но примет вора у нее не было, а перстни я на всякий случай выкинул. Однако было у меня чувство, что удача меня оставила, а значит, пришла пора уезжать из Шадизара. Ни с кем не прощаясь, благо друзей, с которыми было бы жаль рас-

ставаться, у меня в городе не водилось, я отправился в дорогу. В пути я совершенно случайно узнал, что в комнате, где я жил, на следующий день после моего отъезда случился пожар, но не придал этому значения.

— Тебе ведь тогда только-только исполнилось шестнадцать, так? — Конан посчитал в уме примерный возраст Хамара в те дни. В рассказах о Зархебе этот аспект почему-то всегда опускался. — Вел себя ты точно как мальчишка. И ума тебе не доставало.

— Ты прав, сотник, — согласился туранец. — Я был глупцом. Не догадался, каких дел натворил в доме князя. Чудо, что мне удалось дожить до этого дня.

— Кем был тот человек, которого ты убил? — спросил киммериец. — Сыном правителя Вендии? Наследником?

— Хуже, — вздохнул Хамар. — Он был земным воплощением, аватарой бога Вишну. Девятой. Восьмая жила достаточно долго и славно, чтобы заслужить личную божественность и возможность пребывать на небесах. Я говорю о Кришне. У Вишну после него оставалось всего две аватары, и прихода девятой вендийцы ожидали и ожидают с великим нетерпением. Брамины не рассказали простым людям, что бог погиб по случайности, от руки вора. Это воплощение Вишну было весьма необычным, оно очень сильно отличалось от всех остальных. Как только бог осознал себя, он попросил правителя Вендии позволить ему посмотреть мир прежде, чем явить людям

свою суть. От убийц, что послали за мной родственники князя, я немного узнал о его учении. Он говорил о желаниях, что губят душу, и о необходимости отречения от них, о равенстве людей перед богами и друг перед другом, о любви, сострадании и прощении. Слуги князя надеялись, что я осознаю преступность своего деяния и сам преклоню голову и покаюсь. И они добились своего. Если бы я мог вернуть жизнь этой аватаре Вишну, то согласился бы безропотно принять смерть. Он стал бы величайшим и лучшим из богов Хайбории, а не успел даже обрести имени. Но прошлого было не изменить, и я продолжал сражаться.

— Когда тебя впервые настигли убийцы? — Конан желал проникнуть во все детали рассказа. Если сказанное Хамаром правда, то весь отряд, посланный царем Иллизом в Туран, подвергался смертельной опасности.

— В Арэнджуне, — ответил Хамар. — Я решил оставить не только Шадизар, но и Заморю, отправиться на родину, в Султанагур. Половину пути из города воров до столицы я преодолел вместе с караваном, но потом не выдержал их медленного темпа и двинулся дальше в одиночестве. В маленькой деревушке, где я остановился на ночь, мне встретился большой отряд стражи. Они получили соколиной почтой весть, что на мой караван совершили нападение разбойники. И вот, интересная деталь: они подчистую вырезали всех туранцев; кроме них погибло только двое заморийских охранников. Я сообразил, что это могло

быть связано и с пожаром — о нем я, кстати, тоже узнал случайно, — и с моим неудачным визитом во дворец вендийца. Родственники и слуги князя как-то вышли на мой след и теперь желали отомстить за отца и господина. Наглости тогда во мне было хоть отбавляй. Прибыв в Арэнджун, я сам устроил ловушку для посланных за мной охотников. Повезло, что они оказались не профессиональными убийцами, а простыми воинами, хоть и одержимыми идеей отплатить мне за поверженного бога. Четверых я сразил из арбалета, двух оставшихся убил саблей. Перед смертью они рассказали мне о воплощении Вишну. Их преданность богу произвела на меня впечатление. Они умоляли меня поговорить с сыном убитого мной князя и покаяться перед ним. И я решил исполнить их последнюю просьбу, осознав, что мне не скрыться и не убежать. В доме наследника меня ждала отнюдь не теплая встреча. Мне пришлось выдержать схватку с шестью вендийцами, в конце которой меня взяли в плен. Но сын князя оказался человеком благородным и не склонным к горячности, в отличие от отца. Он выслушал мои слова и даровал мне прощение. «Так завещал тот, кого ты сразил», — сказал он. Я попросил его рассказать мне об этом боге и о его учении. Мы беседовали с ним почти три колокола. Уходил я от наследника другим человеком.

— И что же дальше? — Конан не вполне понимал, что нашли вор Зархей и сын князя в заветах бога, который не смог сам себя защитить.

— Я отправился в Султанапур, как и планировал, — сказал Хамар. — К матери. Но я оставил все мысли о воровстве и о насилии. Вновь и вновь я возвращался к словам наследника князя. Чистота деяний определяется чистотой помыслов, а ее можно было достичь лишь через смирение. Его же мне как раз и не доставало, но я работал над собой, понимая, что избрал нелегкий путь. Каждый день я выходил в море на лодке, которую приобрел на деньги, нажитые в Шадизаре, и ловил рыбу. Треть улова я отдавал матери, треть забирал себе, треть раздавал беднякам. Так я жил, понемногу забывая свое беспутное прошлое: Я даже начал рассказывать людям об учении моего бога, и они слушали меня. Во время одной из таких проповедей на меня и совершили покушение. Стрела пронзила женщину, случайно наклонившуюся за упавшей монетой. Так получилось, что она загородила меня. Вмиг проснулись дремавшие во мне шадизарские навыки, они словно ожидали того момента, когда что-нибудь столкнет меня с пути недеяния и смирения. Я бросился вслед за убегающим убийцей и настиг его через пару кварталов. Он отпирался и не желал говорить. Пришлось прибегнуть к пыткам. Лишь оставшись без глаза, убийца осознал всю серьезность моих намерений. Он рассказал, что его наняли вендийцы, чтобы расправиться со мной. Я назвал ему имя княжеского сына и спросил, это ли заказчик. Убийца ответил, что этот человек никак не может им быть, потому что он уже мертв. Прежде чем прикончить наемника, я

узнал имена его сообщников, и где их можно найти. Получалось, что не все вендийцы были так миролюбиво настроены, как покойный сын князя, и они вовсе не собирались позволять мне спокойно дожить свой век. Тогда я и решил, что пришла пора Зархебу навсегда исчезнуть. Но прежде я навестил наемников и препроводил их на Серые Равнины. Конечно, мне повезло, что я сумел их всех одолеть, но этот риск был осознанным. После этого я купил себе новую одежду и вышел в море. Отойдя от берега на приличное расстояние, я переоделся и разбил лодку топором. По моим расчетам доски должно было отнести как раз к рыбацким причалам. Погода тогда была ненастная, а в море вокруг Султанапура полно торчащих из воды камней, о которые можно повредить суденышко вроде моего. Ухватившись за бревно покрепче, я поплыл в сторону полудня. И вновь судьба оказалась ко мне благоклонна. Мне не удалось совладать с волнами, и через три-четыре колокола у меня уже не оставалось сил, чтобы начать грести к берегу. Но ближе к вечеру течение и волны вынесли меня к нему. Оказавшись на суше, я тут же уснул и проспал всю ночь и половину следующего дня. Потом почти сутки я плелся на полдень, изнывая от голода и жажды. Наконец мне встретилось человеческое поселение, рыбацкая деревушка Ореза. Там меня напоили, дали еды и указали, как выйти на караванный путь в Аграпур. Назвался я жителем Орезы Хамаром, под этим именем и в столице Турана, куда я добрался, нанявшись ох-

ранником в караван. Дважды на нас нападали разбойники, и мне удалось неплохо проявить себя, хотя доспехов на мне не было, а саблю мне выдали из тех, что не годились на продажу, а выкинуть жадность не позволяла. Денег мне караванщики не заплатили, об этом и разговоров не велось, зато порекомендовали десятнику, искавшему новобранцев в туранскую армию. Мне показалось, что среди солдат получится легко затеряться. Честно говоря, когда я услышал полгода спустя, что меня включили в сотню сопровождения для туранского посла в Вендии, то был готов снова пуститься в бега. Я подумал, что убийцы вновь отыскали меня и сейчас заманивают в свое логово, чтобы предать страшнейшим пыткам, а затем убить. Но потом понял, что никто не решился бы затевать ради моей персоны столь масштабную операцию. А в Вендии у меня появлялся шанс навсегда избавиться от своих страхов.

— Верю, что ты говоришь правду, — сказал Конан, хотя сильно сомневался в истинности слов туранца, — но это не оправдывает твоего преступления.

— Это еще не все, сотник, — глаза Хамара горели. Когда он говорил, то забывал о скорой смерти и становился собой прежним. — Я успел многое прочитать о Вендии за прошлые годы, сначала стремясь постичь суть аватары Вишну, затем надеясь отыскать спасение от наемных убийц. Язык этой страны стал для меня почти родным. Я изучил обычаи и нравы вендийцев. Царь Илдиз вполне мог отправить меня сюда

своим послом, думаю, он бы не прогадал. Но мне нужно было другое, то, что заставит касты браминов прекратить преследование. Существуют священные для вендийцев клятвы, от которых они не отступятся, и я должен был заставить моих врагов принести их. Я собирался похитить одну из священных реликвий Кришны или Шивы, чтобы обменять ее на собственную безопасность. Мне не составило труда отыскать среди вендийцев людей, готовых подействовать моему предприятию. Мы терпеливо ждали, когда нам представится шанс. И вот четыре дня назад один из моих сообщников передал мне сообщение, что брамин Синта, известный шиваит, в честь рождения сына взял на пуджу из храма лингаму, сотворенную самим Шивой из своих чресел.

Конан припомнил, что пуджей называли семейный обряд богопочитания, а вот насчет лингамы сомневался. Вроде бы простой вертикальный столбик, но полной уверенности не было. В конце концов киммериец решил, что большого значения сей факт не имеет. Реликвия, она и есть реликвия.

— Охрана во дворце Синты была многочисленная, — продолжал Хамар, — и пробираться внутрь пришлось хитростью. Я переоделся в наряд почитателя Ситалы и заявил страже, что желаю присутствовать на пудже, дабы оградить новорожденного мальчика от влияния богини черной оспы. Вообще-то на церемонию принято допускать только родственников и близких друзей, но зловещей богини с полудня вендийцы опасаются,

ются, вот и со мной решили не спорить, тем более что намерения у меня были якобы самые добрые.

На судилище Хамар рассказывал, что проник в дом брамина обыкновенным воровским способом, перебравшись через стену. Вновь ложь. Но когда, сейчас или прежде?

— На пудже мало кто осмеливался вставать со мной рядом, — сказал туранец. — Готов поспорить, само мое присутствие многие друзья Синты приняли за знамение, и сейчас совершают паломничество на полдень, в храм богини Ситалы. За мной никто не наблюдал, и мне не составило труда затаиться во дворце, когда все стали расходиться. Я немного боялся, что меня хватятся стражники, но они, похоже, решили, что повелительница черной оспы провела меня мимо них незамеченным. В этой стране чрезвычайно сильна вера в духов и тесную взаимосвязь с богами, подчас она ослепляет вендийцев. Дождавшись полуночи, я вышел из своего укрытия и направился в комнату, где совершалась пуджа. Угощение, цветы, благовония, изображения богов — все это было на месте, а вот лингама исчезла. Я очень удивился, согласно обычаю она должна была остаться на ночь в комнате. И тут я совершил ту же ошибку, что и в Шадизаре, направившись в спальню к брамину. Чудом мне удалось избежать столкновения с патрулями. До меня доносился звук шагов стражников, и я в последний момент умудрялся отыскивать темные ниши, куда не проникал свет от их факелов. У дверей в спаль-

ню никто не дежурил. Внутри тоже все было спокойно. Уставший после обряда Синта спал как младенец. Я тщательно осмотрел помещение, но лингамы не обнаружил. После этого я выбрался из дворца и отправился в наш дом. Было обидно, но я надеялся, что брамин оставит лингаму и на следующие девять дней пуджи, а если и нет, то сыскалось бы что-нибудь другое. Что было дальше, ты знаешь.

— Хамар, это чушь! — киммериец злился на себя за то, что потратил время, выслушивая рассказы убийцы. — Ты был весь в крови. Ты сам, оружие, одежда! За ночь вся постель стала багровой. Дежурившие в ту ночь солдаты показали, что ты вернулся домой в какой-то жидкости с головы до ног. За тобой тянулся след! Прохожие видели тебя! И выжившие охранники брамина тоже. Они все дали твое описание!

— Я не убивал их, Конан, — Хамар повалился на пол и заплакал. К нему вернулись все прежние страхи, он вспомнил, что ему завтра предстоит умереть. — Не убивал. Просто не мог убить. Я же не сумасшедший, сотник. Брамин, его жена, семеро детей, стражники. Я бы никогда не приотронулся к ребенку, Конан. Даже в той прошлой жизни. Зархеб не убийца.

Туранец рыдал так сильно, что тело его то и дело вздрагивало. Он скреб руками пол, словно надеялся прокопать подземный ход.

— В дни предыдущих убийств, — сказал Конан, — тебя тоже не было среди солдат. Не нашлось ни одного человека, кто показал бы, что

видел тебя в это время. Хамар, ты убил всех этих людей и завтра примешь за это смерть.

С этими словами киммериец поднялся на ноги и вышел из камеры.

— Не уходи, сотник! Молю! — доносились крики из-за спины. — Я же тебе все рассказал! Один ты знаешь правду!

— Можешь закрывать, — сказал киммериец подошедшему вендийцу. — Мы поговорили.

Стражник грустно улыбнулся и покачал головой. Сначала нижний замок, затем верхний, следом за ними засов.

Молча шли Конан и вендиец вперед по коридору в направлении выхода из тюрьмы. Сзади слышались мольбы Хамара — или же Зархеба. Он кричал, что невиновен, и заклинал киммерийца спасти его.

Северянину было жутко. Он жалел, что пришел сюда. Конан отдал последний долг своему солдату и услышал правду. Вор Зархеб слишком долго бегал от своих преследователей, и когда он волею случая очутился в Вендии, его разум не выдержал.

Он убивал, сам не понимая того, что совершает. Скорее всего, Хамар искренне верил в ту историю, которую он только что рассказал. Большая часть его сознания еще оставалась нормальной, и она не понимала, почему должна отвечать за действия своей темной сестры. Туранцу предстояло умереть с твердой верой в свою невиновность. Конан корил себя за то, что не разглядел изъяна в разуме Хамара. Он мог предотвратить

все эти убийства, но не сделал этого. Это его следовало бы повесить завтра.

— Держите, — страж протягивал Конану его серебряные монеты. — На вас тяжело смотреть. Ни к чему была эта беседа.

— Оставь себе. Мне это было нужно.

* * *

*День казни Хамара.
Дворец туранского посланника.*

— Что значит, вы отказались забрать тело?!

Конан стоял, оперевшись руками о стол посла Шеймасаи.

Во дворец посланника киммериец прибыл сразу же, как узнал от вендийских солдат, что тело казненного преступника предали огню, а прах сбросили в реку. Сотник ни на миг не усомнился в том, чьих это рук дело.

— Хамар навлек позор на Туран, а потому не заслуживает тех похорон, что ты собрался для него устроить.

— Он был сумасшедшим, — кричал на посла Конан. Тот, казалось, не замечал нависавшего над ним киммерийца и продолжал спокойно заполнять какие-то свои бумаги. — Не понимал того, что натворил. Это даже сами вендийцы признавали.

— Повежливее, сотник, — холодно отрезал Шеймасаи. — Ты очень близок к тому, чтобы навлечь на себя мой гнев. Поверь, мне есть что на-

писать о твоём поведении в послании к царю Илдизу. И что же ты злишься из-за того, что собаку похоронили по-собачьи? Эрлик всё равно не принял бы его душу. Или вас с Хамаром что-то связывало?

— Он был одним из моих солдат! — Конан начал перебирать в уме всевозможные способы predания Шеймасаи смерти. Это помогало успокоиться.

— Мне кажется, было что-то большее, — посл наконец соизволил поднять голову. Взгляд его маленьких темных глаз был недобрый и колючим. — Мне рассказывали, что Хамар взывал к тебе перед казнью. Он упоминал некую тайну, в которую были посвящены вы оба. Что если это ты, сотник, задумал и организовал все убийства, а Хамар, бедный безумец, был лишь послушным проводником твоей воли? Может мне поговорить с властями Айодхьи, поделиться своими сомнениями?

— Дурак, — процедил сквозь зубы киммериец. — Можете хоть весь город оповестить о своих подозрениях. Тогда, надеюсь, Илдиз одумается и назначит на ваше место здравомыслящего человека.

— Пошел вон, — по слогам произнес Шеймасаи.

Телохранители посла демонстративно коснулись своего оружия. Эти двое гигантов не входили в сотню киммерийца, а относились к непосредственной свите Шеймасаи. Туранец не доверял посторонним людям, памятуя о незавидной

участи своего предшественника на посту посланника в Вендии.

Конан сплюнул на шикарный туранский ковер, развернулся, не отвесив обязательного поклона, и вышел из приемной. За его спиной Шеймасаи махнул рукой стражам у дверей, чтобы те вернули киммерийцу его меч.

Суэта, царившая во дворце посланника, раздражала северянина. Все куда-то спешили, сталкивались, кричали друг на друга. Охранники, прибывшие в Вендию вместе с Шеймасаи, терялись в этой обстановке и замещали понимание повышенной требовательностью к себе и окружающим. Конана только за время последнего визита успели пять раз остановить и поинтересоваться, кто он такой и что здесь делает. И это при весьма приметной внешности киммерийца. На самом же деле умелому вору или убийце не составило бы труда незаметно пройти сквозь все эти посты и не обратить на себя внимания патрулей. Слишком много сил тратила охрана на ликвидацию мнимых угроз. Интересно, они сами-то хоть осознавали, что как стражи никуда не годятся?

Во дворцах вендийской знати все было иначе. Спокойствие и порядок ценились превыше всего. Все находящиеся внутри люди относились друг к другу с почтением, киммериец ни разу не слышал, чтобы кто-то повысил голос во время разговора. Разодетые в шелка и вооруженные широкими саблями охранники встречались только на входе во дворец и у покоев его владельцев;

выполняли они по большей части декоративную функцию. Те люди, в чьи обязанности входило поддержание покоя и безопасности, на глаза старались не попадаться, но вору, вздумавшему освободить вендийского князя от части его сокровищ, пришлось бы немало потрудиться, чтобы исполнить задуманное. Еще Конану очень нравилось отношение вендийцев к чужеземным гостям. Не было такого случая, чтобы киммерийцу или кому-нибудь из его солдат не поднесли чашу с вином и не предложили бы отведать фруктов или сладостей. В Туране и Заморе такие знаки внимания хозяева оказывали чрезвычайно редко.

Даже сама архитектура туранского посольства словно противилась тому, что творилось внутри. Каждая деталь, каждая малая составляющая и вся их совокупность дышали изяществом. Камень, прошедший через руки вендийских мастеров, казался хрупким, как хрусталь. Росписи, мозаики, витражи лишь усиливали впечатление утонченности архитектурного замысла, возводили дворец в ранг произведения искусства. Стоило оказавшемуся внутри человеку отойти на шаг влево или вправо, как тут же менялось восприятие всего этого мраморного ансамбля. Конан не считал себя знатоком искусства, но он осознавал, сколь хрупкой является эта красота и как легко ее разрушить. Туранцы же этого не понимали или им было все равно. Слуги Шеймасаи расстелили, где только могли, свои дурацкие ковры, замечательные фрески с видами природы заслонили грандиозными полотнами с изображениями

побед туранской армии. Киммерийцу не нравилось столь непочтительное отношение к культуре другой страны. Это в детстве он с удовольствием громил Венариум, а сейчас успел многое увидеть и понять. Негоже взрослым людям вести себя так, словно они подростки. Вот покойный предшественник Шеймасаи это понимал, и дворец к моменту прибытия в Вендию сотни Конана выглядел намного красивее, чем сейчас.

На улице уже всю светило солнце. После прохлады во дворце непривычно было ощущать горячее прикосновение его лучей. Но стоявшая уже несколько дней духота после грозы спала. Грязь на улицах за последние два колокола успела подсохнуть, и можно было не бояться перепачкаться с головы до ног.

К Конану подбежал рикша, весьма внушительного телосложения мужчина лет сорока, предлагая довести туранского сотника, куда тот пожелает. Киммериец покачал головой. Теперь спешить было некуда. Впрочем, и беседу с послом Шеймасаи тоже можно было отложить, но Конан желал поскорее высказать туранцу все, что он о нем думает.

Не спеша киммериец брел к находившемуся неподалеку старому дворцу, который вендийцы выделили для солдат царя Илдиза. Кто-то, как и Хамар, называл это строение домом, другие, в силу устоявшейся привычки, именовали казармой.

Контраст между жизнью во дворце и жизнью на улице был потрясающий. Иногда киммерийцу казалось, что людей в Айодхье находилось боль-

ше, чем способен был вместить в себя город. На встречу северянину двигались не отдельно взятые индивидуумы, а целые толпы. Меж ними непонятным образом умудрялись лавировать носильщики с паланкинами. Все эти люди еще приспособились уступать дорогу коровам, привыкшим к своему священному статусу, а потому поразительно безразличным и наглым. По обеим сторонам улиц сидели попрошайки и торговцы. Время от времени заинтересовавшийся товаром вендиец отделялся от толпы и направлял к ним свои стопы, иногда происходило наоборот, и сами продавцы вклинивались в человеческую массу. Встречались на улицах и факиры, и заклинатели змей, и йоги. В дни религиозных празднеств, что не редкость в Вендии, почитатели того или иного божества устраивали массовые шествия, и тогда становилось совсем не протолкнуться. Чужеземцу. Вендийцы давным-давно приспособились и никаких неудобств не испытывали.

Думать в обстановке постоянной угрозы столкновения со случайным прохожим или же, упаси Кром, коровой киммериец не мог. Впрочем, именно такого состояния своего разума он и желал добиться. Слишком много было впечатлений за этот день. Сначала казнь Хамара. Любовные утехи с Рамини и ее подружками не принесли желанного облегчения. Сумасбродное решение Шеймасаи вызвало еще большее замешательство в душе Конана. Он рассчитывал проститься с Хамаром и поскорее забыть об ужасной трагедии, виновником которой стал бывший вор. А

сейчас северянин ощущал пустоту и не знал, чем ее заполнить. Прогулка через центр Айходьи была для него средством временного отрешения ото всех проблем.

Но вот дорога подошла к концу. Людской поток как-то быстро и незаметно вынес киммерийца к воротам казармы — он предпочитал именно это слово.

— Мы тебя уже заждались, сотник, — поприветствовал Конана высоченный Армас. — Хотели на поиски отправляться.

— Как все прошло, командир? — спросил Сабир. Киммериец не помнил, чтобы этот молодой красивый парень когда-нибудь улыбался. А сейчас-то тем более настроение у него было отнюдь не праздничное: он считался одним из немногих друзей Хамара. Сабир до последнего верил в его невиновность.

— Нормально, — ответил киммериец, похлопав солдата по плечу. — Он не мучился, шея сразу сломалась.

— Когда нам доставят тело? — поинтересовался Сабир. — Мы уже подготовили все для обряда, вот-вот жрец Эрлика подойдет.

— Отошлите его, — скрепя сердце произнес киммериец. К Хамару в сотне относились по-разному, но верили, что бог Огня рассудит его деяния по справедливости. Конану предстояло сообщить, что к Эрлику его душа не попадет. — Шей-масаи приказал похоронить Хамара согласно вендийской традиции, я не успел ему помешать.

— Командир... — У Сабира не было слов.

— Его прах несколько колоколов назад высыпали в Рехар, — сказал Конан. — Вендийцы верят, что воды священной реки очистят прах от всякой скверны, а душа сама отыщет свой путь. Я собираюсь сходить на берег, чтобы проститься с Хамаром. Хотел узнать, кто пойдет со мной. Остальных я отпущу, запрет на посещение города снимается.

— Сотник, найди кого-нибудь мне на смену, — попросил Сабир. — Я отправлюсь с тобой.

— Хорошо, Сабир.

Мысль сходить к священной реке посетила Конана совершенно неожиданно. Надо было что-то придумать, чтобы успокоить солдат, и в результате родилась недурная идея. Наверное, мало кто верил, что Хамар был и вправду невиновен и что заступничество Эрлика ему бы помогло. Но солдаты, подобно своему командиру, желали проститься с товарищем и тем самым очистить собственные души от груза предательства. Туранцы могли и не выдавать Хамара властям Вендии. Им сейчас нужен был символ того, что вины на них нет, и поход к реке в этом смысле был ничем не хуже кострища.

Большинство солдат находилось в зале, соседствующей с купальнями. Там туранцы спасались от жары, но сегодня решили воздержаться от погружения в бассейн. Негоже верным слугам Эрлика предаваться низменным утехам в день казни их товарища, во всяком случае, до того, как настанет время проводить его в последний путь.

Киммериец вошел в залу практически бес-

шумно. Его не сразу заметили. Почти все взгляды устремлены были в пол. Кто-то искренне сопереживал Хамару, кто-то просто изнывал от вынужденного безделья. Конан подозвал к себе Халила, одного из самых молодых воинов в сотне, и велел собрать всех оставшихся солдат. Киммерийцу поднесли чашу с вином и уступили место в его любимом кресле. Северянин кивком поблагодарил солдат.

Тишины никто так и не осмелился нарушить. После появления Конана все разговоры стихли, и сейчас воины ждали, что же скажет их командир.

Наконец вернулся Халил. Следом за ним в залу вошли еще двенадцать солдат. Лица у всех были мрачнее сегодняшних туч. Киммериец припомнил, что именно эти воины водили дружбу с Хамаром.

— Я был на казни, — начал Конан. Он пересказал солдатам события, происходившие на площади перед тюрьмой, свой разговор с вендийцами, сообщившими о сожжении тела Хамара, и кратко коснулся визита к Шеймасаи.

Вопросов туранцы задали совсем немного. Как и Сабир, поинтересовались, не мучился ли Хамар, спрашивали об особенностях вендийской традиции обращения с мертвецами. Многого Конан не знал и выдумывал на ходу наиболее приемлемые ответы.

— Что бы ни происходило на небесах, — сказал Конан, когда вопросов больше не осталось, — нам на земле надлежит отдать свой долг умершему. Я не призываю всех идти на берег Рехара,

пусть это будут те, кто лучше всех знал Хамара при жизни. Остальные могут заняться чем пожелают. На сегодня приказов больше не будет.

Сотня начала медленно расходиться. В зале оставался примерно каждый пятый или шестой. Киммериец вспомнил, что обещал Сабиру назначить для него сменщика.

— Халил, — подозвал к себе парня Конан. Туранец явно хотел уйти, но никак не мог решиться. — Заменишь Сабира на страже. Понял?

— Сделаю, — ответил воин и умчался исполнять приказ.

В итоге к Рехару с Конаном собралось идти четырнадцать человек, включая Сабира.

Двигаться по Айодхье большой компанией было не в пример легче. Вендийцы охотно уступали дорогу чужестранцам. Но радости по этому поводу на лицах солдат не читалось. Молча шли они сквозь бурлящую жизнь столицу Вендии. Солнце уже склонялось к горизонту, и во многих храмах зазвучали гонги, призывая верующих на молитву.

Полноводный Рехар ограничивал столицу Вендии со стороны полудня. В той части города, что примыкала к реке, располагались самые старые постройки, среди которых числился и бывший дворец правителя, и храмы погибших богов. На взгляд вендийцев Рехар был рекой священной, на взгляд чужеземцев — до невозможности грязной. Путешественники не то что пить, даже омыться в нем боялись. Чего не скажешь про вендийцев. Они залезали в реку толпами, наде-

ясь снискать благоволение богов. Их нисколько не смущало то, что в Рехар сливали все городские нечистоты и скидывали тела мертвецов из низших каст.

— Ужасное место, сотник, — сказал Сабир, когда отряд из пятнадцати человек достиг реки.

Конан не мог не согласиться. От мельтешения тел в водах Рехара рябило в глазах. Мужчины и женщины, младенцы и глубокие старики, здоровые и больные, приверженцы Вишну, Кришны, Шивы и всех прочих богов — каждый вендиец считал своим долгом совершить омовение, когда ему предоставлялась такая возможность.

Запах гнили и человеческих испражнений чувствовался еще на подходах к реке, здесь же и вовсе было не продохнуть. Конану казалось, что многие вендийцы не выдерживали этого зловония и, погрузившись в Рехар, оставались там навсегда.

— Всего второй раз здесь, — признался киммериец. — Надеюсь, что последний.

— Где именно они развеяли прах Хамара? — поинтересовался один из солдат.

— Не знаю, — честно ответил киммериец. — Я тогда очень разозлился, даже не подумал об этом спросить.

Туранцы молчали. Обвинить сотника ни у кого из них язык бы не повернулся.

— Думаю, у храма Агни, — решил наконец Конан. — Он — бог Огня, как и Эрлик. Не удивлюсь, если узнаю, что вендийцы не делают между ними разницы.

Предложение пойти к храму Агни ни у кого возражений не вызвало.

Киммериец остановил проходившего мимо щуплого старого вендийца и спросил у него, где можно помолиться богу Огня.

— Дома, — старик улыбнулся так, словно Конан сказал какую-то глупость. — Найдите изображение Агни, соберите хорошую жертву и обращайтесь к нему. Если он жив, то он вас услышит.

— Я кое-что другое имел в виду, — произнес киммериец. — Мне нужно попасть в его храм. Такова традиция нашей страны.

— Для нас чужеземцы на одно лицо, но не настолько же, — добродушно рассмеялся вендиец. — Не обижайся, я понимаю, что у тебя с этими людьми одна вера, хоть происхождение и разное. Чтобы достичь храма Агни, надо отсюда идти на восход, примерно треть колокола. Там вы и найдете статую бога Огня. Это высокий мужчина, обернутый в развевающийся на ветру плащ.

— Благодарю тебя.

— Доброй дороги.

Киммериец вкратце перевел разговор на туранский. Вендийский в сотне знали лишь немного, и учить его никто особенно не стремился.

Храмы, посвященные древним божествам, начались почти сразу же, стоило пройти немного вдоль реки на восход. Народу тут было меньше, чем среди руин дворца, к которому пятнадцать солдат царя Илдиза вышли сначала. Здесь люди уже не просто совершали омовения, а творили в

воде какие-то непонятные ритуалы. Возле храма, перед которым возвышалась статуя широкоплечего мужчины, воздевшего руки к солнцу, сидели в позе лотоса три десятка вендийцев и медитировали.

Чувство гадливости, что посетило Конана при виде вод Рехара, постепенно отступало. В душе киммерийца возникло осознание невероятной древности старой Айодхьи. Одновременно с этим нарождался первобытный ужас. Проходя мимо полуразрушенных храмов и изображений божеств, северянин чувствовал, что все эти существа и впрямь некогда управляли жизнями вендийцев и что их уже больше нет. Время перемололо древних богов, оставив от них лишь память да каменные изваяния. Киммерийцу пришло на ум, что только в таких местах и осознаешь, как коротка и ничтожна человеческая жизнь. Конан старательно гнал из головы подобные мысли, но у него никак не получалось совладать с собственным разумом. Череда храмов неизменно возрождала все страхи и сомнения. Был только один способ избавиться от горестных дум: поскорее бежать отсюда. Но киммериец не мог принять сей эликсир, не раньше, чем он достигнет святилища Агни. Невольно у Конана возникла ассоциация с Хамаром, что страстно желал покинуть свое узилище, но был не в состоянии этого сделать.

— Вот он! — первым статую Агни заметил Сабир.

Почти все после этих слов испустили вздох облегчения.

Сразу же прибавилось сил. Руины перестали казаться зловещими и непоколебимыми, а вендийцы, обращающиеся к богам из вод Рехара, вызывали лишь сочувственную улыбку.

Перед изображением Агни отряд замер. Скульптор, создавший эту статую, был, верно, гением. Даже спустя века она вызывала у созерцавших ее людей невольное восхищение и благоговение, словно сам бог стоял перед ними.

— До Эрлика не дотягивает, — сказал кто-то из солдат.

Но на этот раз магия произнесенных вслух слов не смогла разрушить колдовского очарования места. Один за другим воины Илдиза опускались на колени перед вендийским богом Огня, не стал исключением и Конан.

— Сохрани душу нашего брата, — обратился к Агни Сабир.

Конану хотелось верить, что в посмертии для Хамара сыщется хоть какой-нибудь покровитель, будто то Эрлик, Бел или Агни. Туранец не ведал того, что творил. Не дело, если ему за этот грех придется расплачиваться и в ином мире.

— Пойдем к реке.

Киммериец не разобрал, кто это сказал. Вроде бы не Сабир.

Вендийцы, заметившие солдат, совершавших таинства у храма Агни, предпочли отойти подальше, дабы не мешать их ритуалам.

Не дойдя нескольких шагов до неспешно текущих вод Рехара, четырнадцать туранцев и киммериец опустились на землю.

«Путь созерцания и недеяния», — вспомнил Конан слова Хамара.

Трава вокруг, едва-едва пробивающаяся, была вытоптана ногами сохранившихся еще последователей Агни. Птицы, нисколько не боясь людей, разыскивали себе пропитание прямо у них под. В грязной, мутной воде плескалась рыба. Что бы подумал Хамар или его безымянный бог, обрати он свой взгляд на все это?

— Прочти молитву, — попросил Сабир усач по имени Масул.

Сабир поднялся на ноги и, повинувшись какому-то неясному зову, вошел по щиколотку в Рехар.

Он обращался к богу Огня на гирканском. Так молились Эрлику в храмах Султанапура, откуда он был родом. Конан не знал этого каркающего наречья; местами встречались слова, сходные с туранскими, но общий смысл молитвы всё равно ускользал от киммерийца.

Когда Сабир закончил, диск солнца уже скрылся за горизонтом.

Пора было возвращаться в казармы.

— Давайте останемся здесь, — неожиданно предложил Масул. — Хвороста поблизости полным-полно, разведем костер, поговорим, вспомним Хамара.

— У меня вино с собой есть, — сказал самый молодой из отправившихся к реке солдат. — Думал принести в жертву, но лучше помянем им Хамара.

— Я согласен, — произнес Сабир. Остальные

туранцы тоже закивали головами. — Что скажешь, сотник?

— Собирайте дрова, — ответил Конан, — пока совсем не стемнело.

Полколокола спустя солдаты уже сидели вокруг костра, разведенного в самом центре храма Агни, у которого, как выяснилось, отсутствовала крыша, и травили байки, так или иначе связанные с Хамаром. Об убийствах никто не вспоминал. Говорили только о хорошем или же смешном. Мешок с вином ходил по кругу.

Конан участия в разговоре не принимал. Он тоже вспоминал. Но не Хамара, а то, как все начиналось.

* * *

*За три дня до похода в Вендию.
Дворец царя Илдиза.*

Конану весь день говорили о том, какая это честь — лично встретиться с царем Илдизом Туранским, давали наставления, обучали. И если вначале, после первого разговора с тысяцким, киммериец особого волнения не испытал, то к моменту начала аудиенции он пребывал в состоянии легкого замешательства.

Но оказалось, что не все так страшно. Илдиз повелел сотнику забыть об этикете и говорить все, что тот сочтет нужным, не заботясь о форме подачи. Трем своим советникам и военачальнику, препроводившему Конана в покои, избран-

ные для встречи, царь сразу же приказал удалиться. Кроме киммерийца и Илдиза, в огромной зале остались только пятеро царских телохранителей и группа танцовщиц, призванных услаждать взор занятых беседой господ.

Сам Илдиз вблизи выглядел старше, чем на парадах, но держался для своего возраста вполне бодро. Сказывался здоровый образ жизни. В противу многим придворным царь никогда не пользовался снадобья, изготовленные из лотоса, и не увлекался вином. Вот и сейчас, усевшись рядом с Конаном на огромных мягких подушках, он больше внимания уделял чашам с фруктами, нежели кувшинам с белым зингарским.

В начале беседы Илдиз расспросил Конана о его жизни. О прошлом и настоящем. Киммериец рассказывал все честно, не допуская лжи. Царь на его слова реагировал нормально, как самый обыкновенный человек. Чувствовалась в Илдизе искренность, подкупающая собеседника. Высокомерия же в нем не было нисколько.

— Ладно, настало время поговорить о делах, — сказал царь, отсмеявшись после финала истории киммерийца про отмычки Бела. — Я могу доверять лишь немногим из тех, кто служит мне, и ты, Конан, — среди них. Дело даже не в том, что ты не раз доказывал свою преданность; просто я привык прислушиваться к своей интуиции, и она говорит, что ты не предашь и не обманешь.

— Не хочу показаться невежливым, царь Илдиз, — произнес сотник, — но почему тогда во

дворце столько людей, о недобросовестности которых известно всем и каждому?

Илдиз с легким замешательством посмотрел на киммерийца, но потом понял, что Конан не подвергает сомнению его мудрость, а лишь желает услышать ответ.

— Государство, Конан, это не десяток солдат, не сотня и даже не тысяча, — произнес царь. — Нельзя приказать повесить всех негодяев и надеяться, что после этого наступит благодать. Одни, несмотря на свою порочную натуру, иногда бывают очень полезными, у других есть родственники, которых лучше иметь в союзниках, третьи, подворовывая сотни, не позволяют украсть тысячи. Если однажды станешь правителем, ты поймешь, о чем я говорю, но до тех пор будешь считать мои слова оправданием лени и трусости. Но пусть лучше уж будет так. Я бы с радостью променял свою жизнь на бытие простого солдата или торговца, но не могу этого сделать.

Конан и впрямь не понимал того, что пытался объяснить ему Илдиз, но верил, что этот старик ставит благо своей страны превыше всего. Даже если б некий маг согласился исполнить его желание и обратить в молодого бравого солдата, то царь наверняка бы в последний момент отказался, вспомнил бы об ответственности перед своими подданными.

А вот сказать того же о наследнике, Ездигерде, киммериец не мог. Этот отчаянный и в меру талантливый вояка лелеял лишь собственные амбиции. Конан знал, что, когда тот взойдет на

престол, ему, Конану, в Туране больше делать будет нечего.

— Я прервал вас, царь, — повинулся Конан.

— Тебе дозволено, — ответил Илдиз. — У тебя еще будет возможность продемонстрировать знание этикета, и очень скоро. Я собираюсь поставить тебя командовать сотней, что через два дня отправится в Вендию.

— Почему меня? — спросил киммериец. — На такие миссии принято отряжать местных выходцев. Или я ошибаюсь?

— Нет, ты прав, — сказал Илдиз. — Вся сотня будет сформирована исключительно из туранцев, но для командира решено сделать исключение. Ситуация такова, что поставить нужного человека на это место намного важнее дипломатической традиции.

— И в каком же качестве я буду нужен в Вендии? — поинтересовался Конан.

— Так сразу и не ответишь, — задумчиво произнес царь, очищая между делом гранат. — Давай, лучше я расскажу, как обстоят дела и зачем этот поход понадобился.

Конан слегка наклонил голову в знак согласия.

— Три дня назад, — начал рассказ Илдиз, — соколиной почтой нам пришло письмо из Вендии. В нем говорилось о внезапной и загадочной смерти нашего посла. В ночь после одного из приемов у него остановилось сердце. Ни лекари, ни маги не обнаружили никаких следов внешнего воздействия, но его жена, на редкость разум-

ная женщина, — именно она составила это послание, — настаивала на том, что это было убийство. По данным наших конфиденентов, сейчас в Вендии идет перегруппировка политических сил. Шпионы говорят, что незначительная, но они могут много не видеть. А часть из них наверняка имеет покровителей среди вендийской знати. Меня же очень взволновала возможность того, что один из моих самых преданных людей, который к тому же имел связи среди браминов и высокопоставленных кшатриев, мог умереть не своей смертью.

— Вы желаете, чтобы я отыскал убийцу? — сказал Конан.

— Нет, прошло слишком много времени, — ответил Илдиз. — Если ты на него выйдешь, то случайно. Я попрошу у тебя большего. Ты должен будешь оценить ситуацию в Вендии и сказать, есть ли у Турана повод для волнения или же нет. Я говорил, что склонен доверять своей интуиции. Проще тебя, уверен, можно сказать то же самое, но твое чутье немного иного толка, и оно в сотни раз сильнее моего. Я знаю историю твоей жизни, Конан. Тебе случалось попадать в самую гущу хитроумных интриг, и однако ты каждый раз умудрялся выходить победителем. Сейчас же ты должен будешь по собственной воле войти в игру.

— Могу я узнать, что именно донесли вам конфидененты? Кого вы подозреваете в убийстве и действиях, направленных против Турана?

— Лучше будет, если я сохраню это знание при себе. Даже самый надежный из моих агентов

в Вендии может оказаться лжецом. Я не хочу тебя заранее вводить в заблуждение. Оказавшись на месте, ты скорее разберешься в ситуации, если твой взгляд на нее будет непредвзятым.

— С кем мне связаться, если я смогу отыскать нечто достойное внимания?

— Со мной, — сказал царь и протянул Конану золотой треугольный амулет с огромным алмазом посередине. — Скажешь на киммерийском «вести из полуденного края», и магия этого предмета запомнит все твои последующие слова. Закончишь сообщение фразой «поиски продолжаются» или «возвращаюсь домой». О твоей особой миссии не будет известно никому. Даже о нашей встрече знают только девять человек, все те, с кем ты беседовал. Содержание нашего разговора останется тайной. Если будут спрашивать, о чем мы говорили, — отвечай, что о твоих последних успехах и о возможности продвижения до тысяцкого. Кстати, это звание ты получишь, когда вернешься из Вендии.

— Каковы же официальные задачи сотника Конана?

— В первую очередь — сопровождение нового посла. Зовут его Шеймасаи, завтра вы будете представлены друг другу. Маленький нервный человек с ужасным характером, зато не из тех, кто позволит запутать себя даже таким искусным интриганам, как вендийцы. И не надеюсь, что вы найдете с ним общий язык. Главное, не убей его по дороге. Вторая твоя цель — семейство покойного посла. Их надо в целости и сохран-

ности доставить в Туран. Готовиться к переезду они начнут сразу, как только Шеймасаи окажется в Айодхье. Это время и отводится тебе на расследование. Вдове будут даны указания как можно дольше затягивать отъезд, но рано или поздно ей придется отправиться в путь.

— Я смогу принять участие в наборе солдат для своей сотни?

— Разумеется.

* * *

*На следующий день после казни.
Центр Айодхьи.*

Вдову бывшего туранского посла звали Телидой. На вид ей было лет шестьдесят, не больше, хотя прошлым летом она отметила свой семьдесят седьмой день рождения. Ростом она превосходила не только всех женщин-служанок в своем доме, но и многих мужчин. Но насколько она была высока, настолько же и худа. Вытянутое лицо и длинноватый нос усиливали впечатление.

Одежды Телида носила исключительно вендийские. Зато с гостями своего дома она держалась как истинная туранка. Сразу показывала, кто здесь хозяин, но о вежливости и этикете никогда не забывала. Голос у вдовы был низкий, хрипловатый, потому у неподготовленного собеседника могло сложиться впечатление, что она чем-то постоянно недовольна или пребывает не в лучшем состоянии духа.

Царь Илдиз считал эту женщину чрезвычайно умной и преданной трону Турана. С первым пунктом Конан был безоговорочно согласен, насчет второго сомневался. Он уже не раз беседовал с Телидой и так не определился, чего же хочет эта женщина. Про вендийцев во всем остальном мире говорили, что они постоянно плетут интриги, но при этом делают вид, что безобидны, словно овечки. Телида, похоже, за восемнадцать лет, проведенных в этой стране, переняла у её обитателей склонность к подковерным играм, а вот делать невинное лицо так и не научилась.

Не было еще такого случая, чтобы киммериец, направляясь к вдове, не помышлял о том, чтобы посвятить ее в суть своей тайной миссии. Тем более что она о многом наверняка уже догадалась. Но каждый раз что-то да останавливало Конана. Телида могла оказаться очень полезной союзницей, но киммериец никак не мог побороть бессознательного недоверия к ней.

Общалась Телида с Конаном с показной вежливостью, особенно явной на контрасте с Шеймасаи. Каждый раз разговор начинался с требований киммерийца поторопиться со сборами. Вдова неизменно находила вескую причину отложить отъезд. Подобное начало беседы уже превратилось в своеобразный ритуал.

Затем следовал обмен последними новостями. Это тоже была своего рода игра. Телида понимала, что любопытство Конана относительно дел, творящихся во Айодхье, да и во всей Вендии, имеет под собой некие скрытые основания. И раз

киммериец не желал ими делиться, то и она не обязана быть полностью откровенной. Так что вдова выдавала сведения исключительно маленькими порциями и лишь в обмен на истории из жизни северянина. Иногда Конану казалось, что он услышал нечто интересное и полезное, и тогда он пытался обходными путями добраться до необходимого ему знания. Телида в таких случаях прекращала таиться, но при этом делала мысленную пометку о том, что вошло в сферу поисков киммерийца.

Но такой порядок ведения беседы просуществовал лишь до второго нападения на дом знатного вендийца. После этого разговоров было больше об этих таинственных, кажущихся бессмысленными убийствах. Конан быстро оценил холодную, жестокую логику Телиды. Она легко обращала в прах многие кажущиеся заманчивыми предположения о личности преступника, исходившие как от киммерийца, так и от официальных властей. Вдова посла считала, что кшатрии зря тратят силы на поиски политического или религиозного мотива. Она полагала, что преступник в определенном смысле безумен, но какого рода это помешательство, Телида не бралась сказать.

Дворец, принадлежавший ранее послу Турана, а ныне его вдове, находился в половине колокола неспешной ходьбы от посольства и примерно на таком же расстоянии от казарм. Предшественник Шеймасаи жить предпочитал в одном месте, а работать в другом. Власти Вендии не отказали ему

в подобной привилегии и выделили вдобавок к посольству еще один великолепный дворец, а может быть, это он сам его для себя выбрал.

Конан любил заходить сюда по поводу и без оного, очень уж нравилось ему это место. Все здесь утопало в зелени — маленький кусочек джунглей, подчинившихся человеку. Одних птиц здесь было с полтора десятка видов. В искусственных прудах плавали великолепные золотые и серебристые рыбы. По деревьям скакали маленькие проворные обезьянки. Внутри дворца тоже попадались островки живой природы, и во всех залах и комнатах было множество цветов.

Высокая, худощавая Телида с ее резкими движениями и низким голосом смотрелась на фоне своего жилища несколько неуместно, но она не раз говорила киммерийцу, что, оказавшись в Туране, будет больше всего скучать именно по своему дворцу.

— Приветствую тебя, сотник, — обратилась к Конану Телида, когда тот жарким полднем переступил порог ее дома. — Что привело тебя ко мне?

— День добрый, великолепная Телида, — ответил киммериец. — Я пришел напомнить тебе, что мой отряд задержался в Айодхье намного дольше, чем планировалось. Царь Илдиз будет гневаться, что я плохо исполняю свои обязанности. Ты сказала, что завтра будешь готова отправиться в дорогу. Не возникло ли каких обстоятельств, способных вновь воспрепятствовать осуществлению этого намерения?

— Должна тебя разочаровать, — на лице Телиды не отразилось ничего похожего со стыдом или раскаянием. — Мой второй сын, Осмар, вчера заболел. Лекарь говорит, что хворь эта серьезная. Пойми, судьба сына для меня дороже всего. Я никуда не отправлюсь из Вендии до тех пор, пока он не будет здоров.

— Сочувствую твоему горю, — сказал Конан. — Желаю Осмару поскорее обрести крепость тела и бодрость духа. Я найду через несколько дней навестить его.

— Остайся, сотник, — произнесла вдова. — У тебя усталый вид. Отдохни за чашей вина. Залиль проводит тебя в комнату с водопадами. А я распорядюсь насчет еды и напитков.

Вот и всё. Обязательная часть закончена.

Юная внучка Телиды по имени Залиль выскочила из-за спины вдовы и отвесила Конану поклон. На губах ее при этом играла ехидная улыбка. Это сейчас, при бабушке, она всячески демонстрировала свою обходительность и целомудренность. Вот когда они с киммерийцем встречались за пределами дворца, она превращалась в маленького суккуба. Впрочем, Телида, скорее всего, догадывалась о связи сотника и Залиль, иначе зачем бы она стала в последнее время выбирать именно её в провожатые для гостя.

Пока они с Конаном шли в одну из самых красивых зал во дворце, Залиль несколько раз как бы случайно наклонялась. Киммериец с огромным трудом сдерживался, чтобы не щелкнуть её по великолепной округлой попке.

Комната с водопадами находилась в закатной части дворца, поблизости от одного из прудов. Огромные попугаи с ярким оперением очень любил залетать сюда, чтобы понаблюдать за людьми. Вот и сейчас у лестницы, ведущей в сад, расхаживали три прекрасные птицы. Водопады, расположенные в комнате, были, разумеется, рукотворными. Одна из стен была стилизована под скалу, и с её вершин срывалось три различных по размеру потока. Внизу находилось крохотное озерцо, вода из которого забиралась и с помощью хитроумных устройств вновь доставлялась к истокам воображаемой реки.

Киммериец пододвинул одно из кресел поближе к водопаду, но так, чтобы до него не долетали брызги.

Оставляя Конана ожидать Телиду, Залиль всё-таки решила и чмокнула северянина в щеку.

Милая маленькая девочка. Казалось, она всегда была весела и жизнерадостна. Будь на то воля киммерийца, он бы большую часть времени проводил с ней, а не с Рамини и другими жрицами Иштар. Но строгая Телида очень редко отпускала Залиль в город.

— О чем мечтаешь, сотник? — спросила вдова. Следом за ней в залу вошли трое слуг. Первый нес два кувшина с вином, второй — блюдо с жареным мясом, обильно приправленным вендийскими специями, третий — фрукты.

Киммерийцу внезапно захотелось честно сказать Телиде, что он думает о том, как бы почаще встречаться с её внучкой, но это означало бы но-

вую степень откровенности, к которой Конан был еще не готов.

— О лесистых предгорьях моей далекой страны, — сказал он, — чьи озера таят в себе прохладу, увы, недоступную в этих краях.

— Да, Вендия — страна жаркая, — согласилась Телида и добавила: — Попробуй мясо, Конан. Повар очень старался, это его новый рецепт.

Конан благодарно кивнул.

Вдова каким-то образом умудрилась заметить, что он не только устал, но еще и голоден. Всю ночь сотник просидел с солдатами у костра, поминая Хамара. А по возвращению в казарму выяснилось, что там накопилось гора не терпящих дальнейшего отлагательства дел. Так что спать лег киммериец только на десятый колокол, и то его постоянно кто-то будил. Вот и решил Конан проведать вдову посла, у нее хоть спокойно было. И так спешил северянин покинуть казармы, что забыл даже зайти на кухню.

Мясо, оказавшееся на редкость вкусным, улетело в одно мгновение. Телида, чтобы не смущать гостя, поделила с ним трапезу, но больше внимания уделяла фруктам. Вино они оба пили с удовольствием.

— Хорошо знать, — сказал Конан, — что есть место, где всегда можно рассчитывать на радушный прием.

— Мне приятно твое общество, сотник, — улыбнулась Телида и тут же перевела разговор в русло политической жизни Вендии. — Я слышала о распоряжении Шеймасаи, он поступил крайне

неразумно. Мой покойный муж никогда бы не сделал подобной глупости. Вендийцы решат, что Туран отрекается не только от своего солдата, но и от ответственности за причиненный им вред.

— Мы с воинами ходили к реке прощаться с Хамаром, — Конану не хотелось говорить о Шеймасаи. Киммериец даже вспоминать о нем лишний раз не хотел. — Отыскали храм бога Агни. Ты бывала там?

— Нет, зато много слышала о его почитателях, — сказала вдова. — Почему вы выбрали это место? Я не понимаю.

— Агни, как и Эрлик, бог Огня.

Телида покачала головой.

— У них разная суть, Конан. Эрлик по своей сути творец, а Агни — разрушитель.

— Тогда, быть может, правильно, что именно у него мы просили заступничества для Хамара. — Киммериец подумал, что пламя подчас слепо разит и правых, и виноватых. Точно так же, как и подавшийся безумию солдат. — После молитвы мы сидели и вспоминали его. Я услышал о нем много нового. Он был хорошим человеком, но приезд в Вендию его сгубил.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Телида.

— С этой страной у него были связаны жуткие воспоминания, — ответил Конан. Рассказывать историю Зархеба он не собирался никому, а тем более Телиде. — Он не смог совладать со своими прежними страхами, и они сгубили его разум.

— Ты всё-таки с ним говорил, — вздохнула

вдова. — Я же не советовала тебе туда ходить. Зачем себя мучить понапрасну? С самого начала было ясно, что убийца безумец. Что он тебе там наплел, Конан?

— Не получилось у нас нормального разговора, — сказал северянин. — Он всё время причитал, умолял его спасти. Клялся мне, что в тот день даже не подходил к дворцу брамина.

Конан не сомневался, что Телида знала, о чем кричал Хамар перед смертью. Для того и вставил последнюю фразу.

— Мне кажется, он сам не сознавал, — предположила вдова посла, — где правда, а где вымысел.

— Он очень хотел жить. Боялся смерти, не был готов принять ее достойно. Больно было смотреть, как он цеплялся за призрачную надежду на спасение. Верил, что его товарищи придут к нему на помощь, вырвут из лап палачей. Знаешь, Телида, я так и не избавился от чувства вины перед ним. Надеялся, что вчерашнее прощание у реки поможет, но напрасно.

— Во всем виноват Шеймасаи, — процедила Телида. Она возненавидела посла с первой же их встречи.

— Не думаю, — покачал головой киммериец. — Сам себе не могу признаться в этом, но, похоже, я до сих пор сомневаюсь, что Хамар убил всех этих людей и что за ним не стояла чья-то чужая воля.

— Ни туранские, ни вендийские маги не нашли никаких следов управления сознанием, —

возразила Телида. — К тому же ты говоришь, что у Хамара были плохие воспоминания о Вендии. Вот и объяснение его безумию.

— Ты, безусловно, права, — сказала Конан. — Доказательств его вины предостаточно, но я не могу себе представить Хамара хладнокровно убивающим младенцев.

— Это был не он, Конан, — убеждала киммерийца вдова. — Хамар в те моменты не был Хамаром. Я тебе с самого начала говорила, что убийца не признавал того, что делал. Успокой свою совесть.

— А тебе не кажется, что все очень хорошо разрешилось? Бессмысленные убийства, которые совершает безумец. Легко представить, легко поверить.

— Самое простое объяснение обычно самое правильное.

— Не в Вендии, — внес поправку Конан.

Неожиданно Телида с ним согласилась.

— Не в Вендии, — сказала она. — Что ты намерен делать? Продолжишь искать убийцу? У тебя же, вернее у нас с тобой, ничего не получилось, когда Хамар еще был жив. Теперь же, когда смерти прекратятся, независимо от того, виновен он был или нет, новых зацепок не появится.

Конану еще во время суда над Хамаром пришло в голову, что есть нечто общее между судьбами солдата и бывшего посла Турана. И в том, и в другом случае у киммерийца были сомнения в том, что очевидное объяснение произошедшего и есть истинное. И там, и там маги говорили об от-

сутствии внешнего воздействия, но Конан не верил, что в Вендии не сыскалось бы колдуна, способного скрыть от властей следы своей волшбы.

Возможно ли, что за убийством посла и обвинением Хамара стоят одни и те же люди?

Телида, похоже, только сейчас додумалась связать смерть мужа и казнь солдата. Странно, при ее-то уме.

— Это как посмотреть, — возразил киммериец. — Если убийца не был сумасшедшим, он преследовал какие-то свои цели. Надо постараться увидеть эффект от совершенных действий.

— Общие фразы, — ответила Телида. — Смотреть всюду значит смотреть в никуда. Свяжись с кшатриями. Может, кто-то из них и разделяет твои взгляды и не откажется поработать вместе.

— Они были в тупике, — сказал Конан. — Их домыслы только запутают меня. Хотя, возможно, я и последую твоему совету. Еще не решил.

— Есть у меня один знакомый, — вдова тянула слова так, будто ей очень не хотелось произносить их. — Он высказывал те же мысли, что и ты, сотник, только раньше. Ему в точности удалось предсказать финал этой трагедии. Он говорил, что люди, которые стоят за убийствами, подведут под виселицу какого-нибудь беднягу, за которого некому будет вступиться.

— Почему же ты мне о нем не рассказывала? — удивился Конан.

— Тебе бы слишком понравились его идеи, — призналась Телида. — Я же считала и продолжаю считать, что все это лишь попытка выстроить

воздушный замок, поиски заговора, которого нет и в помине. Встретишься с ним, сотник?

— Да, интересно будет поговорить с человеком, которому ты уделяешь внимание, несмотря на то, что считаешь все его измышления бредовыми.

— Зовут этого кшатрия Сатти. Сегодня вечером он будет в садах повелителя. Спросишь стражей, где там его можно найти. Они тебе ответят.

— Спасибо за помощь, Телида, — сказал Конан. — Мне пора идти, я и так отнял у тебя немало времени.

— Всегда тебе рада, — ответила вдова. — Зайди ко мне на днях. Расскажешь, что вы с Сатти смогли узнать.

* * *

День первого убийства. Казармы.

На костях выпало «шесть» и «четыре».

— Эрлик! — воскликнул Армас.

Уже второй раз подряд у них с сотником выпала одинаковая сумма. А на кону стояло целых тридцать серебряных монет.

— Поделим? — предложил киммериец.

В последней игре изначально участвовало десять солдат, и если двое оставшихся разделили бы между собой ставки неудачников, то выигрыш всё равно оказался бы приличным.

— Нет! — одновременно крикнули самое меньшее пять воинов царя Илдиза, выбывших из игры.

Обидно им было потерять деньги да еще лишиться возможности наблюдать дальнейшее развитие поединка между Конаном и Армасом. Некоторые солдаты даже успели сделать ставки, будет ли еще раз равенство или нет.

Армас с обидой посмотрел на товарищей, словно предчувствовал, что именно он окажется проигравшим.

Нетрудно было понять по его виду, что сам бы он с радостью поделил тридцать монет, но общественное мнение над ним довлело.

Игра продолжалась.

Конан взял в руки ступку, положил туда кости и начал трясти. Как обычно, делал он это молча, никаких богов на помощь не призывал и амулетов в кулак не зажимал.

Бросок.

«Двойка» и «тройка».

Крик радости и недовольных вздохов среди солдат было где-то поровну. Может, расстроившихся оказалось чуть больше.

Армас тоже особо довольным не выглядел. Помянув Эрлика, он метнул кости.

«Двойка» и «тройка».

Результат этот встретили с восторгом даже те, кто ставил на то, что кон окажется решающим.

— Сотник! — в залу буквально влетел Халил.

Вид у молодого туранца был взволнованно-обескураженный.

— Что произошло? — спросил Конан, поднимаясь на ноги.

Киммериец не мог знать, каким будет ответ

на его вопрос, но в том, что он подпадет под определение «неприятности», не сомневался.

Называется, решил устроить себе свободный от забот вечер, отдохнуть, развлечься! И не в компании жадных до мужской ласки жриц, где, предаваясь любви, только и думаешь о том, как бы получше дальнейшую беседу выстроить, чтоб сведений нужных раздобыть.

Конан собирался на сегодня выбросить из головы все свои миссии тайные и явные, поиграть с солдатами в кости, напиться вином и пойти искать доступных представительниц слабого пола.

И сейчас, глядя на запыхавшегося туранца, киммериец с тоской понял, что мечты так и останутся мечтами.

— В пяти кварталах полуночное убили брамина, — сказал Халил, — и всю его семью. Жена, дети, внуки — все погибли. Подробностей пока никто не знает. У дворца брамина сейчас не протолкнуться от кшатриев.

— Армас, забирай выигрыш, — велел Конан солдату. Тот собрался спорить, но киммериец его остановил. — Я не шучу. Подчиняйся. Халил, пойдешь вместе со мной, проведешь к дому, где было совершено убийство. Масул, отправишься со своим десятком к Телиде. Остальным из казармы никуда не высовываться, в любой момент можете понадобиться. Хасан, будешь старшим над всеми десятками. Если что, разрешаю действовать по обстановке, но чтобы резерв людей в казарме оставался.

— Понял, — ответил Хасан. Этот полноватый

туранец был самым возрастным воином в отряде. На вид ему можно было дать лет сорок-пятьдесят, на самом же деле он несколько месяцев назад отпраздновал свой шестьдесят первый день рождения.

— Что это убийство может означать? — спросил молодой воин, из тех, что участвовали в последней игре.

Конан хотел осадить парня, но потом передумал.

— Самому хотелось бы знать. Вообще, в этой стране — всё, что угодно. Но нам с вами платят за то, что мы обеспечиваем безопасность подданных царя Илдиза, и надо сделать так, чтобы никакие интриги вендийцев не помешали нам выполнить свою задачу.

Солдаты согласно закивали головами.

Киммерийцу было неприятно их обманывать. Он никак не мог связать убийство брамина с потенциальной опасностью для Телиды или Шеймасаи, но надо же было как-то объяснить собственный интерес к этому делу. Все свое свободное время после прибытия в Айодхью киммериец тратил на то, что искал ниточки, ведущие к тайне гибели посла Турана. Пытался понять, кому его смерть могла быть выгодна, интересовался, не было ли сходных случаев с кем-нибудь из вендийских чиновников. Но всякий раз его усилия оказывались тщетными. Теперь же убийство брамина и его семьи могло навести киммерийца на след врагов туранского трона.

Конан махнул Халилу, чтобы он следовал за

ним, и направился к выходу. Туранец, чтобы поспеть за идущим размахистой походкой киммерийцем, был вынужден то и дело переходить на бег. Только на улице сотник обратил внимание на мучения своего подчиненного и чуть-чуть сбавил шаг.

— Откуда ты узнал про убийство?

— Возвращался от Гиры...

— Кто она такая?

— Моя любовница, вендийка. Она как раз на этой улице живет. Увидел у дворца брамина кшатриев, решил узнать, что их взволновало, благо зевак там тоже собралось прилично. Они мне и рассказали про резню.

— Почему именно про резню? Известно, как брамина убили?

— Своими глазами, сам понимаешь, не видел, но говорят, что всех, кто был в доме, мечом порубили.

— А охрана что?

— Тоже мертвы. Никого в живых не осталось.

Если верить слухам — то, что произошло в пяти кварталах полуночное, не имело ничего общего с убийством посла. Разнилось и количество жертв, и способ препровождения несчастных на Серые Равнины. Но как бы там ни было, случай с брамином заслуживал того, чтобы уделить ему внимание.

Про скопление народа Халил не соврал. Еще задолго до дворца сотнику и его товарищу стали попадаться группы людей, оживленно что-то обсуждающих и указывающих при этом на пол-

ночь. Чем ближе к дворцу, тем больше было вокруг любопытствующих представителей низших каст. Вообще подобное поведение вендийцев представлялось Конану весьма необычным. Смерть здесь почиталась за явление вполне заурядное и нездорового интереса не вызывала. Те же прилюдные казни, столь популярные в остальных частях Хайбории, в Вендии практически не проводились.

— Первый раз такое вижу, — сказал Халил.

— Послушать бы, о чем говорят, — мечтательно произнес Конан. До него долетали лишь бессмысленные обрывки фраз.

— Можно подойти и спросить, — на всякий случай предложил молодой туранец.

— Ничего дельного они нам не скажут, — разочаровал его сотник. — Их не смерть брамина взволновала, а возможная ее связь с культом одного из богов. А на эту тему они не станут откровенничать с представителями не своей касты, а уж тем более с чужаками.

— Быстро ты со здешними нравами освоился, сотник.

— Ты тоже время не теряешь. Ребята все больше в веселые дома ходят, а ты уже постоянную любовницу завел. Хорошенькая?

— Мне нравится, — расплывчато ответил Халил.

Конан первый раз после игры в кости улыбнулся.

В квартале, где жил покойный брамин, чтобы продвинуться дальше, воинам Илдиза приходи-

лось чуть ли не протискиваться сквозь толпу. Настроение у вендийцев, как разобрал Конан, было мрачное. Не было видно ни одной злорадной ухмылки, никто не спешил порадоваться чужому несчастью. Непривычных к Вендии Конана и Халила это и настораживало, и пугало.

На подходах к дворцу цепочкой выстроились кшатрии, принадлежащие к страже повелителя и подчиненные непосредственно ему, а не радже Нарайну, властителю Айодхьи. Одно это могло стать предметом для пересудов. Стражей повелителя привлекали к расследованию только в тех случаях, когда затронутыми оказывались интересы всего вендийского государства.

Конан при виде кшатриев неодобрительно поморщился.

Среди городской стражи у него имелось несколько знакомых, которые могли поделиться с ним обстоятельствами дела и поспособствовать проникновению внутрь дворца. Шансов же договориться с этими молодчиками было значительно меньше. Стражи повелителя слыли людьми суровыми, что приказа ни при каких обстоятельствах не нарушат. Они, к слову сказать, даже в такую жару, как сейчас, кольчуг не снимали.

Но киммериец всё-таки решил совершить попытку наладить с кшатриями отношения. Он быстро определил среди них десятника и направился к нему. Халил молча следовал за своим командиром.

— Мое имя — Конан, — обратился киммериец к стражу. — Я сотник туранской армии. Царем

Илдизом мне было поручено следить за безопасностью посла, его помощников и прочих подданных Турана в вашей стране.

Северянин протянул кшатрию копию указа Илдиза, в котором говорилось о полномочиях сотника Конана, заверенную царской печатью.

— Что вам угодно, сотник? — холодно поинтересовался вендиец, возвращая Конану пергамент.

— Меня интересует, что произошло в доме уважаемого брамина. Я должен знать, как это соотносится с интересами Турана.

— Никак. Это дело касается исключительно Вендии.

— Я должен верить вам на слово?

Конан начинал злиться. Ему не нравился тон, с которым с ним беседовал кшатрий.

— Скажите спасибо, сотник, что довольствуетесь этим. Я бы мог вообще вам ничего не говорить. Ваш указ для меня — пустой звук. Исходи он от повелителя или хотя бы от Раджи Нарайна, я бы уделил вам время. На царя Илдиза же мне плевать!

Еще слово, и киммериец бы начал драку. На свое счастье, вендиец закончил поносить туранского правителя.

Но не все оказались столь снисходительны к резким словам кшатрия, как Конан.

— Как ваше имя, воин? — резко обратился к десятнику Шеймасаи, подошедший со стороны дворца.

Страж развернулся к нему, чтобы понять, с кем на этот раз предстоит выяснять отношения.

Судя по озлобленному выражению лица, он сумел различить у говорившего туранский акцент.

— Имя, собака! — рявкнул на вендийца Шеймасаи, недовольный образовавшейся паузой. — Я ведь всё равно узнаю, и тогда твое наказание будет вдвое или втрое строже.

— Да кто ты такой? — возмутился кшатрий.

Он не узнал посла, и это было большой ошибкой. У того, в отличие от киммерийца, имелись все основания для пребывания во дворце брамина, и он вполне мог потребовать от человека, непочтительно высказавшегося относительно персоны царя Илдиза, чтобы тот назвал свое имя.

Вместо ответа Шеймасаи отвесил кшатрию увесистую пощечину.

Тот уже собирался дать сдачи наглецу, как заметил своего сотника, направляющегося в его сторону.

— Что здесь происходит? — спросил подошедший кшатрий.

Первым среагировал Шеймасаи, хотя десятник тоже собирался ответить.

— Этот ублюдок поносил повелителя Турана, — выпалил посол. — А до этого отказался пускать во дворец человека, прибывшего сюда по моему личному повелению.

При этих словах Шеймасаи указал на Конана.

Киммериец такого подарка судьбы не ожидал. Он был готов предположить, что посол, заметив его в окрестностях дворца, велит ему немедленно убираться в казармы. Но Шеймасаи, похоже, столь сильно разозлился на вендийского десяти-

ка, что не упустил случая вернуть ему еще одно обвинение.

— Он будет наказан, — коротко ответил сотник.

Такой подход пришелся Конану по душе. Вендиец не стал раздувать скандал и выслушивать взаимные обвинения туранского посла и десятника.

— Я проверю! — пообещал Шеймасаи.

— Разумеется, — все так же спокойно ответил сотник. — Пусть ваш человек проходит. Десятник, пропустите его.

Имени подчиненного вендиец так и не назвал. Похоже, надеялся защитит от гнева посла.

Киммериец шепнул Халилу, чтобы тот оставался на месте и, по возможности, слушал разговоры и оценивал обстановку, а сам прошел мимо расступившихся стражей к воротам дворца, где его ожидал Шеймасаи.

— Сотник, что ты здесь делаешь?! — зашипел на киммерийца посол, предварительно удостоверившись, что вендийцы его не слышат.

— Выполняю свои обязанности, — ответил Конан. — Царь поручил мне охранять госпожу Телиду и ее семейство. Я должен знать обо всех опасностях, что могут ей угрожать. Да и не только ей. Думаю, царь меня не похвалит, если узнает, что еще один его посланник в Вендии отправился на Серые Равнины.

— Обо мне, значит, печешься? — усмехнулся Шеймасаи. — Как же!

Конан ожидал, что поток злословия, направ-

ленный в его сторону, еще не иссяк, но посол, наперекор всем своим привычкам, успокоился и умолк.

Внутри дворца он, однако же, идти не спешил. Киммериец отлично представлял, какой будет реакция, если он отправится туда в одиночку, а потому остался в компании Шеймасаи ждать неизвестно чего.

— Вы знаете, что случилось с брамином? — спросил Конан, желая хоть как-то убить время. Посол с легкостью умудрялся выводить киммерийца из себя и портить ему настроение, но лучше уж такой собеседник, чем совсем никакого. — И, кстати, вы-то что здесь делаете?

— Пекусь об интересах Турана, — ответил Шеймасаи. — В отличие от тебя! Думаешь, я не знаю, что ты с момента нашего прибытия в Айодхью только и делаешь, что рыскаешь по городу и чего-то вынюхиваешь?! Подозрительно это, сотник. Очень подозрительно. Вот и сюда ты примчался, только слухи об убийстве до тебя дошли.

Посол был верен себе. Много криков и беспочвенных обвинений. Но, помимо этого, еще и упоминание о похождениях Конана по столице Вендии. У Шеймасаи имелись в городе свои глаза и уши. Киммериец подозревал, что посол не так прост, как хочет казаться. Он вполне мог быть той фигурой, что должна была подменить Конана, если судьбой ему было уготовано погибнуть. Вряд ли царь Илдиз стал бы класть в одну корзину все яйца. Кроме сотника, в Вендию с особым заданием наверняка отправилось не меньше

трех-четырёх человек. Посол представлялся одним из самых вероятных кандидатов на эту роль. Но относиться из-за этого к Шеймасаи с любовью и почтением Конан не собирался. Он, к слову сказать, вполне допускал, что новый посланник Турана мог всерьез подозревать его в злодейских намерениях.

— Так что же случилось в доме? — обвинения Конан привычно пропустил мимо ушей.

— Кошмар, ставший реальностью, — странно ответил Шеймасаи и указал рукой на дворец. — Там сейчас лежат двадцать восемь трупов. Брамин, его жена, двое сыновей, их семьи, двенадцать охранников и шестеро слуг. Всех убили сталью. Незадолго до твоего прихода оттуда вышли трое вендийских магов, сказали, что никакого колдовства не нашли. Главное, ни соседи, ни прохожие — никто ничего не видел и не слышал.

— Когда это все произошло?

— Колокол назад...

К посланнику и киммерийцу подошел смуглый вендиец с густыми черными усами. Кольчуги он не носил, но манера держаться всё равно выдавала в нем кшатрия.

— Посол Шеймасаи, — обратился усач к туранцу. — Я обо всем договорился, вы можете осмотреть дворец. Этот человек с вами?

— Да. Его зовут Конан. Он возглавлял мою сотню сопровождения.

Киммериец слегка склонил голову в знак приветствия. Вендиец ответил ему тем же.

— Мое имя Тхан. Мне было поручено посвятить посла в суть разыгравшейся здесь трагедии.

— Идем, — поторопил вендийца Шеймасаи.

Особого почтения к провожатому туранец не выказывал, хотя рангом тот был наверняка не ниже тысяцкого. Но в поведении посла вообще было очень много странностей.

Сад у погибшего брамина большими размерами не отличался, и росла там в основном трава. Деревьев насчитывалось не больше десятка. Кшатрии осмотр сада практически закончили, только двое человек еще продолжали искать следы на отведенных им участках, остальные стояли в стороне и обсуждали результаты.

— Что-нибудь нашли? — спросил Шеймасаи у Тхана, указывая на стражей.

— Нет, никаких следов, — разочарования в голосе вендийца Конан не услышал. Скорее, там было удовлетворение от того, что ему досталась интересная работа. — В доме тоже пока ничего нет, и я уверен, что не будет. У нас есть только трупы.

Первое тело обнаружилось сразу же у входа во дворец. Судя по одежде и вооружению, это был охранник. Умер он по той причине, что некто выпустил ему кишки наружу. Хотя на руках и на груди имелись порезы, которые свидетельствовали о том, что убийце пришлось изрядно с ним повозиться, прежде чем он его сразил.

— Это последний из тех, кто здесь погиб, — прокомментировал Тхан. — Пытался не выпустить убийцу наружу, за что и поплатился.

— Странно это, — сказал Конан. — Он сумел дать убийце отпор — значит, тот был отнюдь не всемогущ. Зачем же тогда охранник до последнего таился вместо того, чтобы помочь товарищам справиться с негодяем?

Тхан позволил себе слабую, чтобы не обидеть киммерийца, улыбку.

— Вас тоже обманули раны на руках? — спросил он. — Посмотрите повнимательней на его одежду. Крови из них вытекло всего ничего. Убийца специально его порезал после смерти, чтобы запутать нас. Смертельный удар он нанес в самом начале боя.

— Тогда разумней было бы предположить, — сказал Конан, — что охранник пытался бежать из дворца и столкнулся в дверях с убийцей.

— Конечно, разумней, — согласился Тхан. На его губах вновь появилась улыбка. — Мы так и сделали. Я просто хотел проверить вашу логику и наблюдательность. Прошу прощения. Давайте поднимемся на второй этаж, я покажу вам окно, через которое убийца проник в дом. Потом пройдем по его стопам.

Конан еще раз посмотрел на погибшего охранника. Ростом вендиец лишь слегка уступал сотнику, да и в плечах они были равны. Что могло заставить этого человека забыть свой долг перед господином и искать спасения в бегстве?

Тут внимание киммерийца привлекли чьи-то шаги. Во дворце находилось множество кшатриев. Часть стражей носила кольчуги, другие, как Тхан, были одеты в повседневные наряды. Все

эти кшатрии непрестанно перемещались из комнаты в комнату, лишь иногда останавливаясь, чтобы что-нибудь обсудить. И походка у них всех была одинаковая: нервная, торопливая, немного шаркающая. А вот у тех, кто приближался из-за угла, поступь была твердая, уверенная.

Конан насторожился. Рука его так и тянулась к эфесу сабли.

Тхан и Шеймасаи, уже сделавшие несколько шагов по направлению к лестнице, удивленно уставились на встрепенувшегося киммерийца. Но спросить его, в чем дело, они не успели.

Из одной из боковых комнат вышли трое высоких и очень худых вендийцев, облаченных в ярко-красные одежды. Не удостоив Конана даже взглядом, они прошли мимо него и покинули пределы двorca.

— Кто они? — спросил Шеймасаи у Тхана.

— Жрецы Дурги, — ответил вендиец. — Мы попросили их осмотреть тела и сказать, не имеет ли убийство отношение к поклонению их богине.

— И что же? — поинтересовался посол.

Конан тем временем уже присоединился к ним.

— Говорят, что Дурга к этим смертям отношения не имеет, — сказал Тхан. — Но это мы еще будем проверять. У их культа есть несколько сект, в которых практикуются ритуальные убийства.

— А шеи вы у трупов осматривали? — спросил киммериец.

Кшатрий вновь снисходительно улыбнулся.

— Кали здесь не причем, — сказал он. — Убийства совершены способом, который не согласуется с традициями фансигаров. Богиня не приняла бы такую жертву. И пусть вас не вводят в заблуждение порезы. Поклонники Кали наносят их на другие места, и до этого обязательно раздевают жертв. К тому же из имущества убийца ничего не тронул. Что он положит на алтарь богини? Но шеи мы всё-таки изучили, и очень внимательно. Никаких следов удушения не обнаружилось. Поэтому мы и вызвали сюда жрецов Дурги.

— Считаете, что действовал один из культов? — спросил Шеймасаи.

— Определенно. Есть версия и с политическими мотивами, но она нежизнеспособна, на мой взгляд. Покойный брамин был ничем не примечательным вайшнавом, без каких-либо заметных амбиций. Мы, конечно, проверим, не вел ли он тайных делишек, но верится в это слабо.

— Вы говорите об убийце в единственном числе, Тхан, — заметил Конан. — Почему? Есть свидетельства, что у него не было сообщников?

— Можно, конечно, предположить, что их было несколько, — согласился усатый кшатрий, — но тогда они должны были быть похожи, как братья-близнецы. Все раны были нанесены одной рукой, об этом говорит характер повреждений. И последовательность комнат, в которых побывал убийца, говорит за то, что это был одиночка. Давайте я всё покажу. Так будет намного проще.

Трое мужчин поднялись по лестнице на второй этаж. Дважды им встречались тела жертв,

охранник и служанка. У девушки было обезображено лицо; смертельный удар убийца нанес ей в голову, почти расколов ее пополам. Порезов на теле Конан не заметил. Охранник был убит ударом в сердце, наверное, даже не успел понять, как это произошло.

Тхан попросил гостей из Турана не задерживаться возле трупов, пообещав потом к ним вернуться.

Комната, в которую вендиец привел Конана и Шеймасаи, принадлежала, по его словам, старшему сыну брамина и его семье. Это было просторное помещение, с очень богатой обстановкой. Чувствовалось, что хозяин ценил комфорт. Но сейчас его душу занимали уже другие материи, а вот тело все еще находилось здесь. Труп лежал неподалеку от балкона, откуда убийца, должно быть, и проник в дом.

— Первая жертва, — объявил Тхан. — Предположительно заметил убийцу и зачем-то двинулся к нему навстречу. Крика не поднимал. Получил мечом по горлу и вскорости скончался.

Конан обошел тело и вышел на балкон.

Комната сына брамина располагалась с задней стороны дома и выходила окнами не на оживленную улицу, а к скоплению двориков менее богатых домов, отделенных от дворца стеной в полтора человеческого роста. Убийца мог спокойно через нее перелезть, затем быстро, чтобы никто не заметил, перебежать через сад и взобраться по стене на балкон. Опор имелось для этого предостаточно, можно было даже обойтись без веревки.

— Киммериец поделился своими соображениями с Тханом и Шеймасаи.

— Мы опросили жителей тех домов, — сказал кшатрий, указывая на строения за стеной. — Никто не видел, чтобы кто-либо перелезал через стену, они вообще ничего подозрительного не видели. Но я думаю, что больше вероятность того, что убийца сумел незаметно проскользнуть мимо них, нежели вариант с проникновением через парадный вход.

— Вас не смущает, — спросил Шеймасаи, — что все охранники были во дворце и ни одного в саду?

— Мне тоже это показалось ненормальным, — согласился Конан.

— Такова была традиция этого дома, — ответил Тхан. — Брамин пытался следовать дхарме, всячески привечал слуг, старался сделать их жизнь легче. Говорили, что он собирался раздать часть имущества, оставить свой дом сыновьям и уйти из города, чтобы стать аскетом. Достойный уважения путь. Но вот охрана дхарме следовать не желала. Патрулировать сад они ленились, большую часть времени просто бездельничали.

— Хорошо, с охранниками понятно, — сказал киммериец. — Хотя нельзя исключать, что среди них был сообщник убийцы.

— Мы не исключаем.

— А чем объяснить поведение сына хозяина? Почему он не убежал, заметив забравшегося в комнату человека?

— Если мы ответим на этот вопрос, — сказал

Тхан, — то пойдем, кто убийца. Не только старший сын брамина, но и все оставшиеся жертвы очень странно реагировали на появление незваного гостя. Никто не закричал, не попытался бежать и не смог дать ему отпор.

— Теперь понятно, почему у вас основной мотив религиозный, — произнес Шеймасаи. — Подобным образом вендийцы могли отреагировать только на человека, чьи одежды указывали бы на принадлежность к какому-либо культу.

— Но убийца мог их использовать, — возразил Конан, — и просто как маскарадный костюм.

— Давайте поторопимся, — предложил Тхан. — Уже смеркается, скоро станет совсем темно, и тогда тела нам придется осматривать при свете факелов.

Возражений не последовало.

* * *

*На следующий день после казни.
Сады повелителя.*

Дневная жара уже практически спала.

А в тени великолепных садов, возведенных по приказу прадеда нынешнего правителя Вендии, так и вообще не чувствовалась.

Сто пятьдесят лет назад в этом месте располагался один из самых неблагополучных районов Айодхьи, где селились исключительно воры, душегубы и прочие темные личности. Здесь же устроили свое логово душители-фансигары. Честные

жители неизменно обходили этот район стороной, да и стража старалась тут без резкой необходимости лишней раз не показываться.

В какой-то момент правителю опостылел такой порядок вещей, и он обратился к тогдашнему радже Айодхьи с требованием стереть с лица земли этот рассадник злодейства. Приказ был исполнен буквально — слуги раджи все дома разрушили до основания.

И чтобы даже памяти не осталось об этом темном месте, повелитель решил развести там сады, где были бы собраны все травы, цветы, кусты и деревья, произрастающие в Вендии. Долго шло строительство. Сначала самые умелые садовники подготовили почву к высадке растений, затем правитель со своими советниками решал, какому проекту будущих садов отдать предпочтение. После этого в Айодхью начали свозить образчики как диковинных растений, так и самых заурядных. Лишь через десять лет после начала строительства работы были завершены.

С тех пор сады стали излюбленным местом отдыха для представителей всех каст. Разумеется, брамины и кшатрии гуляли в одной части садов, а вайшьи и шудры в другой. Конечно же, осязаемых преград никто не возводил, но существовали невидимые границы, о которых все знали и которые старались не нарушать.

Конан расположился на маленькой деревянной скамеечке под большим деревом с толстыми конусообразными листьями. В десяти шагах от него проходила узенькая земляная дорожка, по

которой чинно прогуливались знатные вендийцы. От змей сады защищало специальное заклятье, и можно было без опасений за собственное здоровье растянуться на травке под сенью любого приглянувшегося дерева. Но Конану спать не хотелось. Потому он нашел себе уютное местечко на лавочке и устроился наблюдать за птицами, перелетающими с дерева на дерево, и гуляющими по земляной дорожке вендийцами.

Киммериец сидел здесь уже третий колокол подряд, наслаждаясь прохладой и тишиной. После визита к Телиде он направился напрямик сюда.

Конану хотелось немного побыть одному, и сады были для этого идеальным местом. Здесь всегда тишина. Даже дети, имеющие свойство производить шума в три-четыре раза больше, чем взрослые, попав в сады, неизменно успокаивались, проникаясь духом этого места.

Сотник подозревал, что Телида специально выбрала сады местом встречи с Сатти. Вдова желала, чтобы киммериец обрел хотя бы временное умиротворение и мог воспринять слова кшатрия с долей разумного скептицизма. Наверное, следовало бы поблагодарить за это мудрую женщину, но Конана не оставляло чувство, что он был лишь одной из фигур в партии, которую вела жена погибшего посла.

Однако с течением времени, вопреки магии места, в киммерийце начала возрождаться жажда действия. Он понял, что уже достаточно отдохнул... Как только спустились сумерки, сотник

поднялся со скамейки и отправился на поиски Сатти.

Телида посоветовала киммерийцу спросить о нем у других кшатриев. Вернее всего, это означало, что Сатти один из тех стражей, кому сегодня поручено патрулировать хитросплетение садовых дорожек.

— Не поможете мне? — обратился Конан к первому встреченному им стражу. Он неспешно брел по дорожке навстречу киммерийцу. Было неясно, то ли он несет службу, то ли просто гуляет. — Я ищу человека по имени Сатти. Вы не знаете, где он может быть?

— Да, он где-то в этой части сада, — ответил Кшатрий. — Проверяет патрули. Думаю, если вы продолжите идти в прежнем направлении, то непременно с ним столкнетесь.

— Он десятник? — спросил Конан. Он почему-то полагал Сатти простым стражником.

— Тысяцкий, — улыбнулся вендиец и осведомился. — Вы хоть знаете, как он выглядит? А то еще ненароком пройдете мимо.

— Опишите мне его, — попросил киммериец.

— Не понимаю, как вы собирались его искать, — покачал головой кшатрий. — Вообще Сатти узнать легко. Он довольно маленького роста, вам будет до середины груди. Волосы у него длинные, он носит и бороду, и усы, но стрижет их коротко. Этого должно хватить.

— Благодарю за помощь, — сказал Конан и добавил. — Перед тем как искать Сатти, я планировал найти человека, который знал бы его.

Киммериец двинулся вперед по дорожке. В двух шагах перед ним скакала маленькая серо-желтая птичка, нисколько не стеснявшаяся близкого соседства с людьми. Вообще к вечеру гостей в садах становилось поменьше, и с приходом ночи здесь устанавливалось настоящее птичье царство. В сумерках людей и пернатых было примерно поровну, но среди первых значительную долю составляли стражи, в обязанности которых входил вечерний обход садов. На ночь здесь оставалось всего два патруля, сейчас же кшатрии попадались Конану чуть ли не через каждые сто шагов.

Маленького тысяцкого киммериец заметил издалека, он о чем-то разговаривал с тремя стражами.

Внешность у Сатти была и впрямь примечательной. Встреченный Конаном кшатрий не упомянул, что черты лица тысяцкого представляли собой весьма своеобразный коктейль. Создавалось ощущение, что все они были призваны подчеркнуть друг друга. Очень глубоко посаженные глаза, длинный нос, полноватые губы, крупный подбородок и все это вкупе с усами, бородой и волосами. Увидев этого человека один единственный раз, запомнишь навсегда. Не красавчик, но внешность очень яркая. Женщинам Сатти должен был нравиться — а может, и нет.

Киммериец терпеливо дождался, пока Сатти закончит отдавать стражникам распоряжения, и лишь тогда подошел к нему.

— Вы, должно быть, Конан? — первым загово-

рил именно вендиец. — Я давно просил Телиду устроить нашу с вами встречу, но она наотрез отказывалась, говорила, что я забью вашу голову глупостями. Я мог, конечно, и без ее ведома выйти на вас, но она бы на меня страшно обиделась.

— Похоже, мне удалось убедить ее, — ответил Конан, — что и я сам натворю больших бед, если займусь изысканиями в одиночку. Мы можем поговорить? Или вам сначала нужно завершить обход?

— Здесь никогда и ничего не происходит, — сказал Сатти. — Во всяком случае, такого, что способно попасть в поле зрения стражи. Сады — самый тихий участок работы во всей Айодхье, и все эти мои наставления — не более чем дань традиции.

Сатти показал рукой в сторону трех огромных деревьев.

— Там есть замечательная беседочка, — продолжал он. — Её не видно с дорожки, и потому о ней мало кто знает. Там нас не побеспокоят.

Конан не стал спорить и последовал за вендийцем.

Беседка располагалась на небольшой свободной от деревьев и кустарников полянке. Но ее и впрямь было тяжело найти, если не знать, где именно она находится, тем более в сумерках.

Внутри беседки обнаружилось два кресла, стоящих друг напротив друга, и маленький круглый столик между ними.

Киммериец занял одно из кресел и стал ждать, когда Сатти соизволит начать разговор.

Судя по словам Телиды и самого тысяцкого, у вендийца набралось множество идей, которыми он жаждал поделиться с гостем из Турана. Но кшатрий молчал. Сложив руки на груди, он внимательно рассматривал устроившегося перед ним северянина.

— Я представлял себе вас несколько иначе, — наконец произнес он. — В Вендии многие верят, что по внешности можно определить, какой характер у человека, и даже то, какая его ждет судьба.

— Вы тоже так считаете? — спросил Конан.

Телида добилась своего. Если с утра киммериец был готов уверовать, лишь бы ему привели хоть минимальные доказательства, что это все хайборийские во главе с Митрой запутали сознание Хамара, то теперь не без основания подозревал, что будущие речи Сатти покажутся ему дешевыми побасенками.

— Не совсем, — признался тысяцкий. — Слишком уж разнятся толкования, но среди тантриков это учение достаточно популярно и имеет под собой хорошую базу. Они сотни лет накапливали знания и теперь, обобщая этот опыт, могут выносить близкие к истинным суждения. Так, обо мне они сказали, что я чрезмерно любопытен, жесток и не склонен верить людям на слово.

— Не поспешили на комплименты, — усмехнулся киммериец.

— Это как посмотреть, — ответил вендиец, почесывая бороду. — Для человека моей профессии качества необходимые. Было бы интересно послу-

шать, что они сказали бы о вас. Думаю, что-нибудь про волю, твердость характера и живой ум. Во всяком случае, из слов Телиды о вас можно сделать именно такой вывод.

— Сатти, может, как-нибудь в другой раз обсудим тантриков и мою внешность? — попросил Конан. — Время уже позднее, у меня еще много дел в казарме...

— Я понимаю, — кивнул вендиец. — Иногда я увлекаюсь, простите, пожалуйста. Но, говоря по правде, я думал, что раньше полночи мы отсюда не выберемся. Вы бы увидели тех созданий, что днем прячутся от человеческих глаз.

— Итак... — напомнил киммериец об обещании отставить в сторону отвлеченные темы.

— Телида что-нибудь рассказывала вам о моих догадках?

— Ничего конкретного. Лишь упомянула об их оригинальности и о расхождениях с официальными выводами.

— Так оно и есть, — сказал кшатрий. — Но я даже не знаю, с чего начать...

— Вы верите в виновность Хамара? — задал Конан свой главный вопрос. — Он понес заслуженное наказание?

— Я считаю, что действия вашего солдата, сотник, были вполне осознанными. Он убил если не всех этих людей, то многих. При этом Хамар желал их смерти. Но здесь есть одна загвоздка. Сам-то он полагал себя невиновным и верил в истинность своих показаний. Мне кажется, что некто сумел разделить его личность на две поло-

винки, каждая из которых была способна совершать самостоятельные действия.

— Но маги, присутствовавшие на процессе, не нашли никаких следов воздействия на сознание Хамара.

— Обмануть их ничего не стоило! Я знаю по меньшей мере четверых людей в столице, любой из которых смог бы подчинить себе вашего солдата, оставшись при этом незамеченным. Тем не менее мне кажется, что колдовство здесь ни при чем.

— Что же тогда?

— Конан, у Хамара были основания не любить Вендию или вендийцев? Какие-то давние воспоминания?

Киммериец задумался, рассказывать ли кшатрию о второй личности Хамара, о воре Зархебе. Пока Сатти говорил довольно складно и, что самое важное, в унисон дневным мыслям Конана, но какие имелись основания доверять этому человеку? Кшатрий был другом Телиды, в отношении которой сотник так и не смог избавиться от подозрений. Однако без риска шансов продвигаться вперед не было.

— Много лет назад он убил знатного вендийца, — сказал Конан. — За ним устроили настоящую охоту, но ему удалось уйти и затаиться. Он сменил имя и начал новую жизнь. Но в Вендию он попал совершенно случайно.

— Случайно? — перебил киммерийца Сатти. — Вы уверены?

* * *

*За два дня до похода в Вендию.
Агранур, казармы.*

Десятников в новую сотню Конана киммериец и Илдиз отобрали еще вчера. Царь немало удивил северянина тем, что знал многих из перечисленных сотником людей. Так что правитель Турана принимал активное участие в обсуждении кандидатур, но право окончательного выбора оставил за киммерийцем. Впрочем, Конан им не злоупотреблял и старался прислушиваться к мнению царя.

В итоге удалось найти десять человек, которые и Туран бы в глазах иноземцев не посрамили, и за товарищей бы горой стояли.

Через три колокола после встречи с царем все избранные десятники явились к Конану для получения распоряжений, касающихся подготовки к походу. На обсуждение деталей, существенных и не очень, ушло целых четыре колокола, и прощались с киммерийцем его новые подчиненные уже далеко за полночь. Набирать солдат в свои десятки Конан поручил им самостоятельно.

Этим людям он верил.

Первого из десятников звали Хасан. Это был старый вояка, повидавший на своем веку не одно сражение. В последнее время он занимался тем, что руководил борьбой с разбойничьими шайками на полуденной оконечности Турана. Но месяц назад умудрился насмерть рассориться с одним из тамошних тысяцких. В результате был в кото-

рый уже раз понижен до десятника и переведен на службу в Аграпур. Главным недостатком Хасана считался именно его тяжелый характер. Если бы не это, быть бы ему, несмотря на незнатное происхождение, одним из военачальников.

Вторым человеком, на чьей кандидатуре сошлись Конан и Илдиз, был выходец из Самарры по имени Ясир. Большую часть своей жизни он посвятил тому, что служил наемным охранником при караванах либо сопровождал богатых и знатных людей, совершавших длительные путешествия. Что заставило его оставить прежнюю профессию, неизвестно, но год назад он поступил на службу в армию Турана и к настоящему времени успел дослужиться до десятника. Конан много слышал о Ясире, хоть лично и не был с ним знаком, и решил, что опыт самаррца пригодится в дальнем путешествии.

Третий десятник свое первое повышение получил одновременно с Конаном. Этому человеку киммериец доверял больше всего, хотя ему лишь недавно исполнилось двадцать.

Звали его Джан. Смысл своей жизни он видел в служении царю и Турану. Еще Джан был невероятно религиозен и строго соблюдал все заповеди, ниспосланные Эрликом через его пророка Тарима. Того же он требовал и от своих солдат. Его за это недолюбливали.

Четвертым был друг детства Джана — Артан. Он был не в пример мягче своего младшего товарища, голос повышал лишь в исключительных случаях. Несмотря на это, авторитет его среди

подчиненных был невероятно высок. Артан никогда не ленился лично разбираться с проблемами своих солдат и вообще стоял за них горой. Единственной его явной отрицательной чертой киммериец полагал стремление Артана угнаться за Джаном в его умении обращаться с оружием и обхаживать приглянувшихся девиц.

Пятого десятника звали Масул. Родом он был из Султанапура. Там же он прожил большую часть своих сорока лет. Занимался этот усач, если верить его словам, рыбной ловлей. Если же полагаться на жизненный опыт и здравый смысл, по всему выходило, что был он контрабандистом. Но и Конан, и Илдиз согласились закрыть на это глаза. Неглупый, очень уравновешенный султанапурец умел замечательно поддерживать дисциплину среди вверенных ему людей, к тому же считался одним из лучших стрелков из лука во всей туранской армии.

Шестой десятник был единственным в отряде человеком, кто мог похвастаться голубой кровью. Бернеш был бастардом. Во всяком случае, так утверждала его мать. Но сам Бернеш большого значения своему происхождению не предавал и к отцу никаких претензий не предъявлял, желая добиться всего исключительно своими силами. Конан не сомневался, что эта задача ему по плечу. Помимо приятной внешности, Бернеш отличался живым умом и умел находить общий язык абсолютно со всеми. Сколько киммериец помнил бастарда, на его губах всегда играла легкая полуулыбка.

С седьмым десятником Конан познакомился еще в бытность свою вором в Арэнджуне. Талат состоял там охранником при посольстве Турана, сундуки которого однажды изрядно опустели не без содействия киммерийца. Талат был единственным, кто сумел напасть на след вора. Выследить Конана ему не удалось, но северянин запомнил смекалистого туранца и не преминул привлечь его в отряд, благо он почти сразу же вслед за киммерийцем перебрался в Аграпур.

Восьмой человек, избранный Конаном, был одной из самых известных персон в туранской армии. Прославился Газил своей жестокостью. Только на дуэлях он убил не меньше ста человек. И солдат своих он не щадил, наказывая плетью за глупость и нерадивость. Многие после этой экзекуции оставались калеками, кое-кто даже умирал. Нетрудно догадаться, что и врагов Газил в плен никогда не брал. Конану не нравился ни этот человек, ни его методы, но в дальнем путешествии необходим был тот, кто напоминал бы солдатам о дисциплине.

Последних двоих десятников киммериец знал по рейдам против пиратов, что состоялись месяц назад. Исмаил и Кюрсум проявили себя там смелыми, самоотверженными бойцами. Еще на выбор Конана в значительной мере повлияло то, что эти двое выходцев из Аграпура были умелыми моряками. Северянин не исключал той ситуации, когда отряду могли понадобиться эти их способности.

Конан полагал, что нет таких трудностей, что

его люди не смогли бы преодолеть. В такой компании путешествие на край света превращалось в загородную прогулку.

С самого утра киммериец начал обходить своих десятников и знакомиться с теми воинами, которых они пожелали видеть у себя в подчинении. По мере возможности северянин беседовал с каждым из них и проверял навыки владения оружием. Больше всего ему по душе пришлось люди Хасана. Впрочем, этого и следовало ожидать. Джан, Артан и Бернеш оставили свои прежние десятки без изменений, хотя Конан и говорил им, что царь Илдиз позволил ему привлекать в отряд любых воинов из числа пребывающих в столице. Киммериец посетовал на это их решение, но менять ничего не стал. Если желали видеть в десятке своих людей, тех, которым доверяли, то пусть так оно и будет. Приятно удивил выбор Газила. Он привлек в десяток ветеранов, известных своим умением верховой езды и обращения с луком. Обстановка среди людей Газила вопреки ожиданиям киммерийца царила спокойная, даже дружеская.

Следующим на очереди был десяток Масула.

— Рано вы, сотник, — обратился к Конану усатый туранец.

На тренировочную площадку к Масулу киммериец пришел в начале десятого колокола.

— Мне в полдень нужно будет идти знакомиться с послем, — сказал северянин. — К этому времени хочу знать всю свою сотню в лицо. Я гляжу, ты крепких ребят набрал.

Из девяти солдат, упражнявшихся с саблей и щитом, Конан знал только двоих. Султанапурцы, как и сам Масул. Можно было предположить, что и остальные оттуда же. Киммерийцу такой выбор пришелся не по душе, не хватало еще, чтобы кто-то в отряде держался особняком от остальных. Прав был Илдиз, когда советовал брать только аграпурских десятников.

— Что хмуритесь, сотник? — заметил Масул изменившееся выражение лица командира. — Воины все отличные.

С этим Конан не спорил. В умении фехтовать этим солдатам отказать было нельзя. А про физическую крепость киммериец уже поминал. И поведение их сотника порадовало. Они, конечно же; заметили появившегося на площадке Конана, но занятий не прекратили, продолжая выполнять упражнения с прежним усердием, но без показушного рвения.

— Все ведь из твоего города? — спросил киммериец.

— Да, — в голосе десятника послышался вызов. — И я не вижу в этом ничего плохого. Предпочитаю иметь под своей командой тех, на кого даже в преисподней смогу положиться. Если верите мне, сотник, то будьте добры верить и им!

Удивительно было видеть Масула, выведенного из равновесия. Обычно десятник реагировал на внешние раздражители со всей возможной флегматичностью. Такое его поведение перед лицом начальства или врага вселяло уверенность в солдат.

— Успокойся, Масул, — потребовал Конан. — Я ничего плохого о твоих людях не говорил, но я не желаю, чтобы среди солдат начались раздоры из-за того, кто откуда родом. Еще я очень надеюсь, что среди них нет рыбаков вроде тебя. Полагаю, в ваши сети не раз попадалась вендийская рыба.

— Нет, сотник, они все простые солдаты, — ответил десятник. Никаких следов от недавней вспышки гнева не осталось. Конан даже начал сомневаться, уж не показалось ли ему. — Я никого из них не видел среди рыбаков. В Вендии могут узнать только меня. Вероятность, конечно, небольшая, но всё-таки есть, так что можете начинать подыскивать мне замену.

— Ни к чему, — отрезал киммериец. — Люди из тайной службы проверят всю сотню, и вынесут решение о том, кого можно отправлять в качестве сопровождения для посла, а кого — нет. По твоей кандидатуре, как и по всем десятникам, уже дали добро, но мне хотелось бы избежать проблем и с солдатами.

— В моих можете быть уверены, — сказал Масул.

— Хорошо, — кивнул Конан. — Останавливай тренировку. Будем знакомиться.

Масул развернулся к солдатам.

— Прекратить занятия! — приказал он. — Строиться!

Девять воиновотреагировали мгновенно. Убрали в ножны оружие и выстроились в линию в трех шагах от Масула. На первый взгляд выучка

у солдат казалась отличной. Конан сравнивал этот десяток со столь приглянувшимися ему людьми Хасана, и сравнение было не в пользу последних.

— Это ваш сотник, — объявил усатый тураец, указывая на киммерийца. — Его зовут Конан. В его подчинении мы с вами будем находиться в течение нескольких ближайших месяцев.

— Все знают о цели нашей миссии? — осведомился Конан у солдат.

— Да, — стройным хором ответили девять воинов.

— Замечательно, — кивнул киммериец, прохаживаясь перед строем. — Это не обычная военная кампания, нам предстоит представлять в Вендии нашу страну, так что я не желаю слышать жалобы, нытье и прочий скулеж. От тамошней жары вы еле на ногах стоять будете, но лица своего и чести Турана не посрамите, иначе вам придется очень плохо. Надеюсь, вы понимаете, что я не шучу и не запугиваю. Наказывать за несоблюдение дисциплины вас будут еще строже, чем в ведущих военные действия частях армии.

Солдаты слушали спокойно.

Трудно было сказать, верят они словам киммерийца или нет. Лучше бы верили. Конан по собственному опыту знал: чем дальше поход, тем больше вольностей позволяют себе солдаты. Разумеется, если под боком не было врага, готового напасть в любой момент, который сочтет подходящим, — а опасностей такого рода на пути сле-

дования посольства не предвиделось. Если не встретятся и разбойники, то к окончанию путешествия солдаты могут совершенно распуститься. Конан собирался не допустить подобного развития событий, но желал по возможности обойтись без методов Газила.

— Помимо прочего, — продолжал киммериец, — вы должны будете обращаться с послем и людьми из его свиты со всем возможным почтением. Никакого подобострастия, но просьбы, исходящие от него, станете исполнять беспрекословно, если они, конечно, не будут противоречить моим приказам. Спорные моменты разрешать будете через вашего десятника. Масул — человек умный и опытный, он сумеет во всем разобратся. Вам все ясно?

— Да!

— Молодцы, — похвалил солдат Конан. — Теперь посмотрим на то, что из себя представляет каждый из вас.

Киммериец подошел к крайнему справа воину.

Парень был высокий, широкоплечий. Смотрел он на командира прямо, глаз не отводил. Чувствовалось, что он придерживался высокого мнения относительно своей персоны. Определенные основания для этого имелись. Орудовал он саблей, если судить по тренировке, здорово. Внешность тоже не подкачала. Черты лица у султана-пурца были правильные, красивые. Немного портила впечатление его показная серьезность — губы поджаты, брови сведены.

— Имя, — потребовал киммериец.

— Сабир, — коротко ответил туранец.
— Как давно служишь? В сражениях участвовал?

— Полгода в армии. Был в составе тысячи, отправленной усмирять восстание горцев Кезанкии, но в боях участия не принимал.

— Немудрено, — усмехнулся Конан. — Всего две коротенькие стычки, вот вам и все восстание.

— Три, — чуть помедлив, поправил киммерийца Сабир. — Просто о последней встрече с горцами болтать не принято. Два наших десятка кезанкийцы заманили в ущелье и насмерть забили камнями. До возвращения в Аграпур оставалось два дня, и тысяцкий, чтобы лишние дни не торчать в горах, приказал придерживаться версий обвала, о которой говорили местные.

— Любопытно, — проговорил Конан.

Становилось понятно, почему Масул взял Сабир в свой десяток. Даже одно пребывание в горах Кезанкии много стоило. Внешне доброжелательные горцы в самый неожиданный момент могли извлечь из-за пазухи кривые ножи и зарезать чересчур беспечного солдата. Тело скидывали с обрыва и говорили, что произошел несчастный случай. От такого гостеприимства воинов гибло во много раз больше, чем в открытых столкновениях. Конан своими глазами видел, как менялись люди, побывавшие в Кезанкийских горах.

— Тебя как зовут? — спросил северянин у солдата, стоявшего по левую руку от Сабир.

— Хамар.

Этот воин вызывал у киммерийца наибольшие опасения. В отличие от своих товарищей, Хамар богатырским телосложением не отличался. Среднего роста, очень худой. Руки его на вид тоже не были особенно сильными, мышцы едва просматривались. Но держался солдат уверенно. В темных глубоко посаженных глазах было заметно легкое ехидство, через призму которого Хамар воспринимал реальность. Он понимал, какую реакцию должен был вызвать его вид у сотника, и теперь ждал продолжения.

Конан, хоть убей, не помнил, как Хамар обращался с саблей. Как-то это ускользнуло от его внимания.

— В каких кампаниях участвовал? — задал обязательный вопрос киммериец.

— Весь мой опыт сводится к патрулированию столичных улиц.

Парень явно напрашивался.

Ну, что ж, можно было устроить небольшую разминку.

— С саблей обращаться умеешь? — спросил Конан, обнажая оружие.

— Лучше, чем с девицами, — ответил Хамар. — А их после ночи со мной еле ноги держат.

Конан кивнул на ножны туранца, разрешая тому достать саблю. Хамар довольно улыбнулся и извлек клинок.

— Расступитесь, — приказал оставшимся солдатам Масул.

Они отошли к десятнику, освобождая место для предстоящей схватки. Все, за исключением

Сабира, выглядели чрезвычайно довольными. Похоже, они ожидали, что их товарищ если не побьет гиганта-северянина, то окажет ему достойное сопротивление.

Конан и Хамар разошлись на три шага.

— Начали, — сказал киммериец и занял оборонительную позицию.

Туранец показал, что будет атаковать сверху справа. Киммериец ему не поверил и едва за это не поплатился. Финта не было. В последний момент Конан успел заблокировать удар, который оказался ко всему прочему более сильным, чем этого можно было ожидать от Хамара. Туранец инициативу противнику отдавать не собирался и еще дважды пытался достать Конана. Действовал он очень быстро, сабля казалась продолжением руки туранца. Хамар стал со своим оружием единым целым, и оно без промедления исполняло приказы его сознания. Солдату Масула удалось в первые мгновения боя настолько ошеломить Конана, что киммериец, справившись с тремя первыми ударами, выкинул из головы все мысли о контратаке и приготовился дальше держать оборону. Решение, как выяснилось, было правильным. Туранец, успевший почувствовать своего соперника, включил обманные движения. Конану приходилось несладко. Он держался лишь благодаря своей реакции. Более медленный боец на его место уже вынужден был бы признать свое поражение и сложить оружие.

По Хамару было видно, что он получает от схватки настоящее удовольствие. На губах его

плясала широкая улыбка. Казалось, еще немного, и он рассмеется в голос. И погубило его именно то, что он позволил себе увлечься красотой боя и стал затевать все более замысловатые финты. Конан действовал спокойно, совершая минимум движений саблей. Он ждал, когда туранец начнет выдохаться. Но шанс закончить схватку представился ему раньше. Хамар проводил одно обманное движение за другим, готовясь ужалить в самый неожиданный момент, и не заметил, что слишком близко подошел к киммерийцу. А вот Конан обратил на это внимание. Он атаковал первым, направляя удар слева сверху. Туранец заблокировал его клинок и приготовился бить в оставленную неприкрытой ногу киммерийца, даже слегка развернул саблю, чтобы не поранить сотника. Но все эти предосторожности оказались лишними. Левый кулак киммерийца влетел Хамару в висок, и туранец рухнул на землю.

Раздались аплодисменты.

Киммериец улыбнулся солдатам и помог Хамару подняться с земли.

— Хороший бой, — сказал Конан.

— Отличный, — согласился туранец. Он слегка морщился от боли, но всё равно выглядел довольным.

— Иди в тень, — велел ему Конан. — Отдохни. Я пока познакомлюсь с остальными. Если здесь все такие же бойцы, я за свою шкуру спокоен.

* * *

*На следующий день после казни.
Сады повелителя.*

— До последнего времени был уверен, — сказал Конан. — Но при желании он мог обставить дело так, чтобы попасть в мою сотню. Это имеет большое значение для вашей версии? Я могу поговорить с десятником, под командой которого ходил Хамар. Он сможет точно ответить на ваш вопрос.

— Да, мне хотелось бы знать все подробности, — ответил Сатти, — даже те, которые на первый взгляд могут показаться незначительными. У меня есть стойкое ощущение, что мы видим лишь часть мозаики событий, которую складывает кто-то другой. И убийства браминов и их семей — это всего лишь маленький кусочек цветного стекла. Отсюда и их кажущаяся бессмысленность, они обретут значение лишь вкуче с другими фактами, на которые пока никто не обращает внимания.

— Вы забегаете вперед, — киммериец остановил готового продолжить свой монолог Сатти. — Для начала объясните мне, что вы подразумеваете под разделением личности и как оно было осуществлено.

— Я же говорил, что у меня голова просто переполнена всевозможными гипотезами. Стремлюсь поскорее ими поделиться и забываю, что вы не в курсе основ. Но ничего, постараюсь в дальнейшем за собой следить. Если будет что-то неяс-

но, прошу вас, останавливайте меня и требуйте объяснений.

— Договорились.

— Воздействие, которое применили к вашему солдату, Конан, отнюдь не ново. Просто оно является специфическим и практически неизвестно в землях, лежащих на закат от Вендии, поэтому никто из туранцев ничего и не заподозрил. Даже Телида, весьма глубоко продвинувшаяся в изучении культуры нашей страны, не смогла увидеть очевидного. В какой-то момент вместо одного Хамара их стало двое. Первый — абсолютно нормальный, избавившийся от прежних страхов и от воспоминаний, с ними связанных. Вторая личность — прямая противоположность первой. Здесь доминирующими были те ощущения, что ваш солдат испытывал в самые жуткие моменты той охоты, которая за ним велась. Этот Хамар жаждал лишь одного — поскорее разделаться с собственным ужасом, и не важно, какими средствами.

— Как крыса, загнанная в угол?

— Совершенно верно. Страхи второй личности были столь сильны, что она не могла их больше терпеть. Хамару казалось, что он попал в ситуацию, из которой нет выхода. И тогда он брался за оружие. Именно по этой причине я считаю вашего солдата виновным в гибели всех тех людей, Хамара никто не принуждал убивать их. Другой человек на его месте, встретившись со своим сокровенным страхом, мог попытаться убежать или и вовсе взять и наложить на себя

руки. Но ваш солдат предпочел перед смертью — а в том, что она вот-вот наступит, он не сомневался — отправить на Серые Равнины как можно больше тех людей, что косвенно были причастны к его печальной участи. Их угораздило родиться вендийцами, теми, кого второй Хамар ненавидел больше всего.

— Суд пришел примерно к тем же выводам, что и вы, Сатти. Хамар был ненормальным, и безумие его обострялось, когда он оказывался в обстановке повышенного напряжения. Есть ли смысл говорить о чем-то постороннем воздействии, когда уже есть более правдоподобное объяснение?

— Не совсем оно правдоподобное. Судьи закрыли глаза на множество мелочей, которым не смогли найти объяснение. Например, зачем туранцу было проникать во все эти дома?

— В юности он промышлял воровством. И неплохо преуспел в этом ремесле. Дворцы браминов с их богатствами могли стать для него непреодолимым искушением.

— В Туране сокровищ не меньше, — возразил Сатти. — И я не верю, что хороший вор, а вы говорите, что Хамар новичком в этом деле не был, полез бы в дом без тщательной предварительной подготовки. А у него на это просто времени не было! К тому же по официальной трактовке рассудок у Хамара затуманивался лишь тогда, когда он проникал во дворец. Это же бред! Неужели, будучи в нормальном состоянии, он не связал бы убийства со своим желанием побывать в «гостях»

у почивших браминов?! Нет, вторая, невинная личность тоже была деформирована!

— Хорошо: Предположим, на Хамара воздействовали. Как это объясняет факт проникновения во дворец?

— Кто-то был вместе с вашим солдатом, когда он проникал в дома. Этот человек обманом заманивал Хамара внутрь, а там переключал его личность. Я пока не понимаю, как ему удалось сделать это целых семь раз. Почему туранец неизменно верил ему или им?

— Когда я с ним беседовал за день до казни, — сказал Конан, — Хамар упоминал каких-то людей, что помогали ему...

— Проклятье! — процедил сквозь зубы кшатрий. — Надо было встретиться с вами раньше! Я так жалею, что не смог передать через вас вопросы Хамару. Он мог бы пролить свет на множество загадок. Я думаю, что после того, как было совершено последнее убийство, обе личности туранца соединились. Часть воспоминаний исчезла, часть видоизменилась, но если бы вы правильно вели разговор, то смогли бы выйти на след людей, использовавших туранца.

— Что же вы сами к нему в тюрьму не сходили? — удивился Конан. — Зачем вам понадобился посредник? Хамар был в таком состоянии, что ни от кого не стал бы таиться.

— Я боялся, — признался вендиец. — Мне не хотелось привлекать к своей персоне излишнее внимание. Для людей, затеявших эту игру, жизнь одного тысяцкого ничего не значит...

— Сатти, а почему вы вообще занялись этим расследованием? — спросил киммериец. — Какая у вас выгода в этом деле?

— Я знаю, что в это тяжело поверить, — улыбнулся кшатрий, — но виной всему мое любопытство. Вокруг творятся загадочные события, и мне до дрожи хочется знать их подноготную. Если я докопаюсь до правды, то остановлюсь на этом и никак не буду использовать свои знания. Думаю, что те, кто организовал убийства, в курсе моих намерений. Им невыгодно меня убивать, это может навести на их след других ищеек, жадных до крови или золота. Но так будет лишь до тех пор, пока я соблюдаю осторожность. Если я случайно расшевелю змеиное гнездо, то жизнь моя потеряет всякую ценность.

— И как лично я вписываюсь в эту схему? Один из тех, кого можно при случае принести в жертву?

Сатти рассмеялся.

— Это вам Телида сказала? — спросил он. — Она вечно пытается выставить меня злодеем. Конан, я не принуждаю вас ни к чему. Вы вольны поступать как вам вздумается. Можете уйти и забыть мои слова, а можете уподобиться мне или начать ломиться вперед к цели без оглядки на последствия.

— Вы очень неоднозначный союзник, Сатти, — проговорил Конан. — Я думаю, что после нашего разговора не смогу смотреть на ситуацию в столице прежними глазами. Хамар был моим человеком, и те, кто толкнул его на убийства, долж-

ны заплатить за свое преступление. Хочется верить, что вы мне поможете, но...

— Вы все правильно понимаете, сотник, — сказал кшатрий. — Я помогу вам найти тех, кто стоял за Хамаром, но расплачиваться придется именно вам. Я не позволю втянуть себя в эту игру. Мои слова и мои знания могут стоить вам жизни.

— Проклятая страна! — сплюнул Конан. — Здесь друзья не менее опасны, чем враги.

— Мы продолжим разговор? — спросил кшатрий. — Я был абсолютно честен, когда говорил, что Хамар понес заслуженное наказание. Пусть его смерть вас не беспокоит. Ваша совесть чиста, Конан, и я не понимаю, о какой мести может идти речь. Если проблема только в этом, то лучше нам распрощаться. Глупо будет, если вы погибнете из-за подобного недоразумения.

— Вы же знаете, что я вам отвечу!

— Знаю...

— Тогда продолжайте.

— Сначала расскажите мне поподробнее, — попросил Сатти, — о тех людях, что помогали вашему туранцу. Что именно о них говорил Хамар?

— Почти ничего, — ответил Конан. — Сказал, что ему не составило труда найти в Вендии союзников.

— Союзников? — переспросил кшатрий. — Очень интересно.

— После убийства князя Хамар встречался с последователями одного из вендийских ученых. — Киммериец решил, что стоит рассказать

Сатти о верованиях бывшего шадизарского вора Зархеба. Хотя бы для того, чтобы понять, существовала ли на самом деле девятая аватара Вишну. — Они поклонялись последнему воплощению бога Вишну. Проповедовали смирение и надеяние. Какое-то время Хамар был одним из адептов этого учения.

— Всесильный Шива! — воскликнул изумленный кшатрий. — Еще и это! Конан, никому больше не рассказывайте об этой части жизни вашего солдата. Никогда. Девятого воплощения еще не было. Если вам дорога ваша голова, уверуйте в это.

— Вы мне можете объяснить, что это значит?

— Нет. В Вендии это запретная тема.

Выходило так, что Хамар пал жертвой своего заблуждения. Ему никто не собирался мстить за воплощенного бога. Все дело было в учении безымянной аватары Вишну. Кто-то очень сильно не желал, чтобы весть о нем пошла гулять по миру. Это объясняло и гибель княжеского сына, принявшего ту же веру, что и Хамар, и нападение в Султанапуре.

— Хорошо, я понял, — согласился Конан. — Но все же ответьте, мог ли он найти в Вендии союзников из числа единоверцев?

— Сомневаюсь, — покачал головой Сатти. — Не зная столицы, безо всяких связей... Практически никаких шансов. Но и в совпадение я не верю, это было бы совсем невероятно. Боюсь, сотник, вы еще больше запутали и без того непростую ситуацию. Я буду с нетерпением ждать ре-

зультатов вашего разговора с человеком, пригласившим Хамара в отряд. Нам надо обязательно узнать обстоятельства его появления в Вендии.

— Поговорю с Масулом сразу же, как вернусь в казармы, — пообещал Конан. — Но я сомневаюсь, даст ли это нам что-нибудь. След надо искать здесь, в Айодхье. Постарайтесь отыскать людей, которых видели вместе с Хамаром. Насколько я знаю, этим еще никто не пытался заняться.

— Вы ошибаетесь, сотник, — сказал кшатрий. — Я последние дни только и делаю, что ищу тех, кто мог быть связан с Хамаром. Пока что — ничего. Люди повелителя и раджи тоже проводили проверки, но и они не принесли результатов. Хотя пара имен вас может заинтересовать. Сабир и Халил. Именно этих двух солдат чаще других видели в компании Хамара. Вы усматриваете в этом что-то необычное? Власти ими не заинтересовались.

— С Сабиром они были близкими друзьями, — ответил Конан. — Не разлей вода. Халил же со всеми много общается. Я тоже ничего особенного не вижу в том, что Хамар много времени проводил с товарищами. Союзников надо искать не в моей сотне, а среди вендийцев.

— Вспоминайте, Конан, — потребовал кшатрий. — Хамар должен был упоминать какие-то факты, на которые мы сможем опираться в поисках. В Айодхье живет слишком много народу, каждого не опросишь.

— Есть кое-что, — произнес киммериец. — Хамар сказал мне, что соврал на суде. Он проник в

дом брамина Синты не через стену, а обманным путем, переодевшись в наряд жреца Ситалы. Думаю, на пудже были люди, способные отличить настоящие одежды от поддельных. Значит, перед тем, как отправиться к брамину, Хамар встречался с людьми из культа богини черной оспы.

— Я, конечно, проверю эту версию, — Сатти не слишком-то обрадовался зацепке. — Но мне кажется, он сам уже запутался, где правда, а где ложь. Хотел поведать тебе истинную версию событий, а вместо этого скормил сказку. Чтобы обмануть брамина и его гостей, Хамар должен был в точности знать и мельчайшие детали творимого на пудже ритуала, и то, как следует общаться с людьми жрецу Ситалы. Его бы не смогли обучить всему этому за столь короткий срок. К тому же, тогда непонятно, какая из личностей Хамара была активна во время пуджи.

— Хамар хвастался, что он знает вендийские обычаи лучше самих вендийцев, — сказал Конан. — Он мог, конечно, соврать, но если история с его богом правдива, то думаю, что и здесь он не слукавил.

— Буду рад, если вы окажетесь правы, — улыбнулся кшатрий. — Храм Ситалы — эта та ниточка, которая может вывести нас на хозяев Хамара.

— Расскажите мне о них что-нибудь интересное? — спросил киммериец.

— Один из полуденных культов, — ответил Сатти. — Поклоняются богине черной оспы, часто проводят жертвоприношения. Надеются тем

самым защитить себя от болезни. Поклонников Ситалы сейчас во много раз меньше, чем несколько столетий назад. С развитием искусства магического исцеления и медицины влияния у богини поубавилось.

— Хамар говорил, что жрецов ее по-прежнему боятся.

— Скорее в силу привычки. Я не слышал, чтобы после их проклятий кто-нибудь умирал. Они сами это отлично знают, а потому не спешат направо и налево одаривать своих хулителей болезнью. Сотник, это просто маленький забитый культ, каковых в Айодхье тысячи. Лишь неперсонафицированным поклонением смерти они и обращают на себя внимание. Ну, еще традиции свои соблюдают крепко. Наряд жреца Ситалы и в самом деле просто так не достанешь.

— А жертвоприношения?

— Цветы, фрукты, хлеб. Никакой крови. Поверьте, храму Ситалы в одиночку организовать схему с Хамаром не удалось бы ни за что, да и не надо им этого.

— Что же тогда?

— Хотите, навскидку выдам версию? В храм богини черной оспы запросто мог внедриться один из фансигаров, который и руководил действиями Хамара. Поклонникам Кали могли заказать убийство браминов. Ради больших денег они не боятся отойти от принципов. Очень похоже на их работу — красиво, эффектно и никаких следов.

— И кто же, по-вашему, выступает в качестве заказчика?

— Один из князей. Возможно, родственник повелителя. Больше просто ни у кого не хватило бы денег или влияния, чтобы воплотить в жизнь столь масштабный план. Но сама по себе личность организатора нам мало что даст. Куда важнее отыскать промежуточные звенья. Не сомневаюсь, что механизм к настоящему времени обрел самостоятельность и работа его продолжится и в случае смерти его создателя.

— Что у вас есть на руках, кроме голых подозрений? Как именно вы собирались вести поиски?

— Я хотел найти того человека, — сказал Сатти, поднимая указательный палец, — который разделит личность Хамара.

— Вы говорили, что он обошелся без колдовства, — напомнил Конан.

— Да, так оно и есть, — кивнул кшатрий. — Я думаю, что над Хамаром потрудился травник. Это самый безопасный вариант для организаторов убийств. Тех колдунов, что осматривали туранца, можно было без труда обмануть, но кто мог поручиться, что повелитель не пригласит более умелых магов. От травяной же смеси, приготовленной соответствующим образом, следов в организме не остается.

— И много в Айодхье таких специалистов?

— Пятеро, — Сатти выглядел очень довольным. — За ними всеми следят преданные лично мне люди, не упускают их из вида ни на мгновение. Рано или поздно виновный, если таковой среди них имеется, выдаст себя. Тот, кто приготовил снадобье разделения сознания, не мог не

знать, для чего оно предназначалось. И он понимал, что после того, как последний из семи браминов отправится на Серые Равнины, убийцы придут и за ним, и должен был подготовиться к их визиту. Я надеюсь, что он допустит ошибку и примет моих людей за своих клиентов.

— А если нет?

— Если нет, то эти пятеро не при чем. В принципе, снадобье могли заказать и в Кхитае, где подобных мастеров побольше. Но тогда доверие к травнику было очень большим. Окажись Хамар менее восприимчив к зелью, уже ничего нельзя было бы исправить. Не верю я в это, травник либо местный, либо живет неподалеку от столицы. Сотник, я очень прошу доверить это направление наших с вами поисков целиком и полностью мне. Не хочу вас обидеть, но эти пятеро вам не по зубам.

— Я не обидчивый.

— Вот и хорошо. У меня есть чем вас занять. Думаю, вы обратили внимание, что в дома, где были совершены убийства, не допускали стражников раджи Нарайна. Вроде бы понятно, что дело государственного уровня и расследованием должны заниматься люди повелителя. Но почему они сразу же после первого случая взяли поиски в свои руки?! Откуда они могли знать, что убийства продолжатся?! А ведь точно, знали! Резня, конечно, и в первый раз была страшная, но с интересами государства она соотносилась слабо. Такие преступления всегда расследовала столичная стража.

— Я уже обратил на это внимание. Похоже, что правитель и его приближенные знали о готовящихся убийствах или просто ожидали соизмеримого с ними события. И они явно не желали, чтобы на поверхность всплыла вся правда о гибели браминов, для того и отсекали городских стражей от расследования.

— Правильно, Конан. Им есть что скрывать. Мы не знаем и десятой доли того, что известно людям повелителя. Даже я, тысяцкий, и то вынужден довольствоваться слухами.

— Достоверными или не очень?

— Думаю, что достоверными. Надеюсь. Впрочем, я неправильно сделал, употребив множественное число. Слух до меня дошел один-единственный. Нашептали мне на ушко, что не только во дворце Синты были выжившие. В других домах, во всех, кроме первого, также спаслось несколько слуг и охранников. И сейчас они томятся в застенках тайной службы повелителя.

— Похоже на правду, — согласился Конан. — Я больше всего недоумевал, как убийца умудряется не выпускать на волю ни одну из своих жертв. Даже если он их и отсекал неведомым образом от выхода, то всегда можно было спрятаться. Дворцы у покойных браминов гигантские, и найти там тихий уголок — не проблема. Но непонятно тогда, почему выжившие не указали на Хамара, как это сделали охранники Синты.

— С чего вы взяли, сотник, что они молчали? — поинтересовался Сатти. — Вполне возможно, что люди повелителя узнали от них, кто

убийца, просто ловить его они не спешили. Что если стражи занимались не тем, что расследовали преступление, а тем, что контролировали результаты, прибирались за убийцей?

— В Вендии возможно и такое, — мрачно произнес Конан.

— Я хочу, чтобы вы разобрались с тем, чем на самом деле занималась стража повелителя. Мне они никогда ничего не расскажут. Я из городских, из тех, что служат в первую очередь радже Нарайну и лишь во вторую — повелителю.

— Не верю, что у вас, Сатти, нет знакомых в тайной службе или гвардии Вендии.

— Есть знакомые, даже друзья. Но для них преданность повелителю стоит выше дружбы. Они помогут мне, только если будут уверены, что это не пойдет вразрез с интересами их службы. А сейчас совсем не та ситуация, мы играем разными фигурами. Вы же, Конан, человек для них нейтральный. Если вы сумеете их заинтересовать, то вас могут попытаться привлечь на свою сторону.

— Считаете, что такое возможно?

— Вполне! Правитель не откажется пополнить в свои ряды туранского сотника, который по возвращении в Аграпур наверняка будет повышен до тысяцкого. С прямым предложением к вам, разумеется, никто не полезет, но постараться аккуратно подвести к нужному решению могут. И ваша задача — не зевать.

— Я посмотрю, что получится сделать.

— Отлично! — хлопнул в ладоши Сатти. —

Нам осталось только решить, как поддерживать связь. О сегодняшней нашей встрече всем заинтересованным людям уже известно, но я не вижу в этом ничего страшного. Рано или поздно Телида должна была нас свести.

— Есть предложения? — Конан уже успел изучить манеру общения тысяцкого. Тот без навязывающего вопроса или напоминания мог сто лет ходить вокруг да около.

— Разумеется, — сказал вендиец. — Вы завтра собираетесь к Телиде?

— А надо?

— Надо! Вам по статусу положено у нее бывать. Ничего подозрительного в этом нет. Так же, как и в моих визитах к ней. Мы с вдовой старые приятели. Я буду оставлять вам у нее сообщения о местах будущих встреч. В их надежности можете не сомневаться.

— Я и не собирался, — улыбнулся Конан. — Если нам больше нечего обсудить, то я пойду.

— Конечно же! Я помню, что вы торопились, — сказал Сатти. — Прошу простить, что задержал вас. Доброй дороги, Конан. Вы идите, а я посижу здесь еще немного, полюбуюсь на звезды и подумаю.

— Счастливо оставаться!

За разговором Конан и не заметил, как сады погрузились во тьму.

Мир вокруг киммерийца наполнился птичьими голосами. Северянин был настолько погружен в разговор, что не замечал происходящих вокруг него метаморфоз. Переход к новой обста-

новке оказался столь скорым, что киммерийцу на миг показалось, что он не в столице Вендии, а в самом сердце джунглей, где человек — существо лишнее и постороннее.

Конан тряхнул головой, гоня прочь образы, рожденные его воображением.

Но не так-то просто было с ними справиться.

Сотник точно знал, что находится в садах повелителя Вендии, но инстинкты во весь голос кричали об обратном, убеждая его, что он в диких местах и опасность где-то рядом, за следующим поворотом. Киммериец, сам того не замечая, начал ступать мягко, словно кошка. Так постепенно он превращался в ночного хищника, исконного обитателя этих мест. Сознание сотника было свободно от страхов и жажды крови, но тело его было телом зверя, готового в любой момент ринуться на врага.

Пока все было спокойно, сознание и инстинкты существовали независимо друг от друга, но вдруг нечто заставило Конана прислушаться к своему звериному чутью. Опасность мнимая начала обретать очертания опасности реальной. Что-то в окружающей обстановке было не так, неправильно, что-то не принадлежало миру садов. Киммериец осматривался, но никак не мог понять, что именно привлекло его внимание. Деревья, кусты, птицы — всё как обычно. Только вместо солнца полная луна.

— Кром порази этого Сатти! — выругался киммериец. — После всех этих разговоров о заговорах собственной тени бояться начинаю.

Северянин в сердцах сплюнул и продолжил путь к полуночному выходу из садов.

Однако неприятное ощущение близости чего-то чужого и злого не исчезало. Конан утешал себя мыслью, что птицы ведут себя совершенно спокойно, а значит, страхи эти — не более чем фантом.

* * *

*За две седмицы до первого убийства.
Храм Вишну.*

Нынешняя церемония оказалась самым потрясающим зрелищем из тех, что доводилось видеть Конану.

Что ни говори, а поклонялись вендийцы своим богам с размахом. Барабанщики, танцоры, жонглеры — кого здесь только не было!

Чего стоило одно шествие слонов! Огромных серокожих гигантов нарядили в яркие ткани и пустили впереди процессии. У стен храма Вишну элфранты сами по себе, без всяких команд, опустились на передние ноги, словно желали продемонстрировать свое почтение богу. Затем к ним подошли люди, одетые столь же ярко, и развели животных в стороны от ворот храма. Там слоны, выстроившись в две линии друг напротив друга, приветствовали паломников, шедших меж ними, издавая звуки, сходные с теми, что извлекают из своих инструментов трубачи.

Цветов повсюду было море. Их запах смешивался

вался с ароматом духов пришедших на празднество дам. Вблизи храма, где собралась основная масса народа, воздух казался приторно-сладким, и от него слегка кружилась голова.

Но самой главной составляющей церемонии были не украшения и не дары, предназначенные богу, а атмосфера праздника. Вендийцы искренне, словно дети, радовались творящемуся действию. Их эмоции были настолько сильны, что вытесняли прочь злобу, зависть и ненависть, которым просто не осталось места на этом празднике. Все, кто пел, танцевал, жонглировал, разбрасывал цветы или же просто стоял и смотрел, непременно улыбались. Не было здесь ни одного печального лица.

Конан тоже радовался вместе со всеми, но это не мешало ему неотрывно следить за маленькой вендийкой с кукольным личиком. Ради нее он и пришел на праздник.

Девушку, насколько известно было киммерийцу, звали Рамини. Она была верховной жрицей храма Иштар в Айодхье. Сотник надеялся, что она поможет ему выйти на след убийц бывшего посла Турана. Если это, конечно, было убийство, в чем Конан все больше и больше сомневался. Но, в конце концов, Рамини была просто хороша собой, и одно это стоило того, чтобы завести с ней знакомство.

За три седмицы, проведенные в Вендии, Конан четко осознал, что если посла лишили жизни по политическим мотивам, то пытаться найти хоть какую-то зацепку бессмысленно. В этой

стране заговоры плели все, от мала до велика. Видимый союзник здесь на деле мог оказаться злейшим врагом, и разобраться в этом хитро-сплетении интриг постороннему человеку не было никакой возможности. Вот Конан и рассудил, что ни к чему ему тратить время на выяснение того, какой из вендийских политических сил была выгодна смерть посла. Бессмысленно это. Лучше более тщательно проработать «деньги» и «религию».

Последние полторы седмицы киммериец проверял наследников посла на предмет их заинтересованности в смерти пожилого туранца. Вроде бы семейство было мирное, и творить смертоубийство для скорейшего обогащения никто из детей не собирался. Насчет вдовы сомнения оставались, но развеять их, или же наоборот, в них утвердиться было делом ближайших нескольких дней. Конан собирался прямо и открыто изложить Телиде все свои подозрения и посмотреть на ее реакцию. Он бы сделал это и раньше, но что-то его все время останавливало. Но ничего, завтра или послезавтра означенный откровенный разговор непременно состоится. Должен состояться.

Помимо этого Конан рассчитывал в скором времени начать знакомиться с миром вендийских верований. Взаимоотношения у местного пантеона были сродни тому, что творилось в политике. Богов в Вендии насчитывалось никак не меньше тысячи. Вроде бы какие-то из них считались погибшими, но им по-прежнему поклоня-

лись и приносили жертвы. Полная неразбериха. С чего именно начать постижение всего этого безобразия, Конан понятия не имел.

Но на выручку ему пришел случай.

Вчера киммериец в компании пятерых своих солдат отправился пропустить пару кружек в местное питейное заведение. То, которое облюбовали для себя туранцы, от остальных мало чем отличалось. Хоть оно и было устроено из расчета на иноземных посетителей, местная традиция чувствовалась в нем в полной мере. Грязь, вонь и шум, на которые вендийцы и внимания-то не обращали, заметно раздражали солдат. Но и устраивать день за днем попойки в казармах, в которые к тому же мог в любой момент наведаться Шеймасаи, им тоже было неинтересно. Хотелось общения с местным населением.

С женским полом проблем не было, снять шлюху на ночь — раз плюнуть. Стоили девицы сущие гроши, а вот в искусстве любви могли запросто преподать урок туранским куртизанкам. Конан даже и не думал запрещать солдатам подобные развлечения, скорее наоборот, поощрял их, чтобы воины царя Илдиза от безделья не начали устраивать драки в столице Вендии.

А вот напиться до потери сознания или затеять игру в кости на все месячное жалование в столице Айодхьи было не с кем. Дело в том, что одни вендийцы были намного богаче туранских солдат и в общество свое их не допускали, другие же были принципиально беднее и загула поддерживать не могли. Пить на деньги туранцев послед-

ние отказывались. То ли из уважения, то ли из презрения, а может, просто характер у них такой был...

С самими напитками дела обстояли также не лучшим образом. Вино в Вендии практически не делали. Конану за три седмицы его нахождения в Айодхье повстречалось всего два местных сорта, да и те пить без содрогания было невозможно. В богатых домах, где киммерийцу случалось бывать, его, конечно, угощали дорогим офирским розовым, зингарским белым и прочими винами, что потребляли в закатной части Хайбории. Но в простых кабаках предлагали исключительно местные настойки. На вкус они были сладкими с легкой горчинкой и оставляли во рту неприятный осадок. Опыание от них киммерийцу совершенно не нравилось. Мысли начинали течь до отвращения медленно, тело переставало слушаться, а на следующий день голова просто раскалывалась. Но за неимением альтернативных напитков приходилось пользоваться эти настойки.

Сам Конан с удовольствием бы отказался от визитов в местные кабаки, если бы не необходимость слушать чужие разговоры. Солдат вендийцы нисколько не стеснялись, видя, что те общаются меж собой исключительно на туранском. Конан же специально выбирал такое место на лавке, чтобы оказаться поближе к заинтересовавшей его группе местных жителей. Но до вчерашнего вечера его слуха достигали лишь разговоры о погоде, урожае и поклонении богам.

На слова о храме Иштар Конан сначала не об-

ратил внимания, решил, что это просто очередная религиозная болтовня о том, как правильно надлежит проводить ритуалы. Северянин искренне недоумевал, почему вендийцы процессам молитвы и жертвоприношения внимания уделяют куда больше, чем самим богам. В этом феномене еще предстояло разобраться, но пока киммерийца не оставляло чувство неправильности такого подхода.

Встрепенулся сотник лишь тогда, когда соседник посетившего храм Иштар человека начал чем-то громко возмущаться. Подобная реакция казалась немыслимой для веротерпимых вендийцев, которые с радостью соглашались зачислить в свой пантеон любого чужеземного бога.

Что именно вывело из себя мирного жителя Айодхьи, киммериец так и не уловил. Из дальнейшего обмена репликами он извлек немного сведений о самом культе Иштар — вернее, о его местной разновидности — и описание верховной жрицы.

Насколько киммериец разобрался, эта женщина пошла наперекор многим местным традициям, чем вызвала восторг со стороны одних и ненависть со стороны других.

Конан решил, что храм Иштар и его верховная жрица — это именно то, что нужно для начала разработки религиозного мотива. Северянину как раз и нужен был кто-то, обладающий достаточными знаниями о местной системе верований, но в то же время не связанный ее рамками. Изначально в качестве такого объекта киммерийцу

виделись тантрики, но культ Иштар, имеющий давние связи с Тураном, подходил еще лучше.

К концу вечера сотнику удалось узнать имя верховной жрицы и получить подробное описание ее внешности. Но идти напрямик в храм Иштар киммериец не решился. Для начала ему хотелось просто посмотреть на Рамини, попытаться понять, что она из себя представляет.

Отправляясь на праздник, организованный вайшнавами Айодхьи, Конан почти не сомневался, что встретит там верховную жрицу богини семейного очага. Религиозные церемонии вроде этой в Вендии были событиями едва ли не государственного масштаба. Одних паломников в Айодхью прибыло не меньше полутора тысяч человек. Вряд ли Рамини оставит такой праздник вне своего внимания.

Расчет киммерийца оказался верным. Почти сразу же он различил среди державшихся особняком браминов миниатюрную фигурку жрицы Иштар.

Но ничего примечательного в поведении Рамини Конан не заметил. Она, как и все, с интересом наблюдала за выступлениями артистов и за шествием слонов. Изредка поднимала над головой букетик белых цветов и махала им в знак приветствия и одобрения.

Конан чувствовал себя довольно глупо. Вся затея с походом на праздник Вишну теперь казалась ему бессмыслицей. Ну, что такого, в самом деле, он надеялся здесь увидеть?! Что Рамини бросится на вайшнавов с кулаками или будет

громогласно призывать проклятья на их головы?.. Бред.

Но уходить просто так тоже не хотелось. И Конан начал пробираться к верховной жрице.

Киммериец понимал, что собирается сотворить глупость, но ничего не мог с собой поделать.

— Замечательный праздник, — шепнул он на ушко Рамини.

Вендийка вздрогнула от неожиданности и обернулась посмотреть, кто же с ней заговорил.

Конан постарался улыбнуться как можно более мило.

Рамини кинула оценивающий взгляд на фигуру северянина, оставив его улыбку без внимания. Увиденным она, похоже, осталась довольна, потому как разговор решила поддержать.

— Такой же, как и все, — сказала маленькая вендийка, вновь обращая свой взор в сторону шествия. — Из года в год одно и то же. Сразу видно, чужестранец, что в Вендии ты пробыл недолго. Иначе тебе бы уже опостытели все эти зрелища.

— Меня зовут Конан, — представился киммериец.

— А меня — Рамини, — ответила девушка, по-прежнему стоя спиной к северянину.

В двух шагах от вендийки прошел жонглер, державший в воздухе восемь кинжалов. Рамини замахала ему своим букетом. На этот раз ее движение показалось Конану каким-то издевательским.

— Но праздники случаются не каждый

день, — продолжил беседу киммериец. — Как можно к ним привыкнуть?

— У них только оболочка разная, — зло произнесла вендийка. — А суть одна. Вся эта фальшивая радость. Знаешь, Конан, почему они танцуют и смеются? Они таким способом приносят свои эмоции в жертву богу. Без жертвоприношений местные боги не могут, они ослабнут. Просто веры им недостаточно. Вот люди их и подкармливают. Надеются, что Вишну насытится и дарует им свою благодать. Круговорот добра!

— Кажется, я понимаю, о чем ты говоришь, — сказал Конан.

— Я прихожу на праздники лишь за одним, — Рамини развернулась к Конану. — Насладиться красотой. Когда я начинаю чувствовать в себе эмоции этих людей, я ухожу. И сейчас именно такой момент.

Сотник внимательно смотрел на вендийку, ожидая продолжения. И оно последовало.

— Пойдешь со мной, Конан? — спросила девушка.

— Да, — коротко ответил киммериец.

Вендийка взяла Конана за руку и потащила его сквозь толпу к одной из боковых улочек. Северянин догадывался, что Рамини уже успела изучить оптимальные пути отхода от всех крупных храмов Айодхьи.

И в самом деле, очень скоро народу вокруг поубавилось, и, судя по хмурым лицам, эти люди к празднеству не имели никакого отношения.

— Они крутятся где-то здесь, — выдала непо-

приятное объяснение Рамини и начала оглядываться по сторонам — не самое приятное занятие, с ее-то ростом. — Знают, что найдутся те, кому надо пораньше уйти.

Киммериец кое-как догадался, что она имела в виду носильщиков. Не пристало верховной жрице путешествовать по городу на своих двоих. Конан заметил вдалеке пару скучающих перевозчиков и махнул им рукой.

Спустя несколько мгновений они уже предлагали свои услуги Рамини.

Но вендийка не спешила занять место в паланкине.

— Есть поблизости другие? — спросила она у того носильщика, что был постарше. Конану показалось, что это были отец с сыном. — Мой друг отправится вместе со мной.

Старший носильщик утвердительно кивнул и отправил младшего на поиски.

— Я спокойно могу дойти пешком, — поспешил тем временем заверить жрицу Конан. Ему очень не хотелось, чтобы его несли на руках эти несчастные вендийцы. — Не беспокойся.

— Нет уж! — возразила Рамини. — Тебе силы понадобятся для кое-чего другого.

Киммериец, кажется, понял, что имела в виду вендийка, и был готов дать обещание, что пешая прогулка на его способностях не отразится, но Рамини выглядела очень уж серьезной, и Конан решил не спорить, опасаясь возможной ссоры.

Тем временем вернулся носильщик. Следом за ним вышагивали два его собрата по ремеслу.

— Садись, — с улыбкой сказала Рамини, указывая киммерийцу на прибывший паланкин.

Если бы доставшиеся Конану носильщики были бы такими же хилловатыми на вид, как те, на чьих плечах покоился паланкин вендийки, сотник всё-таки начал бы упорствовать. Но, похоже, отосланный за подмогой паренек разобрался, что к чему, и к шуткам склонности не имел. Перевозчиков северянину он привел знатных, лишь чуть меньше самого Конана.

Само путешествие киммерийцу никакого удовольствия не доставило. Он отлично помнил, что из себя представляют улицы Айодхьи, и в воображении его то и дело возникали сцены крушения паланкина, для которого в толпе просто не могло найтись достаточно свободного места. А если к этому добавить ту скорость, с которой передвигались носильщики, то картина становилась и вовсе пугающей.

К счастью, до храма Иштар и Конан, и Рамини добрались без происшествий. Киммериец и жрица расплатились с носильщиками, и те, поклонившись на прощанье, растворились в толпе.

И не успел северянин и глазом моргнуть, как его рука опять оказалась в руке маленькой жрицы...

— Познакомься, Конан, это наши стражники, — сказала Рамини, указывая на двух огромных темнокожих вендийцев, стоявших у дверей храма. Выглядели они грозно, и их громадные сабли, что были демонстрационно обнажены, также внушали уважение. Но, к сожалению, эта

красивая обертка не давала никакого представления о том, какие бойцы из этих двух стражей.

И вообще, очень странная традиция — стоять перед входом в храм богини семейного очага охрану. Тем не менее, это было обязательной деталью любого храма Иштар.

— Очень приятно. — Киммериец постарался подавить пробивающуюся в голосе иронию.

Стражи на приветствие никак не отреагировали, ни один мускул на лице не дернулся.

— Они — хорошие ребята, Конан. До сих пор никого не убили, — поспешила уверить киммерийца Рамини. Вторую же часть фразы вендийка, скорее всего, адресовала стражам. — И тебя они не тронут. Ни за что.

Маленькая жрица звонко рассмеялась, глядя на серьезные физиономии мужчин, и повела Конана внутрь храма.

В центральном помещении пред алтарем богини, на котором стояли дары, предназначенные Иштар, молились, опустившись на колени, четверо вендийцев. Конан заметил, как к одному из них подошла молоденькая жрица, одетая в полупрозрачные ткани, дотронулась до его плеча... Что было дальше, Конан не увидел. Рамини увела его прочь от моленной.

Они шли по широкому коридору, на стенах которого висели крохотные масляные лампы. Свету от них было немного, но дым их туманил и кружил голову. Скорее всего, эффект возникал из-за трав, что добавляли в масло. Несколько раз киммериец и жрица проходили сквозь маленькие

комнаты с широкими кроватями, застеленными белоснежными простынями. У изголовья каждой из них непременно находился аккуратненький серебряный кувшин, как казалось Конану, наполненный вином. Рядом с ним стояла каша с разноцветными шариками.

В одной из комнат киммериец остановился и указал Рамини на кровать. Та улыбнулась и покачала головой.

— Уже скоро, — шепнула она.

И действительно, цель их путешествия оказалась близка.

Покои, принадлежавшие Рамини, отличались от прочих не только размерами, но и тем, что предназначались не для развлечений, а для жизни. Мраморные полы здесь были застелены пушистыми коврами, в которых ноги утопали по щиколотку. На стенах висели картины с изображением видов Айодхьи, обнаженных женских тел и цветов. Натуральных цветов, в основном снежно-белых лилий и алых роз, в комнате тоже было предостаточно. От коридора покои жрицы были отделены только тонкой резной перегородкой, которая ничего не смогла бы скрыть от зорких и любопытных глаз.

Рамини показала киммерийцу, чтобы он ложился на кровать.

Конан послушался. Раскинувшись на мягких перинах, он с вождением наблюдал за тем танцем, что исполняла для него маленькая жрица. Двигаясь в такт несуществующей мелодии, вендикка постепенно обнажала свое прекрасное те-

ло. До профессиональных танцовщиц ей, конечно, было далеко, но та легкая неловкость, с которой она исполняла свой танец, будила в Конане еще большее желание.

Наконец, представление закончилось, и Рамини скользнула к киммерийцу в объятия.

Следующие три колокола были заполнены поцелуями, взаимными ласками, нежностью и бесконечным наслаждением. В какой-то момент, Конан даже не заметил когда именно, к ним с Рамини присоединилась еще одна жрица. Заканчивали же любовное игрище они уже вчетвером.

Все три девушки не скрывали своего восхищения киммерийцем. Раз за разом они пробуждали в нем огонь желания. Конан только дивился на жриц Иштар: казалось, в искусстве любви для них не осталось никаких запретов. Он ожидал от храма богини семейного очага чего угодно, но такое...

Однако это ни в коем случае не означало, что северянин оказался разочарован. Наоборот, такого удовольствия он не получал очень давно, наверное, со времен Шадизара.

— Оставьте нас, — попросила подруг Рамини, когда силы у всех любовников подошли к концу и они просто лежали на кровати, наслаждаясь приятной истомой в своих телах.

Девушки страстно поцеловали Конана на прощанье и скрылись за перегородкой.

— Это лучшее, что когда-либо со мной бывало, — произнесла Рамини, обхватив руками плечи северянина.

— Я ни на миг не пожалел, что ушел вместе с тобой с праздника, — признался Конан.

Жрица уселась верхом на живот киммерийца и дотронулась до своих грудей.

— Я тебе нравлюсь? — спросила она.

— Ты великолепна!

— Что тебе больше нравится? Мое тело или то, как я занимаюсь любовью?

— Все! В тебе все прекрасно.

— Да? Я рада. Когда такой мужчина, как ты, говорит комплименты, это приятно. Я начинаю чувствовать себя самой желанной женщиной на свете.

Рамини склонилась над киммерийцем и начала медленно раскачиваться из стороны в сторону, отчего маленькая грудь жрицы с аккуратными рубиновыми сосочками возбуждающе подрагивала. Конан безумно жаждал прикоснуться губами к этой потрясающе красивой молодой плоти, а затем перевернуть девушку на спину и в очередной раз овладеть ею. Но северянин чувствовал, что вендийка наслаждается моментом, тем напряжением, что возникло сейчас меж их телами, и он не желал лишать ее этого удовольствия.

— Ну, а мои подруги? Они прищипли тебе по вкусу?

— Да. Но ты лучше.

Конан не мог больше терпеть. Он привлек к себе Рамини и начал жарко целовать ее шею. Какое-то время вендийка наслаждалась ласками киммерийца, постанывая от удовольствия, но потом отстранила его.

— Нет! — заявила она. — Я хочу, чтобы ты все еще желал меня, когда соберешься уходить. Ты должен вернуться ко мне, хотя бы ради удовлетворения своей похоти.

Вендийка слезла с кровати, взяла со столика, стоявшего у изголовья, красный шелковый платок и обмотала его вокруг бедер. Потом подошла к другому столу, который явно выполнял функции обеденного, наполнила две чаши белым вином и вместе с ними вернулась к киммерийцу. Ложиться, правда, она не стала, просто присела на краешек кровати поближе к Конану.

— Я обязательно вернусь к тебе, Рамини, — пообещал киммериец.

— Попробуй только обмани, — очень серьезно произнесла маленькая жрица и погрозила Конану пальчиком.

Киммериец улыбнулся и пригубил вино.

Замечательный напиток. Почти такой же, как женщина, его подавшая.

— Что ты делаешь в Вендии, Конан? — спросила Рамини.

— Командую сотней туранских воинов, — ответил киммериец. — Исполняя повеление царя Илдиза, мы сопровождали в Айодхью нашего нового посла.

— Плохо, — вздохнула жрица. — Я надеялась, что ты в Айодхье надолго. Не верю, что ваш царь позволит такому воину, как ты, прохлаждаться в дальних краях. И как скоро ты отправишься в обратный путь?

— Не раньше, чем через две-три седмицы...

Рамини оборвала его фразу страстным поцелуем.

— Я буду с тобой целых три седмицы, — радостно прошептала она.

— Я думаю, что дольше, — поспешил уверить ее Конан. — Мы должны сопроводить в Аграпур вдову бывшего туранского посла и ее семейство. Насколько я понял, госпожа Телида не очень торопится уезжать. Она уже четырежды отодвигала сроки. Если так будет продолжаться и дальше, то раньше чем через два месяца мы из Айодхьи не отправимся.

— Это же замечательно, — сказала маленькая вендийка и вновь поцеловала Конана.

— Теперь и я так думаю, — признался киммериец. — Боюсь, что даже через два месяца мне не захочется уезжать от тебя, Рамини. Страшно подумать, что еще этим утром я умирал со скуки, не знал, куда себя девать. Незнакомая страна, незнакомые нравы.

— Однако язык-то ты знаешь, — заметила вендийка.

— У меня способности к языкам, — сказал Конан.

— И не только к ним, — хихикнула Рамини.

— Серьезно, я просто задыхался от безделья, — продолжал северянин. — Оттого я и отправился на праздник Вишну, решил начать постигать местную жизнь.

— Хочешь, я буду твоим наставником? — встрепенулась Рамини. Казалось, эта идея ее очень сильно захватила. — Расскажу тебе о Вен-

дии всё-всё! И тогда ты не захочешь уезжать и останешься здесь со мной!

— Если я соглашусь, — спросил киммериец, — ты займешься со мной любовью прямо здесь и сейчас?

— Шантажист, — прошептала Рамини и сбросила с бедер шелковый платок.

* * *

Первый день расследования. Казармы.

Выспаться Конану толком не удалось. Мало того, что вернулся в казармы глубоко за полночь, так еще и кошмары донимали. Что именно ему снилось, киммериец вспомнить не мог, но ощущения наутро были самые гадкие.

Но и это было еще не все.

Казалось, что дурной сон продолжался и наяву. Голова болела, тело ломило, но самое неприятное — то, что не хватало воздуха. Каждый новый вздох давался киммерийцу все с большим и большим трудом.

На здоровье Конан никогда не жаловался и кроме как колдовством объяснить происходящее не мог.

— Кром! — процедил сквозь зубы киммериец.

Преодолевая слабость, он поднялся на ноги и сделал первый неуверенный шаг по направлению к двери. Надо было отправить одного из солдат в посольство к Шеймасаи за магами. Но киммериец не смог даже сделать второго шага. Ноги под-

косились, и он свалился на пол. Хватая воздух ртом, северянин смотрел, как его комната медленно погружается во мрак. Страха он не испытывал, лишь горечь оттого, что ему не суждено принять смерть на поле боя, как он мечтал.

За дверью послышались человеческие голоса.

Киммериец попытался позвать на помощь, но язык его не слушался. К счастью, люди за дверью уходить от комнаты сотника не спешили.

Раздалось злобное шипение. От распростертого на полу Конана в угол комнаты метнулась тень и через мгновение исчезла. Тут же исчезла слабость, воздух перестал казаться густым, словно желе. Осталась лишь легкая головная боль.

И тогда киммериец испугался.

У него появился враг настолько опасный, что впору было начинать думать о бегстве. Конан вспомнил свои ощущения, когда он вчера возвращался в казармы после разговора с Сатти, — присутствие зла, неведомого и неосязаемого. Сотник понял, что видел именно ту тень, что сбежала из комнаты, заслышав человеческие голоса. Она прошла вместе с ним весь путь от садов до казарм, дождалась, пока он заснет, и попыталась убить его. Еще немного, и ей бы это удалось.

Как бороться с этим существом, киммериец не представлял. Но он догадывался, что тень так и будет следовать за ним денно и ночью в ожидании того момента, когда он потеряет бдительность, ослабнет или просто уснет.

Нужен был хороший маг, который смог бы обуздать тварь. Вот только Конан не верил нико-

му из местных колдунов, а тех, что привел с собой Шеймасаи, считал дилетантами.

Киммериец вытер пот со лба, поднялся на ноги, добрал до кувшина с холодной водой и сделал пару глубоких глотков.

В этот миг двери в комнату отворились, и внутри оказался один из солдат. Амьен — человек Газила. После смерти последнего именно он возглавил десяток. Конану показалось, что туранца в комнату втокнули. Об этом же говорил и его растерянный вид.

— Сотник, — неуверенно произнес седобородый туранец. — Там посол, требует, чтобы его к вам пустили.

Следовало догадаться.

Только Шеймасаи было под силу вот так вот, словно котенка, впихнуть в комнату одного из самых опытных бойцов в сотне, чтобы тот объявил о его приходе. По совершенно непонятным причинам все солдаты буквально трепетали перед послом. За глаза они его костерили направо и налево, но стоило им оказаться в непосредственной близости от Шеймасаи, как они теряли всякую волю к сопротивлению.

Никакой магии здесь не было, просто посол очень умело давал понять, насколько выше он стоит, чем все эти люди. Конану даже пришлось на ум сравнение с вендийскими кастами. Всё-таки неспроста Илдиз назначил послом именно этого человека. Дипломатом он был посредственным, способности его были иного толка. Весь вопрос в том, к чему их можно было применить.

Киммерийца с каждым днем все больше и больше интриговала фигура нового туранского посланника.

— Иди, — Конан махнул рукой на дверь.

Выучка и приверженность дисциплине не позволяли Амьену покинуть комнату без разрешения сотника.

Конан окинул взглядом комнату, нашел, куда бросил вчера штаны, и быстренько натянул их. Не дело появляться перед Шеймасаи в чем мать родила, крику поднимется — пожалеешь, что он на пару с Амьеном тебя прогнал. Лучше смерть, чем вопли посла.

Едва киммериец закончил завязывать веревочку на поясе, как в комнату вошел Шеймасаи. Без стука, разумеется.

— Здравствуй, сотник. — В начале разговора посол неизменно придерживался правил этикета. Лишь через несколько реплик он сбивался на ругань и оскорбления.

— Доброе утро, посол. Очень рад вас видеть. — Киммериец сказал чистую правду. Если бы не столь ранний визит Шеймасаи, лежать бы ему на полу бездыханным телом. — Чем могу служить?

Туранец нахмурился.

— Обойдемся без иронии, сотник, — предложил он.

— Что вам надо? — уже не так вежливо поинтересовался Конан. Умел его посол из себя вывести, даже благодарность за спасение как-то отошла на второй план.

— Я хочу, чтобы вы поскорее убрались из Вендии, — сказал Шеймасаи. — Ответь мне, наконец, на очень простой вопрос: когда ты, Телида и твои солдаты лишите меня счастья лицезреть ваши физиономии в Айодхье? Когда?!

— Обращайтесь к Телиде, — посоветовал послу Конан, отлично зная, что его совет останется без внимания. Шеймасаи и близко к дворцу вдовы не подойдет. Ненависть у них была взаимной. — У меня приказ царя Илдиза: без нее не возвращаться.

— Сотник! — закричал посол. — Ты мне говорил, что она ко вчерашнему дню должна была закончить сборы. Почему ты еще здесь?

— У Телиды заболел сын, — объяснил киммериец. — Без него она никуда не поедет. Если желаете ускорить процесс, можете прислать к нему своего личного лекаря. Только, думаю, Телида откажется воспользоваться его услугами.

— Не изображай идиота, — посоветовал Конану Шеймасаи. — Этой старой карге нужен повод, чтобы остаться в Вендии, вот она и выдумывает всякие небылицы. Почему ты идешь у нее на поводу?

— А что я могу сделать?! — северянин громко выразил свое недоумение. — Приказать ей?!

Шеймасаи уже открыл рот, готовясь рассказать киммерийцу, как тому надлежит себя вести с вдовой... и смолчал.

Конану тоже сказать было нечего. Повисла пауза.

— У тебя есть вода? — неожиданно спросил Шеймасаи.

Киммериец взял со стола кувшин и отнес его посланнику. Туранец взял сосуд и начал жадно пить. Потом вернул кувшин хозяину, а сам уселся на единственный в комнате стул.

— Хорошо, — сказал Шеймасаи. — Я напишу царю о наших затруднениях с Телидой и даже умолчу о твоём поведении. И других проблем достаточно... Проклятье! Более чем достаточно!

— Что случилось? — спросил Конан.

Утро вышло богатым на сюрпризы: сначала его пытается убить неизвестная тварь, потом приходит Шеймасаи, ведет себя практически нормально, а в конце выражает желание поделиться своими проблемами. Своими!

— Еще один твой человек, — сказал посол, — вляпался в серьезные неприятности.

Вот тебе и «свои» проблемы. Странно было только, что посол говорил о его человеке в столь куртуазной форме. После того, как открылась правда о деяниях Хамара, Шеймасаи устроил сотне и ее командиру такой разнос, что лучше не вспоминать.

— Я слушаю, — произнес киммериец.

— Мне донесли проверенные люди, — начал Шеймасаи, — что вчера они видели одного из туранских солдат в компании пяти фансигаров. Ты понимаешь, что это означает?

— Вполне, — коротко и сухо ответил северянин.

Случай с Хамаром нанес репутации Турана в

Вендии серьезнейший урон. Лишь тот факт, что лекари правителя признали убийцу сумасшедшим и за свои деяния не отвечающим, спас Туран от крупного скандала. Хотя, будь дело в другой стране, где в сознании жителей не укоренилась бы крайняя из всех возможных форм фатализма, неприятностей никак было бы не избежать.

Повторный скандал с участием туранского солдата разрушил бы последнюю надежду на скорейшее возобновление добрых отношений между двумя странами.

Знакомство же с фансигарами и само по себе много бы стоило, а уж в такой неподходящий момент...

— Теперь понимаешь, почему нам так нужно, чтобы сотня поскорее отправилась в Туран?

— Я в самом деле не могу ничего поделать с Телидой. Пишите Илдизу и молитесь, чтобы он встал на вашу сторону. Насколько я понял, он очень не хотел оставлять вдову в Айодхье.

— Знаю. Я хотел посоветоваться, упоминать ли в послании случай с фансигарами.

— Расскажите, что именно вам известно.

— Я уже все сказал. Вчера вечером вашего солдата видели в квартале Тринадцати Стен. Он находился там вместе с людьми, которых опознали как фансигаров.

— Как долго длилась их встреча? Что они делали?

— В подробности меня, к сожалению, не посвятили. Зато дали точное описание солдата.

— Подождите с ним! Что значит не посвятили? Кто вам рассказал о фансигарах?

— Этого я не могу тебе сказать.

— Вы предлагаете мне поверить на слово людям из квартала Тринадцати Стен?!

Возмущение Конана было вполне искренним.

Обвинения в связях с фансигарами в Вендии считались достаточно серьезными, чтобы в случае их подтверждения лишиться головы. Так что бросались ими исключительно редко. И если уж говоришь о том, что человек входит в секту душителей Кали, то будь добр, подтверди свои слова весомыми доказательствами. Иначе можно и в темницу угодить — за ложный донос.

Обитатели же квартала Тринадцати Стен в Айодхье были, по мнению Конана, людьми, меньше всех заслуживающими доверия. Там в обветшалых полуразвалившихся домах жили люди, не принадлежащие ни к одной из каст — неприкасаемые. Впрочем, назвать их бытие жизнью язык не поворачивался — так, растительное существование. У них не было ничего, они были никем. Они желали лишь одного — поскорее умереть и переродиться в иной форме.

Честные люди в квартал Тринадцати Стен не заглядывали, не желая находиться в опасной близости от неприкасаемых. Лишь самые темные личности творили здесь свои дела. Фансигары были из их числа.

— Ничего я тебе не предлагаю, сотник! — Шеймасаи вернулся к прежнему надменно-оскорбительному тону.

Конан понял, что зашел слишком далеко. Посол не пришел бы к нему, если бы не был уверен в точности своих сведений. Помимо всего прочего, киммерийца снедало любопытство: что же это за источники могут быть у человека, который в стране без малого полтора месяца?! Непрост посол. Ох, непрост.

— Вы говорили про описание, — напомнил киммериец.

— Проклятье, почему ты не можешь просто взять и исчезнуть?! — взмолился Шеймасаи. — Да, мне дали подробное описание этого солдата и сказали, что я встречу его здесь, если приду к тебе этим утром. Ты сам видел этого человека. Я специально выбрал его, чтобы показать тебе.

— Амьен? — удивился Конан.

— Понятия не имею, как его зовут, — отозвался посол. — Крепкий, сухопарый, с седой бородой. Тот, что был в комнате до меня.

— Вы уверены? — спросил Конан, хоть и понимал, какая реакция последует.

Дело в том, что он не помнил в облике Амьена характерных черт, по которым можно опознать человека.

— Да, — ответил Шеймасаи. Спокойно и немногословно. Этого хватило, чтобы Конан ему поверил.

— Я поговорю с Амьеном, — пообещал киммериец. — Постараюсь узнать, что он делал в квартале Тринадцати Стен.

— Только без глупостей, сотник, — напомнил Шеймасаи. — Не сболтни ему лишнего, вполне

возможно, этот человек — враг Турана, а значит, и наш с тобой.

— Я понимаю, — кивнул Конан.

До случая с Хамаром он бы непременно возмутился, но сейчас допускал, что посол может оказаться прав. Если в сотне сыскалась одна паршивая овца, то там могут найтись и другие.

— Письмо к Илдизу я отправлю этим вечером, — сказал Шеймасаи. — Если к этому времени ты разберешься с тем, что произошло в квартале Тринадцати Стен, узнаешь, что понадобилось этому твоему Амьену от фансигаров или им от него, зайдешь в посольство и доложишь мне обо всем в подробностях.

— Сомневаюсь, что успею, — признался Конан. — Амьен вполне может соврать и сказать, что ни в жизни не был в том квартале. В любом случае, мне потребуется время на проверку. Я считаю, что не стоит царю Илдизу знать об этой встрече, которой, возможно, и не было.

— Хорошо, — согласился посол. — Всегда можно отправить и второе, и третье письмо. Но всё равно изволь держать меня в курсе дела.

— Непременно, — пообещал киммериец.

Шеймасаи поднялся со стула, замер так, словно хотел поклониться на прощание северянину, но привычка взяла верх. Посол неодобрительно фыркнул, развернулся и покинул комнату, не забыв хлопнуть дверью.

Киммериец изумленно покачал головой. Второй раз за все время общения с послем их встреча не завершилась взаимными пожеланиями от-

правиться на Серые Равнины. Первый раз был во время их представления друг другу во дворце царя Илдиза.

Но ничего, скоро все вернется в прежнее русло, когда Шеймасаи узнает, что северянину не удалось ничего прояснить относительно встречи с фансигарами в квартале Тринадцати Стен. Конан дальше разговора с Амьеном в своих поисках заходить не собирался.

Куда больше киммерийца занимала та тень, что за ним охотилась. Если не решить эту проблему, то остальное просто потеряет всякий смысл. Он либо умрет, либо обессилит от борьбы с этим колдовским созданием.

Сотник знал в Айодхье лишь одного человека, который мог бы поспособствовать ему в деле избавления от охотника. Сатти рассчитывал, что Конан поможет ему разобраться с убийцами браминов, так пусть сначала решит проблему киммерийца.

— Если только не сам кшатрий послал эту тень... — озвучил северянин самую неприятную свою мысль.

Он не представлял, зачем Сатти могло понадобиться отправлять за ним охотника, но мотивы вендийцев — темный лес. Возможности-то у тысяцкого наверняка имелись.

Хотя если это его рук дело, то тем более стоило поговорить с ним.

Киммериец взял со спинки стула, на котором сидел Шеймасаи, свою рубашку. Посмотрел, не помялась ли. Оказалось, что совсем немного. Ко-

нан надел ее, затем пригладил рукой волосы и вышел из комнаты.

Прямо перед ним оказался спешащий куда-то по своим делам Масул.

— Постой, — окликнул десятника Конан.

— Да, сотник, — отозвался солдат.

Масул замер в пяти шагах от киммерийца. По всему было видно, что ему не терпится продолжить свой путь. Двор и, соответственно, нужник располагались в другой стороне. Значит, проблемы, занимавшие десятника, были иного рода.

— Мне надо с тобой поговорить, — сказал Конан. Вспомнив, что Сатти более всего заинтересовало, как в отряд попал Хамар, киммериец решил, что разговор с десятником должен состояться немедленно. Лучше было идти к кшатрию, имея на руках хоть какие-нибудь сведения. В конце концов, за то время, что он потратит на беседу с Масулом, тень просто не успеет ничего предпринять. — Сейчас.

— Я слушаю, — отозвался усатый туранец.

— Не здесь, — ответил Конан. — Идем.

Комната, куда направился киммериец, изначально предназначалась ему, чтобы он там мог в одиночестве неспешно вкушать пищу, специально приготовленную для него поварами-вендийцами. Конан этой своей привилегией практически никогда не пользовался, предпочитая трапезничать вместе с солдатами. Исключение составляли лишь те случаи, когда киммериец страдал от жадности и жаждал тишины и покоя.

Сейчас же открылось еще одно свойство той

комнаты — там можно было спокойно поговорить, не опасаясь чужих ушей.

Северянин приказал слугам, встреченным им по дороге, доставить к нему в трапезную фруктов, хлеба и две чаши с чаем.

Перед тем, как начинать разговор, Конан предложил Масулу разделить с ним пищу. Сделал он это больше по привычке. Десятник вежливо отказался, сказав, что только что позавтракал.

— Ладно, еда подождет, — сказал киммериец, отодвигая в сторону чашу с горячим чаем. — Я постепенно превращаюсь в вендийца. Все эти ритуалы, церемонии уже практически впитались в кровь.

— Ты много общаешься с ними, Конан, — поспешил успокоить северянина Масул. — Вернешься в родные края и станешь таким, как прежде.

— Поскорей бы, — улыбнулся сотник.

— Ты хотел со мной поговорить, — сказал туранец. — О чем?

— О Хамаре, — невесело ответил Конан.

— Он мертв. Что здесь еще добавить? Вина его была доказана. Мне жаль парня, но я не Сабир и не верю, что Хамар умер не за что.

— Меня интересует чуть более отдаленное прошлое. Масул, почему ты взял его в свой десяток?

— Сотник, ты что? Откуда я мог знать, что все так обернется?

— Я ни в чем тебя и не обвиняю. Просто я хо-

чу прояснить некоторые детали этой неприятной истории. И мне надо знать, как Хамар попал в десяток.

— Он, как и я, родился в Султанапуре. Мне проще служить с теми людьми, что выросли на тех же улочках, что и я, что получили то же воспитание. Характер человека во многом зависит от того места, где он сформировался. Я точно знаю, как бойцы из моего десятка поведут себя в той или иной ситуации.

— Это-то понятно.

— Ну, я и пытался подобрать за тот срок, что вы мне ответили, надежных ребят из моего города. «Рыбаков» я, кстати, специально приглашать не стал, хоть и было у меня на примете трое замечательных бойцов. Что же касается Хамара, лично я с ним знаком не был. За две седмицы до похода я на тренировке обратил внимание на то, как он с мечом обращается, узнал у его тогдашнего командира, что за парень такой и откуда, и решил со временем устроить его перевод в свой десяток. А как меня в Вендию отрядили, так я сразу о нем и вспомнил.

— Он на той тренировке не хуже, чем со мной, дрался?

— Да точно так же.словно сам в клинок превращался. Редкий мастер был. Вон скольких вендийцев сумел порезать, приюти Нергал их души.

— Удивительно это, Масул. Получается, только мы с тобой такие умные и глазастые, что по достоинству смогли парня оценить, а другие десятичники да сотники таланта в упор не замечали.

Не верится что-то. Ему в гвардии давным-давно ходить положено было, а не в простых солдатах.

— Я думал уже. Мне тогда в голову пришло, что у Хамара с дисциплиной проблемы могут быть или болезнь какая неприятная. Может, у него еще в Туране приступы безумия были?

— Не может. Мы бы по дороге заметили, если бы у него крыша потихоньку съезжать начала. Нет, Хамар безо всякого перехода начал вендийцев десятками резать. Маги и лекари на суде, кстати, все то же самое говорили. И с дисциплиной у него все в порядке было, и соображал он неплохо.

— Что же тогда получается?..

— Что он специально перед тобой свое искусство решил продемонстрировать.

— Хотел к десятнику-сулнапарцу попасть или...

— Вот именно, что «или», Масул! И мне это очень не нравится.

— Но тогда ведь даже разговоров о походе в Вендию не велось. Если я со сроками не путаюсь, за две седмицы до нашего отбытия старый посол еще был жив.

— Все так.

— Значит, сотник, у него какие-то другие причины имелись, чтоб в тот день мастерство показать. Не один я на тренировочную площадку приходил. Жаль, что все так сложилось, но это было просто совпадение.

— Наверное, так оно и есть. Но все-таки не говори никому о содержании этого разговора.

— Хорошо, сотник. Я могу идти?

— Конечно.

Десятник поднялся из-за стола, придвинул кресло на место и сделал шаг по направлению к выходу.

— Постой, — попросил киммериец. — Еще один вопрос. А не было в том десятке, где раньше служил Хамар, других людей, что попали в нашу сотню?

— Не знаю, — пожал плечами туранец. — Может, кто и есть. Я за Хамаром тогда смотрел, а к остальным не приглядывался, средненькие бойцы были. В моем десятке, во всяком случае, больше никого оттуда не было.

— Ясно, — кивнул Конан. — Больше не задерживаю.

Десятник умчался так быстро, как только мог.

Киммерийца всерьез заинтересовало, куда он так спешил. Стоило, наверное, расспросить. В конце концов, Масул был его подчиненным. Но момент был упущен, гоняться за десятником по коридорам казарм киммериец не собирался.

Разговор с Масулом некоторые вещи прояснил, а другие только запутал.

Если теория Сатти о том, что убийцей руководил, была верна, то становилось очевидным, что Хамар в сотню попал не случайно. Его кандидатуру заранее отобрали и утвердили. Конана нисколько не смущал тот факт, что встреча Масула и будущего палача браминов произошла за неделю до гибели туранского посла. Те неизвестные,

по следу которых шли Конан и Сатти, скорее всего, были причастны к этому убийству, а предугадать, каких десятников направят в Вендию, для них и вовсе не проблема.

Имелся у этой новости еще один очень неприятный аспект. Известие о том, что браминов убивал один из туранских солдат, для киммерийца стало полной неожиданностью. Ему вспомнились былые сомнения и удивление оттого, что Хамар оказался совсем другим человеком, нежели это представлялось сотнику.

Теперь же киммериец понимал, что ошибаться мог не только насчет Хамара. В сотне наверняка были и другие солдаты, причастные к заговору. Конану это слово не нравилось — он не имел никакого представления ни о личностях заговорщиков, ни об их целях. Какой же тогда «заговор»? Но именно это определение упорно лезло в голову.

Киммериец быстренько доел свой завтрак, одним глотком осушил чашку чая, потом подумал и выпил напиток, предназначенный Масулу, — чего добру пропадать.

Перед тем, как отправиться к Телиде, Конан всё-таки решил частично исполнить обещание, данное Шеймасаи.

— Не видели Амьена? — поинтересовался он у двух встреченных им солдат.

— Нет, сотник, — завертели головами оба туранца. — Найти его?

— Да нет, не нужно, — не стал настаивать киммериец. Он спешил, к тому же ему не хоте-

лось демонстрировать перед солдатами свою заинтересованность делами ветерана.

Коротко отвечая на приветствие, но не оставившаяся ни перед кем, Конан прошествовал к выходу из казарм.

Уличной толкотни киммериец сегодня почти не замечал. Он шел уверенной размашистой походкой, заставляя себя держаться и не переходить на бег. Времени в запасе у него оставалось не так и много. Если он за сегодняшний день не отыщет способа справиться с тенью, то поставит себя в очень незавидное положение. Киммериец помнил, что это существо опасалось нападать на него в присутствии других людей, но это его слабо утешало. Если тень поймет, что у нее нет иного выхода, она может не постесняться солдат, которые ей и сделать-то ничего не смогут.

Тем не менее страх перед тенью постепенно исчезал, уступая место жажде мести. Тот, кто послал эту тварь, должен был заплатить сполна. К тому же только так киммериец мог обезопасить себя от появления других смертоносных существ.

Иногда Конан оглядывался по сторонам в надежде увидеть крадущуюся за ним тень. Вчера в садах ему это удалось. Но похоже, что после утренней неудачи тварь стала более осторожной и на глаза попадаться не спешила.

К дому Телиды киммериец подходил уже в самом боевом настроении. Не было такого, чтобы он пасовал перед трудностями: любая проблема поддается решению, а чем сложнее задача, тем она интересней, а триумф от победы сладостней.

* * *

*На следующий день
после знакомства с Рамини.
Сады повелителя.*

— Мне нравится это место, — сказала маленькая жрица.

Конан и Рамини неспешно брели, держась за руки, по одной из многочисленных дорожек, обустроенных в садах.

Вендийка выбрала для прогулки тот уголок этого рукотворного чуда, где росли деревья с полуденной части страны. Они были сплошь увиты лианами, и путник, решивший сойти с дорожки, вполне мог в них запутаться. Но смельчаки всегда находились, их манили крупные спелые плоды, которые разрешено было рвать всем желающим.

Конан с Рамини тоже единожды отлучались вглубь зарослей: вендийка заметила, что дикая природа неизменно пробуждает в ней животные инстинкты. Киммериец просто не мог ответить отказом на это не слишком завуалированное предложение.

— Здесь спокойно, — ответил северянин. — Думаю, я еще не раз приду сюда.

— Вендийцам сады не очень нравятся, — сказала Рамини. — Это место слабо согласуется с их внутренним миром, с потребностью претерпевать все горести и несчастья. Они предпочитают мнимую борьбу возможности придти сюда и наслаждаться красотой.

— Да, людей здесь гораздо меньше, чем на улицах, — согласился киммериец.

— Обрати внимание, Конан, — посоветовала северянину жрица Иштар. — Большая часть из тех, кого здесь можно встретить, принадлежит к знати. Кшатрии из числа тех, что побогаче, — единственные в этом обществе, чьи помыслы свободны от многих закоренелых догматов местных верований.

— Но ведь именно в их руках находится политическая власть, — заметил Конан. — Странно, что они не стремятся перекроить устройство страны на свой лад.

— Не надо таких крайностей, милый, — попросила Рамини. — Не идеализируй их. Все наши князья не так уж сильно отличаются от остальных людей. Просто у них есть возможность получать от жизни чуть больше радостей, потому они и не обращают внимания на те религиозные запреты, что идут вразрез с их привычками. Саму же кастовую систему и связанные с ней законы они считают даром богов, и в открытую против браминов никто из них даже не подумает выступить.

— Я не согласен, Рамини, — возразил Конан. — Если было брошено зерно сомнения, оно рано или поздно даст всходы. Кшатрии непременно обнаружат те выгоды, что дает власть над сердцами людей, которой сейчас обладают брамины.

— К коим принадлежу и я, — улыбнулась вендийка. — Но я не обижаюсь, ты рассуждаешь,

как человек с заката. Конан, твои умные слова так останутся словами, а Вендия останется такой, какой она была на протяжении многих и многих столетий.

— Я думал, что ты жаждешь изменений, — сказал Конан. — Ты не такая, как другие вендийцы. Ты очень сильно от них отличаешься.

— Это было predetermined, — ответила Рамини. — Мы — те, кем мы рождаемся на свет. В Вендии нельзя изменить свою судьбу, свое будущее. Я нынешняя понимаю это и ненавижу, но угоразди меня родиться не в семье жрицы Иштар, мировоззрение мое было бы совершенно иным.

— Что толку размышлять, — спросил киммериец, — о том, что могло случиться, но не случилось? Рамини, ты умная, красивая, и у тебя есть власть. И при этом ты утверждаешь, что изменить ничего нельзя. Я бы не смог просто сидеть, смотреть и думать о том, как все плохо.

— Ты — это не я, Конан, — вендийка остановилась и обняла северянина. — И за это я тебя люблю.

Рамини приподнялась на цыпочках и нежно поцеловала киммерийца.

— Но и я не сию сложа руки, — сказала она, продолжая свой путь по земляной дорожке. — Я делаю для людей все, что в моих силах. До того, как меня провозгласили верховной жрицей, культ Иштар в этих краях был не слишком популярен. Сейчас же в наш храм приходят сотни, тысячи паломников. Мне не по силам перевер-

нуть мир с ног на голову, да и не хочу я этим заниматься. Кто сказал, что новый мир будет лучше? А за одну лишь попытку меня могут лишить жизни.

— Ты боишься?

— Очень боюсь, любимый, — прошептала Рамини и теснее прижалась к киммерийцу. — Иногда мне кажется, что я уже зашла слишком далеко, и за мной придет улыбчивый человек с шелковым платком.

— Кто? — не понял Конан.

— Фансигар, убийца Кали, — ответила вендийка. — Их ремесло — это смерть. Убийство, совершенное в соответствии со всеми ритуалами, считается жертвой для их богини. Имущество же убитых переходит в собственность фансигаров, а говоря точнее, к джемадарам, их предводителям.

— Они выполняют заказы?

— Когда им это выгодно. Или если за жертву платят серьезные деньги. Одна из иллюстраций к нашему разговору о закате нравов — фансигары по своей морали ближе всего стоят к людям с заката. Они отлично знают цену золота и ставят его выше большинства принципов, Кали одобряет такой подход.

— Ее культ не под запретом в Айодхье?

— Нет, конечно. Она одна из самых почитаемых в Вендии богинь. В полуденных частях страны культ Кали едва ли не основной. А вот с фансигарами правитель ведет отчаянную борьбу. Они единственные практикуют человеческие жертвы, для остальных зарезать черного козлика

на алтаре богини — это предел. В Айодхье только за принадлежность к фансигарам казнят, в некоторых районах Вендии хватает и простого подозрения. Фансигары, Конан, это не простые преступники или наемные убийцы, как это может показаться на первый взгляд, их культ — это попытка приспособления к миру бедняков или просто выходцев из низших каст. Кали позволяет им менять свой общественный статус, не преступая религиозных запретов, не ухудшая карму. Чем хуже живется людям, тем больше будет фансигаров и тем сильнее будет их культ.

— Насколько они сильны сейчас?

— Не знаю. И никто не знает, кроме них самих. Я не слышала ничего о всплеске убийств, совершенных с помощью шелковых платков. Их не больше и не меньше, чем прежде. Но это ничего не значит. Фансигары не боятся лезть в политику, среди джемадаров немало высокородных кшатриев. Золота у них в избытке. Они служат во славу богини, а не ради тех благ, что может принести это служение. Им важно, чтобы количество жертв на алтаре Кали не уменьшалось, а влияние культа росло. Остальное ниже их достоинства. Так что часть знатных джемадаров занимается тем, что организует убийства, другие же выискивают средства для возвышения культа фансигаров. И именно этих людей я и боюсь, Конан. Если они решат, что я увожу от них паству, это будет смертным приговором для меня. С джемадарами нельзя договориться, их нельзя умилостивить. Это люди с искаженной моралью,

фанатики, но думающие и хитрые, как тысяча нагов.

— Ты не пыталась с ними встретиться?

— Бесполезно. Они не стали бы со мной разговаривать. К тому же меня никогда не допустили бы до тех джемадаров, что принимают решения. Они хранят в тайне факт своей принадлежности к фансигарам. Я уже говорила, что это не просто организация убийц. Их культ по своей объединяющей силе один из самых могущественных во всей Хайбории. Любой их душитель, бхутот, у которого две заботы — желудок и кошель, и тот с радостью примет смерть во имя своей богини. У фансигаров свое мировоззрение, в корне отличное от нашего. И на переговоры они не пойдут вовсе не из-за своей кровожадности, просто они точно знают, что нам не найти точек соприкосновения.

— Удивительно. Я до этого дня о них почти ничего не слышал. В странах заката пересуды о разбойниках и убийцах — дело обычное, а эти, судя по твоим словам, с правителем во влиянии поспорить могут.

— Все к ним давным-давно привыкли, вот и не говорят. Фансигары являются неотъемлемой частью общества и культуры. Люди знают, что они не просто убивают, а поклоняются своей богине. Точно так же считают и сами бхутоты. Душитель уж скорее отпустит жертву, чем нарушит ритуал.

— То есть всегда можно понять, кто убил человека — фансигар или кто-то другой?

— Совершенно верно. За попытку поддаться под фансигара злоумышленника ждет неминуемая расплата со стороны культа Кали.

— А были случаи?

— Давно, по о них все помнят.

— И как же определить, где работа бхутотов?

— Зачем тебе это, Конан?

— Мне интересно. Ты же обещала рассказать о Вендии все, что знаешь.

— За своих солдат беспокоишься или за меня?

— За тебя. Какое дело поклонникам Кали до отряда туранцев? А вот ты действительно находишься в опасности. Фансигары, как я понял, чуть ли не больше всех в стране желают, чтобы существующий порядок вещей оставался неизменным. Не думаю, что твоя деятельность как жрицы Иштар им по нраву.

— Тебе все равно не удастся защитить меня. А я привыкла жить со своими страхами.

— Мне не нравятся такие привычки, Рамини. Я не позволю фансигарам отнять тебя у меня. Прошу, расскажи мне об их методах. Пожалуйста. Я должен знать.

— Хорошо, милый. И все-таки, какую неподходящую мы тему выбрали для этого места. В садах надлежит говорить о любви. После того, как я поведаю тебе о ритуалах, принятых у душителей, ты засыплешь меня комплиментами, расцелуешь, и мы забудем об этом неприятном разговоре.

— Я даже думаю, мы уйдем подальше в заросли, чтобы я мог спокойно шептать тебе на ушко,

какая ты потрясающая и обворожительная, и не бояться, что нас побеспокоят.

— Так еще лучше. Что ж, слушай. Вначале, когда жертва уже намечена, фансигары выбирают день, в который должно быть совершено убийство. В этом смысле они чрезвычайно мнительны. Говорят, у них даже существует специальный календарь дат, ориентироваться в котором могут лишь ученые джемадары. Но я думаю, что это всё-таки легенда. Если бы такой календарь был материальным предметом, а не набором знаний, передающихся из уст в уста от одного фансигара к другому, существовала бы опасность, что он попадет в руки стражей повелителя. Это очень серьезно ослабило бы культ Кали. Но и без всяких календарей точно известно, что убивают душители на третий или на четвертый день седмицы. Если жертва выбрана не простая, тогда смотрят на положение луны и, наверное, еще на что-нибудь. В этом случае день может выпасть любой, кроме пятого в седмице. Убивший в этот день шелковым платком считается предавшим Кали.

— Ну, а что произойдет с фансигаром, если он убьет жертву на пятый день, но не в соответствии с ритуалом, а просто так, скажем, отрубит голову?

— Если фансигар будет знать, что перед ним будущая жертва Кали, он ни за что не тронет этого человека. За случайное же убийство, я думаю, наказания не последует. Джемадары решат, что такова была воля богини.

— Ритуалы обеспечивают их влиянием, но они же их и сковывают.

— Ты прав, Конан. Но определение даты — это еще не все. Существует множество примет, что дают знать фансигарам о невозможности продолжить ритуал. Так, убийцы непременно повернут назад, если у кого-нибудь из них упадет на землю тюрбан. Повстречав волка или шакала, трижды подумают, идти ли им дальше, ведь итогом для них станет тюрьма или виселица. Это то, что известно всем и каждому. Наверняка у фансигаров есть множество других примет. Так что только тщательное планирование позволяет им доводить их ритуалы до конца. Джемадары просчитывают все, что так или иначе сопряжено с предстоящим убийством. Обычно к жертве посылают соглядатая, сотхи, который либо втирается к ней в доверие, либо ведет тайную слежку, оставаясь при этом незамеченным. Сотхи — самые хитрые и ловкие из фансигаров, ты никогда и не подумаешь, что он пособник душителя. Именно эти люди и определяют лучший момент для нападения. Джемадары лишь уточняют детали, ориентируясь на свой богатый опыт. Очень редко бывает так, что бхутот направляется к жертве в одиночку, фансигары привыкли страховать друг друга.

— Джемадары присутствуют при убиении жертвы?

— Те, что занимают низкое положение, — обязательно. Их интересует не только ритуал предания смерти, но и имущество жертвы. Большая

его часть отходит именно им. Высокородные же джемадары показываются только в том случае, если считают жертву особенной, той, что доставит Кали настоящее удовольствие. Само убийство происходит следующим образом. Бхутот, ориентируясь на команду сотхи или джемадара, покидает свое укрытие и незаметно подкрадывается к жертве сзади. Затем накидывает ей на шею шелковый платок и начинает медленно душить, чтобы причинить жертве наибольшие страдания. При этом он возносит молитву Кали, призывает богиню обратить на него свой взор. Затем бхутот стягивает свой платок так, что у жертвы ломается шея. Если у него это не получается с первого раза, то на помощь к нему приходят шамсиасы, самые младшие из фансигаров, которым еще не доверили платка. Они скручивают жертву, чтобы та не сопротивлялась и бхутот мог спокойно завершить свою стадию ритуала. После этого бездыханное тело освобождают от одежды и украшений и делают на нем несколько глубоких надрезов для того, чтобы Кали могла высосать из трупа всю кровь. Если есть такая возможность, фансигары хоронят свои жертвы, чтобы люди и звери не помешали трапезе богини. Вот и все, Конан. Поможет тебя это знание защитить меня?

— Надеюсь, что да.

— Вот и замечательно, любимый, потому что о фансигарах я не скажу тебе больше ни единого словечка.

* * *

*Первый день расследования.
Дворец Телиды.*

Сегодня в комнату с водопадами Конана провозжала не Залиль, а простая служанка. Киммериец хотел поинтересоваться у Телиды, куда делась ее внучка, но не стал, решив, что это было бы слишком большой наглостью.

Внешне северянин выглядел абсолютно спокойным. С вдовой посла он общался в привычной манере: поздоровался, поинтересовался здоровьем Осмара, спросил, не возникла ли необходимость в его помощи. О Сатти он пока не сказал ни слова. После появления тени у Конана существенно поубавилось доверия к окружающим. Если тысяцкий оставил сообщение для киммерийца, Телида его передаст, а вот о том, насколько заинтересован северянин во встрече с Сатти, ей знать не следовало.

Но Телида словно почувствовала такое его настроение и решила проверить терпение северянина. Конан провел в ожидании вдовы целую четверть колокола, успев за это время наполовину опустошить чашу с фруктами, предусмотрительно поставленную на столе.

— Прошу прощения, сотник, — первым делом Телида принесла извинения. — Я давала указания слуге, который отвечает за подготовку к отъезду. Надо было срочно принять решение насчет пары покупок, которые могли ускользнуть у меня из-под носа. Нехорошо возвращаться домой

с пустыми руками, но и сорить деньгами я не привыкла. Столько проблем навалилось после смерти мужа, ты не представляешь.

— Догадываюсь, — сказал Конан, принимая из рук вдовы бокал с вином. Сегодня Телида сама ухаживала за гостем. — Поверь, я совершенно искренне предлагаю тебе свою помощь, и дело даже не в том, что я тороплюсь ускорить отъезд. Солдаты в большинстве своем маются бездельем, им не к чему себя приложить. Если ты займешь исполнением своих поручений хотя бы десяток, тем самым окажешь услугу и мне, и им.

— Сотник, не сочти за недоверие, — Телида тоже пригубила вино. — Но те дела, с которыми могли справиться твои люди, давным-давно завершены. То, что осталось, либо носит конфиденциальный характер, либо требует хорошего знания обычаев и нравов Айодхьи. Я верю, что у тебя есть двое-трое солдат, которые удовлетворяют последнему требованию, но ты ведь их мне не дашь. Они могут понадобиться тебе самому на случай, если возникнет что-то непредвиденное.

— Ты права, — признал Конан.

— Вот видишь, — сказала вдова. — Пусть все идет, как идет. Я сама как-нибудь справлюсь со своими проблемами.

— Не сомневаюсь, — кивнул киммериец.

— Надеюсь, ты сказал это без иронии? — улыбнулась Телида. — Я не так стара, как это может показаться, и перед трудностями отступить не привыкла.

Конан улыбнулся в ответ и поднял свой бо-

кал, давая понять, что пьет за будущие успехи Телиды.

— А вот у тебя вид неважный, — продолжала вдова. — Уже второй день подряд ты приходишь ко мне бледный, как смерть. Храбришься, хорохоришься, но я-то вижу, что что-то не в порядке. Признавайся, сотник. Что случилось?

— Выспаться никак не получается, — постарался отшутиться Конан. — Отсюда и бледность лица, хотя как ты ее разглядела под моим загаром, ума не приложу.

— Не хочешь говорить? — серьезно спросила Телида.

— В последние два дня, — сказал киммериец, — мир вокруг меня как будто ожил. До этого времени я пребывал в роли простого наблюдателя, а сейчас, кажется, очутился в самой гуще событий. Кто-то хочет задержать меня в этой стране, а кто-то желает, чтобы я немедленно покинул Айодхью. Во всяком случае, у меня сложилось такое впечатление.

— К первым ты причисляешь и меня? — поинтересовалась вдова.

— Нет, — покачал головой северянин. — Я даже не знаю, кто они — эти первые. На самом деле это не более чем предположение, основанное не на фактах, а на интуиции. Видимо, наш отряд пробыл в Вендии достаточно долго, чтобы превратиться в составную часть местных интриг и заговоров.

— Все равно, ты чего-то недоговариваешь, — настаивала Телида. — Ну, да ладно, это твоё де-

ло, сотник. Просто я тоже хотела предложить тебе свою помощь.

— Спасибо, — поблагодарил вдову киммериец. — Быть может, если мои проблемы со сном не разрешатся, я попрошу у тебя совета, к какому лекарю или магу мне лучше обратиться. Мне не хочется обращаться к Шеймасаи.

— Правильно, — твердо сказала Телида. — Чем меньше ты общаешься с этим болваном, тем лучше. Я знаю нескольких хороших врачей-лечей. Они помогут тебе, сотник, и не будут болтать лишнего.

— Еще раз спасибо. Если потребуется помощь, я дам знать.

Конан поймал себя на мысли, что в очередной раз был близок к тому, чтобы рассказать Телиде всю правду о своей миссии. И опять его что-то удержало.

На предложение вдовы о помощи он пока откликаться не собирался, были у него и другие варианты, более привлекательные. Однако в крайнем случае можно было обратиться и к магам, порекомендованным Телидой, чтобы те укротили тень.

Во дворце киммериец довольно явно ощущал присутствие этого существа. Как и в садах, тень старательно пряталась, но какие-то незначительные детали неизменно выдавали ее.

Конану казалось, что она не просто выбирает момент для очередного нападения, а еще и внимательно слушает, о чем говорит киммериец, следит за ним, осмысливает его действия. Скорее

всего, это была игра воображения, попытка придать противнику человеческие черты, но легче от таких мыслей не становилось, наоборот, тяжелее. Киммериец предпочел бы иметь дело с лишней порцией тварью.

— Кстати, о Шеймасаи, — вспомнил северянин. — Он заходил ко мне сегодня утром. Знаешь, чего хотел?

— Чтобы я немедленно убралась из Вендии? — зло проговорила вдова. — Еще, наверное, подбивал тебя увести меня в Туран силой?

— Нет, до такого не дошло, — ответил Конан. — Но в целом ты угадала. На самом деле мне кажется, что Шеймасаи раздражает именно мое присутствие, на тебя же он злится из-за того, что ты меня задерживаешь. Он сам этого даже не скрывает. Может, и врет, но я думаю, что говорит правду.

— Одно другому не мешает, сотник, — заверила Конана Телида.

— За что ты его так не любишь? — поинтересовался киммериец.

— Вспомни нашу с ним первую встречу, — ответила вдова. — Ты же был тогда.

— И это все? — не понял Конан.

— Разве этого мало?! — удивилась Телида.

Киммериец только пожал плечами. Он не считал личную ссору поводом, чтобы обвинять человека во всех известных грехах.

— Ты же не на его стороне? — спросила вдова.

— Разумеется, нет, — поспешил рассеять подозрения Конан. — Я питаю к послу не менее

нежные чувства, чем ты. Он мне к этому давал столько поводов, что не пересчитать...

Северянин осекся. Телида на окончание фразы могла обидеться.

— Говори уж, — разрешила вдова. — Что я после одной-единственной перепалки возвела Шеймасаи в ранг смертельного врага. Сотник, при всех своих достоинствах ты — мужчина, а потому не понимаешь очень многих вещей. Женщине порой хватает одного взгляда, чтобы понять, что представляет из себя человек. Нового же посла я могла лицезреть во всей красе и даже общалась с ним, и, уверяю тебя, он — негодяй похлеще многих.

— Не буду с тобой спорить, — сказал Конан. — Ты не раз и не два доказывала свою мудрость, а Шеймасаи — не самый достойный объект для препирательств.

— Согласна, — кивнула Телида. — Видишь, он чуть не умудрился нас поссорить.

Киммериец не сразу понял, что это шутка. Вдова, глядя на то, как менялось лицо Конана по мере осознания фразы, не выдержала и засмеялась.

Сотник тут же провозгласил тост за остроумие.

— Я за всеми своими делами запомнил одну важную вещь, — сказал Конан, когда бокал опустел. — Мне бы, наверное, стоило выяснить у кшатриев, где в действительности погребли Хамара и какие обряды при этом проводились. Ты не знаешь никого, кто мог бы мне посодейство-

вать? Без письменного благословения Шеймасаи на поиски уйдут по крайней мере сутки.

— Прости, сотник, — разочарованно развела руками Телида, — но я даже посоветовать тебе ничего не могу. Ни разу не сталкивалась с подобными вещами. Когда у нас в доме умирали слуги, мы хоронили их сами. В Айодхье ведь нет храма Эрлика, ни один из туранских царей так и не согласился на то, чтобы бога Огня здесь почитали как равного среди равных. Вот и ходят люди в посольство, чтобы ему поклониться, там установлен его алтарь.

— Ясно.

— Вообще очень странный случай. Вендийцы к погребению относятся с большим почтением. Они бы испугались, что, если неправильно проведут обряд, тем самым испортят себе карму. Не понимаю, почему они после отказа Шеймасаи принять тело не попытались отдать его солдатам.

— Они бы осмелились так поступить?

— Вполне. По их мнению, вы с послом принадлежите к разным кастам. Вернее, они понимают, что в Туране подобного деления не существует, но интуитивно его все равно производят. То, что Шеймасаи не пожелал заниматься погребением Хамара, должно было только утвердить их в мысли, что он отрекается от человека не из своей касты.

— Надуманно как-то, — засомневался киммериец. Он уже успел неплохо изучить нравы вендийцев и видел в словах Телиды изъян. — Местные вполне четко осознают, что наша мокша ни-

как от рождения не зависит. Иноземцы для вендийцев что-то вроде отдельной касты. Посол, солдат — значения не имеет.

— Сотник, ты слишком много общался с просвещенными людьми, — посетовала вдова. — С теми, кто знает, как живут в других странах. Простые вендийцы, даже кшатрии, не относящиеся к знати, почти необразованны. Живут они сегодняшним днем и жадой знаний не отличаются. Выходцы из той касты кшатриев, откуда набирают городских стражников, суеверны до невозможности. Такой человек просто в силу привычки, которая у него в крови, отнес бы тело Хамара к твоим людям.

— Главная привычка стражи — исполнять приказы. Наш посол дал понять кому-то из тысяцких, что погребением Хамара туранцы заниматься не будут. А дальнейшее — не проблемы Шеймасаи.

— Не сомневаюсь, так оно и было, но в известность тебя должны были поставить и испросить совета о надлежащих ритуалах. Люди из посольства передавали мне слова Шеймасаи, в них не значилось запрета на общение с тобой.

— Ну, мне и сказали. Что тело сожгли, а прах сбросили в реку.

— Я думаю сотник, что те стражи, с которыми ты общался, нарушили приказ своего командира. Ты был прав, когда говорил, что подчинение у них стоит на первом месте. Какой-то высокопоставленный кшатрий распорядился провести обряд немедленно и в тайне от туранцев. Иных ва-

риантов просто нет. Стражники общались с тобой, потому что причисляли тебя к той же касте, что и Хамара. Увидели тебя на улице и рассказали что могли. Похоже, вы с Сатти заражаете меня своей манией заговоров. Но есть у меня такое чувство, что при погребении с телом Хамара могло произойти нечто не совсем обычное, способное вызвать нездоровый интерес. Необразованные кшатрии из числа своих людей — это одно, а почти целая сотня туранских воинов, из которых хоть кто-то да соображает, — совсем другое. Отказ Шеймасаи стал для кого-то подарком судьбы, и этот человек не упустил своего шанса.

— Поступив так, он бы выдал свою заинтересованность.

— Наверное, — согласилась Телида. — Но если уж ты взялся расследовать историю преступлений Хамара, то почему бы не проверить и эту ничтожку?

— Обязательно, — кивнул киммериец.

— Однако прежде поговори с Сатти, — сказала вдова. — Он заходил ко мне сегодня рано утром. Весьма восторженно о тебе отзывался. Просил передать тебе, что хочет сегодня с тобой встретиться.

— Мы с ним условились общаться через тебя, — поведал Конан. — Ты не против?

— Его затея?

Киммериец кивнул.

— Не против, — вздохнула Телида. — Если Сатти считает, что так будет безопасней, наверное, оно так и есть. Но, говоря по правде, я очень

сильно жалею, что свела тебя с ним, сотник. Добром это не закончится.

— Ты давно его знаешь? — спросил северянин. — Можешь сказать, что он за человек?

— Сатти был другом моего покойного мужа, — ответила Телида. — Они с ним очень много общались. Так получилось, что он часто заходил к нам домой. Мы сидели втроем, пили чай и вели умные разговоры о делах, творящихся в Айодхье. Сатти — вендиец до мозга костей, заговоры нутром чует. Иногда случалось, он перебарщивал и начинал искать тайную подоплеку там, где ее не было и быть не могло. Но я не помню ни одного раза, чтобы он признал свою ошибку. Погоня за призраками — его конек и цель жизни.

— Он говорил мне о своем чрезмерном любопытстве, — сказал Конан. — О том, что он стремится к чистому знанию.

— Это правда, — подтвердила слова киммерийца вдова. — Другой человек на его месте давным-давно обогатился бы на тех тайнах, что удалось раскрыть Сатти. Но ему это неинтересно. Приобретя богатство, он лишился бы возможности заниматься любимым делом. К тому же вряд ли ему удалось бы долго оставаться в живых.

— Не понимаю, почему его до сих пор не убили?!

— Я тебе объясню, — пообещала Телида. — Видишь ли, Сатти умудряется разглядеть некоторые несообразности там, где другой ничего и не увидит. Еще он очень хорошо умеет сопоставлять одно с другим и знает, какие политические в чем

заинтересованы. В результате, в его голове рождается множество безумных предположений, одно из которых, тем не менее, соответствует истине. Сатти — фигура в Айодхье известная, кшатрии высших каст и брамины отлично представляют себе, кто он такой. Они уже привыкли, что Сатти сам по себе неприятностей не доставляет. Стоит ему добраться до истины, и он успокаивается. Те же, кого он мог разоблачить, получают возможность увидеть собственные промашки, на которые опирался Сатти во время расследования, и замести следы уже окончательно. Он выполняет для них роль чистильщика, потому столь многое ему позволено.

— Не всегда такой человек полезен, — возразил северянин. — Наверняка многим не нравится, что у их политических противников есть возможность исправить недоработки. Ладно, предположим, у Сатти накопилось достаточно обличающих материалов, которые после его смерти попадут в руки к страже. — Телида кивнула. — А дела, не связанные с политикой? Что известно простому убийце о невероятной полезности Сатти? С религией то же самое, там логика отступает перед верой.

— Сатти осторожен, — сказала Телида. — Он ведет поиски таким образом, что жизнь его всегда находится вне опасности. Если он почувствует угрозу, то отступит или использует другого человека, чтобы тот принял на себя вероятный удар. И мне кажется, именно для этой цели ты и понадобился Сатти. Сожалею, что мое предупре-

ждение запоздало. Не понимаю, как я вообще поддалась на его уговоры.

— Все в порядке, Телида, — успокоил женщину Конан. — Я рад, что ты свела меня с Сатти. Даже если это и ловушка, я согласен продолжать расследование. Мне предложили слишком богатую наживку, чтобы я мог отказаться.

— Я знала, что так будет, — сокрушенно опустила голову вдова. — Он использовал свой шанс.

— Я много раз бывал на волоске от смерти, — произнес Конан. — Вспомни те истории, что я тебе рассказывал. В них не было ни одного слова неправды. Демоны ломали об меня зубы, куда уж там людям!..

— Ни к чему эта бравада, сотник, — сказала Телида. — Лучше бойся, страх — хороший советчик. А еще лучше — отступи. Прошу тебя, брось это дело.

— Поздно, — грустно улыбнулся киммериец. — Ты сказала, что Сатти назначил мне встречу.

— Похоже, тебя не переубедить, — вздохнула Телида. — Он просил передать, что будет ждать в квартале Тринадцати Стен с четвертого слеполюдного колокола по шестой. Где именно его там искать, Сатти не сказал. Думаю, он сам тебя отыщет.

— Квартал Тринадцати Стен? — переспросил северянин.

Конан ожидал любого другого места, но не этого.

— Пойдешь? — вместо ответа произнесла Телида.

— Я же сказал, что у меня нет выбора, — напомнил киммериец. — Только не пойму, почему там, а не где-то еще.

— Что? Знакомое название? — невесело улыбнулась Телида.

Сотник кивнул.

— От жрицы своей слышал, наверное, — предположила вдова туранского посла. — В самом деле, гадкое место. Говорят, там устроили свои каплица поклонники демонов. Да и без них не самый безопасный квартал. Радуйся хотя бы, что ты не вендиец. Сатти придется еще следить за тем, чтоб не дотронуться случайно до одного из неприкасаемых.

— Ты видела их? — спросил Конан.

Люди вне касты, он даже боялся представить, до какого состояния они могли себя довести.

— Не приходилось, благодарение Эрлику.

— Сатти связывает что-нибудь с кварталом Тринадцати Стен?

— Он упоминал о нем в разговорах со мной и моим мужем. Как раз в связи с демонопоклонниками, потому я о них и вспомнила. Мы тогда решили, что это одно из его немногочисленных заблуждений. Муж не верил, что в Айодхье могут поклоняться существам, реальность которых, мягко говоря, сомнительна. Вендийские демоны — это дети поверженных богов, которым досталась частичка бессмертной сущности прародителей. Брамины утверждают, что эта искра в них давным-давно угасла, а сами они вымерли. Пospорить с ними очень тяжело: живого демона в

Вендии не видели уже пять с лишним веков. Есть ракшасы и пишачи, но они безмозглые, и им никто не поклоняется. Демонические культы существуют в сельской местности в полуденных княжествах, там люди совсем необразованные и обожают все, что только могут. В Айодхье народ более просвещенный — стараниями браминов.

— Сатти считал, что неприкасаемые верят в демонов?

— Да ты что, сотник?! Как такое с их мокшей сочетаться может?! Они смиренно ждут перерождения. Сатти полагал, что демонопоклонники — это представители знати, которые питают зависть к секте фансигаров. Он хотели бы быть джемадарами, тайно вершащими судьбы страны, но волею судьбы оказались непричастны к культу Кали. И вот якобы они, дабы компенсировать свою мнимую ущербность, и решили поклоняться другим, не менее смертоносным существам.

— Звучит логично.

— Логично. Если не знать о храме Ямы, куда все эти обиженные кшатрии ходят молиться. Жрецы этого бога в свое время подсуетились и реформировали свое уже умирающее учение как раз в расчете на эту паству.

— Ненормальных на всех богов хватит.

— Вот и Сатти так говорил. Расследование-то он, кстати, бросил. Почему — не сказал. Ты в любом случае поосторожнее там будь, сотник. Из квартала Тринадцати Стен многие не возвращались. Не думай, Сатти о твоей безопасности беспокоиться не будет.

— Я за себя вполне смогу постоять, — уверил вдову киммериец. — Благодарю тебя за радушный прием.

— Если хочешь, — предложила Телида, — можешь остаться у меня. Я провожу тебя в библиотеку, скоротаешь время до встречи с Сатти. Или поупражняешься на мечях с кем-нибудь из охранников. Им полезно будет знать, что есть на свете фехтовальщики получше, чем они.

— Я все же пойду, — сказал Конан. — Не одному же Сатти заниматься поисками.

— Приходи в любое время, — в очередной раз повторила приглашение Телида.

Затем вдова кликнула слугу и приказала ему проводить гостя до выхода. Сама же она осталась сидеть в комнате с водопадами.

У киммерийца оставалось в запасе пять с лишним колоколов до встречи с Сатти. Можно было потратить их на поиски того места, где предали огню тело Хамара. Но это дело не представлялось Конану исключительно срочным. Куда больше его занимала тень, все так же неотступно следующая за ним. Еще оставалась нерешенной задача сближения с кем-нибудь из стражей повелителя.

Но с тенью в настоящий момент ничего поделать было нельзя. А значит, и выбирать не было необходимости. Путь киммерийца лежал к дворцу повелителя.

На самом деле название это было данью привычке. На берегу Рехара стояло целых семь дворцов, принадлежащих повелителю. Жил он, конеч-

но, в одном, а остальные были отданы под государственные нужды. Тем не менее, все эти строения были огорожены рекой с одной стороны и высокой каменной стеной — с другой, и все вместе они звались дворцом повелителя.

Водный путь во дворец предназначался исключительно для раджей и высокородных князей, решивших почтить своим обществом повелителя. Все остальные могли попасть внутрь через пять ворот, устроенных в стене на равном расстоянии друг от друга. В дневное время стражи пропускали всех желающих без исключения.

На территории, лежащей за стеной, находился храм, посвященный Раме, огромный сад с множеством арок, беседок и лабиринтов.

Дворец, где жил повелитель, стоял непосредственно на берегу Рехара. Остальные строения расходились от него полукругом, так, чтобы человек, вошедший через центральные ворота, оказался на равном расстоянии от всех семи дворцов. Конана интересовал тот, в котором устроились тайная служба и гвардия, — два крыла стражей повелителя.

Киммериец рассчитывал, что ему удастся отыскать там Тхана. Он дважды встречался с этим смуглым усатым кшатрием: после первого убийства, когда он показывал Шеймасаи дом брамина, и перед судом над Хамаром. Тхан оставил у киммерийца впечатление человека умного и, что самое главное, порядочного.

Сложность заключалась в том, что у Конана не было в запасе ни одного нормального предло-

га для визита к кшатрию. Рассказывать об их с Сатти измышлениях — неразумно, завести разговор о погребении Хамара — еще большая несуразица. Правда, киммериец рассчитывал, что во время традиционного для Вендии обмена любезностями Тхан сам натолкнет Конана на нужную тему. В крайнем случае, можно было рассказать о фансигарах и Амьене. Шеймасаи, конечно, потом весь желчью изойдет, но придется интересами посла пожертвовать.

До восходных ворот дворца киммериец добирался почти целый колокол. Народу на улицах было как никогда много, а пользоваться услугами носильщиков Конан так и не приучился. Равно как и протискиваться сквозь толпу, не теряя при этом скорости. Вот и пришлось искать обходные пути, где было бы посвободнее.

Обстановка за стеной, отделяющей дворец от прочих строений Айодхьи, была совсем другая. По саду неспешно прогуливались почтенного возраста кшатрии, ведущие вполголоса важные беседы. Изредка мимо них пробегали молодые порученцы служащих повелителя. Откровенно скучали посольские помощники, что были обязаны пребывать вблизи дворца на случай, если понадобится передать весть от повелителя Вендии. Эти бедолаги облюбовали для себя беседки, коих здесь имелось множество. Почти у самых ворот киммерийцу встретилось человек десять поклонников Рамы, шедших со стороны храма, но после этого верующих он здесь не видел.

Конан узнал у стражника, стоявшего у ворот,

в котором из дворцов размещается управление тайной службой повелителя. Оказалось, что в соседствующем с главным.

Чтобы срезать путь, киммериец пошел через сад, мимо храма Рамы. Сад этот был полной противоположностью тому, в котором он вчера встречался с Сатти. Если там было царство природы, то здесь правил человек. Кусты и деревья росли на одинаковом расстоянии друг от друга и были подстрижены самым аккуратным образом, равно как и трава. Садовники повелителя умудрились превратить растения в живые скульптуры, одни из которых могли напугать, другие, наоборот, рассмешить. У кого-то такой вид искусства, наверное, мог вызвать восхищение, но точно не у Конана. Киммерийца раздражало тщеславие людей, возомнивших, что они могут под себя перекроить природу.

Он уже успел пожалеть, что пошел на поводу у своей лени и не отправился в обход, как увидел в беседке по правую руку от себя трех кшатриев, одетых, как гвардейцы повелителя. Киммериец мгновенно принял решение и повернул к ним.

— Доброго вам дня, — обратился он к вендийцам.

Те прервали свой разговор и обратили взоры к подошедшему иноземцу.

— И тебе того же, — сказали они почти хором.

— Вам известно имя Тхан? — спросил киммериец.

— Зачем он тебе нужен? — поинтересовался самый старший из тройки кшатриев.

— Я помогал ему расследовать дело о резне во дворцах браминов, — соврал Конан. — Он сказал, что я могу обращаться к нему, если потребуется помощь.

— Ты из той туранской сотни, откуда был убийца? — спросил кшатрий.

— Я их сотник. — На этот раз киммериец сказал правду. Пусть попытаются совместить несовместимое. — Так вы поможете мне?

— Ты точно знаком с Тханом? — решил еще раз удостовериться вендиец.

— Высокий, смуглый, с густыми черными усами, — описал киммериец Тхана. — Он?

— Ладно, мы тебя проводим, — смилостивился кшатрий. — А то пока тебя к нему пропустят, целый день пройдет.

Оставшиеся двое вендийцев живо закивали головами.

— Спасибо, — поблагодарил киммериец. — Если что, можете на меня рассчитывать.

— Договорились, — улыбнулся гвардеец. — Встречным будем говорить, что ты важный свидетель по делу о резне, раз уж ты в курсе обстоятельств.

Конан в сопровождении тройки гвардейцев продолжил путь к дворцу стражей повелителя.

Его слегка насторожило то, как легко откликнулись вендийцы на его просьбу. Но сделанного было не воротить. Конан приготовился к тому, что на месте его могут ждать крупные неприятности. Оставалось надеяться, что знакомство с Тханом поможет ему выпутаться.

Но киммериец ошибся.

Проблемы начались еще в саду. Навстречу Конану и кшатриям шел тот самый десятник, который отказывался пускать киммерийца в дом первого убитого брамина. Судя по его довольной улыбке, оказался он здесь неспроста.

Киммериец потянулся за саблей, и в этот момент один из гвардейцев сунул Конану под нос шепотку какого-то порошка.

В глазах сразу же помутнело, ноги начали подкашиваться.

Другой гвардеец ударил Конана по голове эфесом сабли, и тогда северянин потерял сознание.

* * *

*День суда над Хамаром.
Дворец городской стражи.*

Вид у Конана был настолько мрачный, что все без исключения старались обходить его стороной. Но сам киммериец этого не замечал. Мысли его занимали совсем другие вещи.

Как могло получиться, что он не уследил за Хамаром?

Искал убийцу, строил предположения, подозревал чуть ли не заговор государственного масштаба, а преступник все это время находился у него под боком.

Прямо киммерийца никто не обвинял, даже Шеймасай. Но наверняка все думали, что сотник

обязан был знать все про своих солдат, а значит, сколько-то жизней и на его совести тоже. Во всяком случае, сам Конан придерживался именно такой точки зрения.

Судилище над Хамаром должно было начаться через полколокола. Киммерийцу этот отрезок времени представлялся равным вечности, но надо было выдержать, дотерпеть.

Киммерийцу вспомнилось то утро после последнего убийства, когда Хамар, весь в крови, вошел в комнату, где сидели Конан, четверо десятников и еще несколько солдат. Он уставился на сотника совершенно пустыми глазами и спросил: «Что случилось?»

Тут же в комнате повисла гробовая тишина. Никто еще не успел сопоставить необычный вид Хамара с тем зверством, что творилось в домах семи браминов, но все почувствовали, что этим утром основам их мира суждено пошатнуться. И постепенно начало приходить понимание, вспомнились слова дежуривших этой ночью солдат о странном поведении Хамара, ходившие по Айодхье слухи о том, что убийца якобы туранец. Хамар же все так и стоял с ошарашенным лицом и повторял свой вопрос.

Хасан, наверное, спас парню жизнь, оглушив его ударом чернильницы по голове. Конан уже был готов самолично расправиться с убийцей, не думая о возможных проблемах. И, скорее всего, не он один. Но прикончить Хамара, когда тот потерял сознание, ни у кого рука не поднялась.

Допрашивать по общему молчаливому согла-

сию Хамара не стали, все понимали, что закончится это расправой. Киммериец послал Халила за кшатриями и стал ждать.

И теперь он этим только и занимался: ждал. Все три последних дня. Сегодня, наконец, хоть что-то должно было решиться. Конан не сомневался, что Хамара приговорят к смерти, но все-таки страстно желал поскорее выслушать решение судьбы и закрыть эту черную страницу своей жизни.

— Добрый день, сотник, — один человек все-таки осмелился подойти к Конану. — Хотя не знаю, можно ли его считать добрым.

Киммериец поднял глаза.

Перед ним стоял Тхан — кшатрий, что показывал им с Шеймасаи дом первого убитого брамина.

— По мне, довольно отвратительный, — признался сотник. — Я был бы рад, если бы он поскорее закончился.

— Я вас понимаю, — сказал Тхан.

— Серьезно? — усмехнулся киммериец.

— Вполне, — ответил вендиец. — До суда еще много времени, нечего здесь сидеть. Давайте лучше пройдемся, посмотрим дворец, а заодно и поговорим.

— Как вам будет угодно, — все с той же грустной усмешкой произнес Конан.

На самом деле, он был рад обществу кшатрия. Одиночество и самокопание начинали сводить с ума.

Киммериец поднялся с мягкого кресла, в ко-

тором он просидел последний колокол. Здесь, перед дверьми той залы, где должно было состояться судилище, он ждал, когда же, наконец, кшатрии из касты законников начнут решать судьбу Хамара.

Комната эта была хоть и обширной с множеством таких же кресел и диванчиков, но проходной, и народ постоянно сновал туда-сюда.

Тхан был прав: не самое лучшее место, чтобы скоротать время.

— Куда направимся? — осведомился киммериец уже более вежливо.

— Не знаю, — развел руками кшатрий. — Предлагаю просто побродить. Я здесь бывал только три раза и никогда достаточно долго. В городской страже Айодхьи мне служить не пришлось, я вообще родом не из столицы.

— А откуда? — поинтересовался Конан. Не из любопытства, а просто, чтобы поддержать разговор.

Следующая на пути их следования комната напоминала ту, где сидел Конан, как сестра-близнец. Даже мебель была расставлена одинаковым образом.

— Из Джамму, — охотно ответил Тхан. — Это средних размеров городок у полуночной границы. Мой отец — его раджа.

— Значит, вы — принц? — спросил киммериец.

— Да. Правда, не наследный, — сказал кшатрий. — У меня есть пятеро старших братьев. Отцу повезло, редко у кого в Вендии бывает столь-

ко сыновей. Я тоже доволен своей долей. Сначала возглавлял стражей у себя в Джамму, потом меня взял под покровительство один из родственников и устроил на службу к повелителю. Мне нравится здесь работать. Лучше хорошо ловить преступников, чем плохо править городом.

— А вы их хорошо ловите? — не без доли сарказма произнес Конан.

— Это первый мой серьезный промах. — Тхан не стал снимать с себя вины за то, что не смог своевременно отыскать убийцу браминов.

Киммериец тут же устыдился своих слов, сказанных сторяча.

— Простите, не хотел вас обидеть, — извинился перед кшатрием Конан. — Если уж кто и должен каяться, так это я.

Тхан вытянул руку и указал на одно из окон, выходящих на Рехар.

— Давайте, выйдем на ту террасу, — предложил вендиец. Действительно, у самой реки была обустроена небольшая прямоугольная площадка с декоративной оградой высотой в три локтя. От солнца террасу защищала крыша. В части ближе к Рехару стояло несколько кресел, где можно было отдохнуть, но людей там сейчас не было. — Сомневаюсь, что внутри дворца мы даем столь спокойное местечко.

— Хорошо, — согласился Конан.

Они немного поплутали по комнатам дворца городской стражи прежде, чем отыскали ту, из которой можно было выйти на террасу. Вот только дверь туда оказалась заперта. Тхан подмигнул

киммерийцу, достал из кошелька отмычку и без особых хлопот расправился с замком.

— Не думаю, что на нас за это обидятся, — сказал он.

Потом какое-то время Конан и Тхан стояли у ограды и любовались на неторопливое течение Рехара.

Первым молчание нарушил кшатрий.

— Вы не могли знать, что Хамар — убийца.

Непонятно было, для кого Тхан это сказал: для себя или для Конана.

— Я сейчас оглядываюсь в прошлое, — проговорил киммериец, — и понимаю, что мог. Были мелочи, обрати на которые я внимание, три-четыре нападения удалось бы предотвратить.

— Возможно, — задумчиво произнес кшатрий. — В страже болтают, что вместе с Хамаром следовало бы судить и вас, и посла. Знаете, откуда такие разговоры?

— Догадываюсь, — ответил Конан.

Они с Тханом по-прежнему неотрывно смотрели на реку. Кто-то посторонний мог бы подумать, что их сейчас интересует исключительно Рехар, а разговор их — всего лишь обмен ничего незначащими репликами.

— Им тяжело поверить в то, что ларчик открывался так просто, — все-таки объяснил вендиец. — Думали, что имеют дело со смертельно опасными сектантами-фанатиками, а оказалось, что преступник — это простой туранский солдат. Мы должны были поймать его, обязаны были это сделать. Одиночку всегда проще вычислить. Но

не все готовы признать свое поражение и слабость, им легче найти на стороне виновника всех несчастий.

— Честно говоря, мне все равно, — признался Конан. — Можете меня обличать, можете представлять в качестве жертвы обстоятельств, одно я знаю точно: я виноват не меньше Хамара. Царь Иллиз поручил мне этих людей, и я за каждого из них в ответе. Пенять на судьбу глупо. Перед другими я бы, наверное, смог оправдаться, но перед собой — никогда.

— Этим вы мне и симпатичны, сотник, — сказал Тхан. — Знаете себе цену и за ошибки платить готовы. Я ведь тоже вижу, что пусть я исследование по другому пути, и после второго убийства мы бы его поймали. Противно слышать, когда мне говорят, что я не виноват, что такого никто не мог ожидать. То ли льстить пытаются, то ли, и впрямь, за идиота держат. Правда на поверхности лежала, а я не сумел за нее ухватиться.

— Что толку жалеть о том, что осталось позади? — спросил Конан и понял, что именно этим он в последнее время и занимался.

— У того, кто не помнит прошлого, нет будущего, — изрек достаточно известную философскую истину Тхан. — Я, конечно, не верю, что подобное повторится, но урок этот, в любом случае, стоит выучить.

Кшатрий был первым, кто не посоветовал Конану выкинуть историю с Хамаром из головы и поскорее забыть о ней.

Киммерийцу нравилось общаться с Тханом, он озвучивал многие мысли, посещавшие некогда сотника, и при этом не стремился сглаживать углы. Чем-то вендиец напоминал северянину его самого.

— Вы видели Хамара? — спросил киммериец некоторое время спустя.

С тех пор, как убийцу передали в руки стражи, в отряде о нем ничего не было слышно. Только вечером первого дня приходил Шеймасаи сказать, что Хамар действовал сам по себе и никаких следов колдовского воздействия на его сознание ни туранские, ни вендийские маги не обнаружили.

— Да, — сказал Тхан. — Последний раз — вчера перед тем, как его передали городским стражам. Когда выяснилось, что у него не было сообщников, он перестал представлять для нас интерес.

— Откуда такая уверенность, что их не было? — поинтересовался Конан.

Кшатрий не ответил.

— Его пытали? — уточнил свой вопрос киммериец.

— Вы спрашиваете меня об этом как представитель Турана?

Конан тотчас же догадался, на что намекает вендиец.

— Нет, можете говорить спокойно. Шеймасаи ни о чем не узнает.

Посол не потерпел бы, чтобы к Хамару применяли пытки после того, как маги в один голос

заявили, что убийца не был составной частью какого-либо заговора.

— Хамара угостили настойкой из лотоса, — сказал Тхан, — и отправили на два колокола к нашим пыточным дел мастерам. Они умеют работать, не оставляя на теле подопечных никаких следов, и добиваются при этом замечательного эффекта. Но Хамар, как оказалось, говорил правду. Вернее, он искренне верил в ту ложь, что подсунуло ему его безумие.

— После лотоса он ничего не помнил? — спросил Конан.

— Ничего, — подтвердил Тхан. — И это к лучшему, поверьте. Он вчера был в таком состоянии, что на него смотреть страшно было. Весь трясся, умолял его отпустить, клялся, что никогда не убивал. Мне даже в какой-то момент стало его жалко.

— Проклятье, — пробормотал Конан.

Он представил себе задиру и жизнелюба Хамара, закованного в цепи, ожидающего скорой и неминуемой смерти. Образ получался пугающий.

— Иногда мне кажется, — тихо произнес вендиец, — что лучше было бы вам его тогда прямо у себя во дворце убить.

— Проще, — поправил северянин. — Так было бы проще.

* * *

*Первый день расследования.
Где-то в Айодхье.*

Когда киммериец очнулся, мир так и не пришел в норму.

Краски казались размазанными. Образы улицы, стоящих на ней людей, домов и неба сливались в единую картину, которую Конану никак не удавалось разбить на составляющие. Он мог только догадываться, что есть что. Этому сильно мешала головная боль, которая усиливалась при малейшем движении. Тело реагировало на команды разума с определенным запозданием и не всегда. Тем не менее, киммериец обнаружил, что он стоит на ногах и падать не собирается.

— Он, кажется, пришел в себя.

Конан узнал голос, но никак не мог вспомнить, кому он принадлежит.

— Слушай меня, туранский ублюдок. — Человек подошел к киммерийцу, схватил его за подбородок и развернул к себе.

Сотник попытался ударить наглеца, но промахнулся.

Раздался смех.

— Рвешься в бой? — спросил человек и тут же отвесил Конану увесистую пощечину.

— Сдохнешь, — пообещал киммериец. Слова давались ему с большим трудом, но хоть по словам, угрозу он выговорил.

Ответом ему стал очередной приступ смеха.

Конан сжал крепче зубы и постарался скон-

центрироваться. Надо было быстрее приходить в себя, иначе вся эта история могла плохо закончиться.

— Узнаешь меня? — Киммерийца вновь схватили за подбородок.

— Нет, — ответил Конан.

Краски расплывались все больше и больше. Северянин даже перестал различать контуры стоящих перед ним людей. Судя по первому впечатлению, их было четверо, однако он мог и ошибаться.

— Вспоминай! — потребовал человек. — Ты же узнал меня во дворце. Я это сразу понял.

Киммериец начал прокручивать в голове события последнего дня. Пробуждение, нападение тени, разговор с Шеймасаи, завтрак с Масулом, визит к Телиде... Что же было дальше? Головная боль мешала сосредоточиться. Еще должен был быть какой-то дворец...

Конечно! Дворец повелителя!

Конан понял, что за человек задавал ему вопросы. Тот десятник гвардии, так и оставшийся безымянным, что умудрился затеять ссору с Шеймасаи.

— Молодец, — похвалил северянина кшатрий и врезал кулаком ему по печени. — Вижу, ты догадался, кто перед тобой. Не хочу, чтобы ты принял смерть от руки незнакомца.

— Сдохнешь, собака, — еще раз пообещал киммериец. Теперь уже более твердым голосом.

— Из-за тебя меня разжаловали и унизили, туранец, — продолжал говорить кшатрий. — Я

теперь простой гвардеец, и командовать десятком мне доверят не раньше, чем через пять лет!

В конце фразы вендиец сорвался на крик. Чтобы выместить накопившуюся злобу, он со всей силы пнул северянина по коленной чашечке. Киммериец не издал ни звука, лишь плотнее сжал зубы.

— Но тебя это не должно волновать. — Кшатрий явно желал выговориться. — По той простой причине, что сегодня, прямо сейчас, ты умрешь. Но это будет не убийство, а честная дуэль. Как видишь, мы не отобрали у тебя оружие.

Конан проверил. Сабля действительно была на месте.

Вот только поединок, в котором один из противников ничего не видит и двигаться может с большим трудом, он честным назвать не мог. Кшатрию, разумеется, до этого не было дела.

— Начали, — сказал вендиец.

Киммериец тут же выхватил саблю и выставил блок против удара сверху. Раздался звон. Сталь встретилась со сталью. Повезло, первый удар удалось предугадать. Дальше оставалось ориентироваться только на звук шагов вендийца. Сам киммериец тоже не стоял на месте, заставляя противника двигаться. Еще трижды Конан умудрялся отводить удары противника. На четвертом удача отвернулась от северянина. Он неудачно поставил блок, и вендиец вышиб саблю у него из руки. Тут же кшатрий свалил Конана подсечкой, опасаясь, что тот может попытаться убежать.

Сотник ждал. Он надеялся, что вендиец решит поиздеваться над ним прежде, чем добить. Тогда можно было постараться свалить его кулаком. Телом за время короткой схватки он уже более-менее научился управлять.

Но ничего не происходило.

И тут повисшее молчание разорвал громкий крик. Голос принадлежал тому гвардейцу, с которым Конан беседовал в саду. После этого послышался топот ног. Трое товарищей разжалованного десятника по непонятным причинам решили покинуть место схватки.

Конан возблагодарил судьбу. Что бы там ни случилось, это, похоже, спасло ему жизнь.

Киммериец поднялся на ноги и шатаясь побрел в том направлении, куда убежали гвардейцы. Но не сделал он и пяти шагов, как обо что-то споткнулся. Упал он неудачно, больно ударившись головой. Краски перед глазами замелькали с калейдоскопической быстротой, и через несколько мгновений северянин потерял сознание.

Сотник приходил в себя постепенно. Сначала появилась головная боль, вслед за ней пришла возможность мыслить. Конан вспомнил проигранный кшатрию поединок и то, что было после него. Удивительно, что он остался в живых.

Киммериец аккуратно приоткрыл глаза, боясь увидеть свистопляску красок окружающего мира. Но нет, все было в порядке. Похоже, действие того порошка, что подсунули Конану во дворце, наконец, прошло. И вообще чувствовал северянин себя не так уж и плохо: голова постепенно

проходила, слабость, поразившая его тело, исчезла без следа.

Конан поднялся на ноги и увидел, обо что он споткнулся.

В двух шагах позади него лежал труп кшатрия. Киммериец опустился перед ним на колени, желая понять, что послужило причиной смерти. Зрачки у вендийца были расширены, рот открыт, а руки стискивали шею. Конан тщательно осмотрел лицо, силясь узреть следы какого-нибудь порошка или капельку зелья на губах, но ничего такого не обнаружилось. Тогда он наклонился ко рту покойника, приняхался. После яда, скорее всего, остался бы запах. И опять надежды оказались напрасными.

Кшатрий задохнулся, и если отбросить версию колдовства, то оставался один единственный вариант. Вендийца убила преследующая Конана тень. Побоялась, что отнимут ее добычу, и нанесла удар. Гвардейцы бросились в бегство, увидев, что их товарищ начал задыхаться после того, как победил киммерийца. Они вполне могли решить, что это результат действия охранного заклятья. Тени же просто не хватило сил, чтобы добить Конана.

— Повезло, — прошептал киммериец.

Одна напасть уничтожила другую.

Местом для поединка гвардейцы выбрали тупик одной из улочек. Судя по обветшалым стенам домов по сторонам, район был не из богатых. Людей видно не было, и окон на эту часть улицы не выходило.

Киммериец бросил взгляд на небо. Солнце опустилось уже довольно низко. Конан прикинул, что сейчас должно быть пятый послеполуночный колокол. До окончания времени, выбранного Сатти для встречи в квартале Тринадцати Стен, оставалось всего ничего.

Здесь больше делать было нечего. Конан пнул труп безымянного кшатрия в память о тех ударах, что он нанес ему, когда сотник находился в беззащитном состоянии, поднял с земли свою саблю и пошел быстрым шагом вперед по улице.

Вскоре ему начали попадаться люди. Все, как один, шудры — выходцы из самых низших каст. Киммериец остановил смышленного на вид паренька и поинтересовался, как пройти к кварталу Тринадцати Стен. Оказалось, что это совсем недалеко: четверть колокола ходьбы строго на полдень. Конан поблагодарил парня, дал ему несколько медяков и двинулся в указанном направлении.

Где именно начался квартал Тринадцати Стен, киммериец не разобрал. Неприкасаемые внешне мало чем отличались от беднейших из шудр. Те же лохмотья, тот же пустой взгляд. Разве что с дороги северянина отступали более поспешно.

Киммериец подозревал, что если бы неприкасаемый случайно столкнулся со знатным кшатрием, тот вполне бы мог в порыве отчаянья убить несчастного, презрев учение о карме. Обитатели квартала Тринадцати Стен, похоже, придерживались такого же мнения. Во всяком слу-

чае, на Конана они реагировали, как на опасного хищника, случайно забредшего к их жилищам.

Теперь вставал вопрос, как искать Сатти. Если, конечно, киммериец не опоздал на встречу, а он такой вероятности не исключал.

Но проблема эта решилась сама собой. Поплыв немного по кварталу неприкасаемых, Конан увидел на одной из боковых улиц идущего к нему на встречу тысяцкого.

— Я уж думал, вы не придете, — вместо приветствия сказал Сатти.

— В какой-то момент мне казалось, что я, и впрямь, не приду, — усмехнулся киммериец.

— Что-то случилось? — спросил тысяцкий.

— Мы так и будем говорить посреди улицы? — поинтересовался Конан.

Рядом с неприкасаемыми он чувствовал себя неуютно. Сатти же, несмотря на то, что был вендийцем, никаких неудобств не ощущал.

— Если желаете, — предложил тысяцкий, — можем зайти в один из домов. Но и здесь вполне безопасно. Очень удачно, что появился повод встретиться именно в этом квартале.

— Вы о фансигарах?

Киммериец шагнул к ближайшему дому.

Неприкасаемого, что сидел у входа, как ветром сдуло. Сатти первым вошел внутрь, показывая, что никакой опасности нет. Изнутри дом представлял собой огороженный глиняными стенами участок земли с наброшенным в один из углов тряпьем, которое, видимо, выполняло роль подстилки.

— Как видите, разница невелика, — произнес Сатти, прислонившись спиной к стене. — А говорил я действительно о фансигарах. Не знаете, что им понадобилось от вашего солдата?

— Понятия не имею, — признался Конан. — Откуда вам стало известно об этом случае? Я думал, что это тайна.

— Не беспокойтесь, Конан, — сказал тысяцкий. — Стражи не знают ничего о связях вашего человека с фансигарами, во всяком случае, пока. Но все равно, советую вам поскорее решить эту проблему. Полагаю, посол сообщил вам о возможных последствиях.

— На вашу помощь я рассчитывать не могу? — поинтересовался киммериец.

Сатти развел руками и виновато улыбнулся.

— Так я и думал, — сказал Конан. — Значит, встречу вы здесь назначили не для того, чтобы показать мне нечто, связанное с фансигарами.

— Нет, сотник, — тысяцкий покачал головой. — Могу только предположить, что они забрались сюда именно ради возможности спокойно поговорить. Им очень не повезло, что их увидели и узнали. С нами, я надеюсь, такой неприятности не случится. Я проник в квартал незамеченным, а у вас был повод, чтобы сюда наведаться. Если кто за вами и следил, к неприкасаемым они не сунутся, предпочтут подождать, пока вы закончите здесь свои дела.

— Как вы меня нашли?

— Я очень немало времени провел в квартале Тринадцати Стен и сумел узнать некоторые его

секреты, которыми теперь беззастенчиво пользуюсь.

У киммерийца так и чесался язык спросить о демонопоклонниках, но он предпочел сохранить в тайне подробности своей беседы с Телидой. Был и еще один вопрос, который он не задал: о происхождении названия квартала. Момент был неподходящий, чтобы тешить любопытство.

— Сатти вы вчера говорили, — напомнил Конан, — о тех созданиях, что обитают в садах повелителя. Якобы, они показываются на глаза только ночью.

— Так оно и есть, — подтвердил кшатрий. — А с чего вы ими заинтересовались? Вчера ситуация больше располагала к знакомству с ними.

— Когда я возвращался из садов в казармы, — сказал киммериец, — то заметил, что за мной следует весьма странное существо. То, что это не игра моего воображения, я убедился сегодня утром, когда эта тварь попыталась меня убить.

— Это что-то другое, — заверил Конана кшатрий. — Обитатели садов не покидают своей территории, и я не слышал, чтобы они нападали на людей. Как выглядело ваше существо?

— Как тень, — ответил северянин. — Небольшая, чуть крупнее собаки. Она постоянно прячется среди других теней, но иногда мне удается ее различить. Сейчас она тоже где-то здесь.

Сатти окинул комнату взглядом, но ничего похожего на описанное существо не обнаружил.

— Не знаю, что это может быть, — сказал он. — Говорите, эта тень пыталась вас убить?

— Да. Когда я проснулся, то почувствовал, что мне нечем дышать. Еще немного, и я бы задохнулся. К счастью, ко мне очень вовремя заглянул Шеймасаи и спугнул это существо. Но одного человека за сегодня тень все-таки успела убить.

— Еще один труп? Похоже, у вас был насыщенный день.

— Да уж, — усмехнулся Конан. — Я решил исполнить вашу просьбу и начать налаживать связи со стражами повелителя. Есть у меня один знакомый в тайной службе. К нему я и направился. По пути меня перехватили четверо гвардейцев, одного из которых в свое время разжаловали по моей с Шеймасаи вине. И он решил мне отомстить. Мне дали понюхать какого-то порошка и отвели в квартал по соседству, где устроили представление под гордым названием «поединок». Не вдаваясь в подробности, тень спасла меня, убив одного гвардейца и напугав до смерти его товарищей.

— Интересно, — Сатти оживился. — Получается, тень решила, что ваша жизнь принадлежит только ей и никому больше. Такое поведение несвойственно духам и демонам. При этом у нее есть явные зачатки разумности.

— Эта тварь хочет меня убить, — напомнил кшатрию Конан. — У меня не никакого желания изучать ее природу, пока моя жизнь находится в опасности. Надеюсь, хоть с тенью-то разобраться вы мне поможете. Мертвый я не смогу посодействовать вашему расследованию.

— Конан, я не знаю заклятья, — сказал Сат-

ти, — что прогонит эту тварь или прикончит ее. Дайте подумать...

Кшатрий нахмурил лоб и уставился куда-то в пустоту.

Киммериец прислонился к противоположной стене и стал ждать.

— Вот что, — произнес Сатти после небольшой паузы. — Сомневаюсь, что это существо прицепилось к вам по себе. Скорее, его послали.

Конан кивнул в знак согласия.

— Еще оно обладает свободой воли, — продолжал тысяцкий. — И у него нет приказа «убить вас, во что бы то ни стало, любой ценой». Иначе бы тень не постеснялась посла, и от гвардейца бы не защищала вас. Наоборот, она должна была бы попытаться опередить его и прикончить вас первой.

Очередной кивок.

— Знаете, Конан, мне это очень не нравится, — заключил кшатрий. — Наверняка, тень следит за вами и передает все, что слышит, своему хозяину.

— Я ни разу не замечал, чтобы она отлучалась, — сообщил киммериец. — Ну, за исключением того времени, когда я был без сознания. Сами понимаете, тогда я за ней уследить мог.

— Возможно, они общаются на расстоянии, — предположил Сатти.

— Не исключаю, — согласился Конан.

— Никак нельзя позволять этому существу всюду ходить за вами, — заявил вендиец. — Но и убивать его нельзя. Чем бы эта тень ни была, в

момент своей смерти она вполне может прихватить вас на Серые Равнины.

— И охотник, и приманка, — понял киммериец. — Очень разумно. Либо тень прикончит меня, либо я найду способ расправиться с ней, и умру от сработавшего заклятья.

— Верно, — кивнул Сатти. — Только магия, скорее всего, здесь не при чем. Эффект будет, скажем так, природный. Из оболочки тени вырвется энергия того мира, где живут ее собратья.

— Значит, надо поскорее найти того, кто ее послал, — заключил Конан.

— Не обязательно, — ответил кшатрий. — На поиски у нас с вами уйдет не день и не два, и во все не факт, что они увенчаются успехом. Поступим проще. Существуют специальные алхимические смеси, принципиально непереносимые обитателями других измерений. Лучшее всего будет воспользоваться таким веществом и понаблюдать за реакцией тени и ее хозяина.

— Это надежно? — спросил киммериец.

— Можете не сомневаться, — заверил Конана вендиец. — Алхимия — наука более точная, чем магия. Ни один демон низшего порядка к вам и близко не подойдет. А от тех тварей, которым до этого снадобья нет дела, вас в Айодхье никто защитит не сможет. К счастью, наш друг явно не из таких.

— Где в городе можно достать снадобье?

— В алхимических лавках. Но стоит он немалые деньги. Сделаем так: сегодня же отправитесь в лавку по соседству с храмом Сарсавати, ее вла-

делец, его зовут Аямал, мне кое-чем обязан. Напомните ему о долге и скажите, что расплатиться он сможет, обеспечивая вас снадобьем высшего качества столько времени, сколько будет нужно. Это выгодная сделка, он с радостью согласится.

— А если тень все-таки пробьется сквозь алхимический барьер?

— Тогда зовите мага и просите его прикончить тварь. Быть может, повезет, и она развоплотится, не причинив никому вреда.

— Как все просто! — хмыкнул киммериец.

— Я ведь предупреждал, — напомнил Сатти, — что вы сильно рискуете, согласившись действовать моему расследованию.

Конану пришли на ум слова Телиды, что кшатрий постарается использовать его, чтобы огородить себя от возможных опасностей. Естественно, ему интересно узнать, как подействует снадобье на тень.

— Не стоит так нервничать, — продолжал вендиец. — Я несколько не сомневаюсь, что снадобье отгонит это существо. Чуть позже я отыщу для вас хорошего мага среди тантриков, который сумеет окончательно решить проблему тени. Я бы занялся этим прямо сейчас, но у меня за сегодня проявилось много дел, которые не терпят отлагательства.

— Договорились.

— Больше вас никто убить не пытался? Только тень и гвардейцы?

— Может, и еще кто был, но я не заметил.

— Хорошо, что даже в такой обстановке, сотник, вы способны шутить. Это говорит о крепости характера. Значит, я не ошибся в выборе союзника.

— Ну, пока я только и делаю что собираю проблему на свою голову. Хотя одну вашу просьбу я исполнил: поговорил с десятником Хамара.

— Разузнали что-нибудь конкретное?

— Более или менее. В сотню Хамар попал явно не случайно. Он замечательный фехтовальщик, как нам всем известно, но, пребывая в Аграпуре, свой талант продемонстрировал лишь единожды. В тот момент, когда за ним наблюдал его будущий десятник. Что к этому подвигло Хамара: собственные устремления или чья-то чужая воля, — неизвестно. Но после того случая он просто не мог не оказаться в Вендии. Масул, десятник, был одним из первых, кого определили в отряд, очень явная кандидатура. Ну, а он в силу ряда обстоятельств не мог пройти мимо Хамара.

— Нечто подобное я и предполагал.

— К сожалению, Масул не смог ответить, не попал ли в сотню еще кто-нибудь из тех солдат, что были тогда на тренировочной площадке вместе с Хамаром.

— Не сомневайтесь: тот, кто отвечал за сопровождение Хамара в Вендию, сейчас в вашем отряде. И совсем не обязательно, что это один человек. Будь я на месте наших противников, постарался бы сделать так, чтобы в сотне оказался один мой человек в ранге десятника и два-три солдата, которые держались бы «за своих».

— Как сотхи, — согласно кивнул киммериец.

— Кстати, вполне может быть, — ответил Сатти. — Не обязательно, что они фансигары. Но задачи они выполняют те же. Следят и контролируют. Выяснить бы, кто эти люди...

— Ничего не обещаю, — сказал Конан. — Но постараюсь сделать все, чтобы выловить предателей. Должны же они как-то были себя изобличить.

— Пытайтесь, — произнес кшатрий таким тоном, что становилось понятно: в успех затеи киммерийца он не верил. — Однако не забывайте и о вашем друге среди стражей повелителя. Для нас намного важнее понять, какую роль во всем этом играет тайная служба. Мне удалось разузнать еще кое-что об их деятельности. Оказывается, что они ни на миг не выходили из состояния повышенной активности, в котором пребывали после первого убийства. Представьте себе: злоумышленник пойман и казнен, объявлено, что это был одиночка и никакой опасности для жителей Айодхьи больше нет, а brave сыскари из тайной службы продолжают трудиться так, словно завтра наступит конец света и только они могут его предотвратить. Гвардия, что самое интересное, бездействует. Складывается такое впечатление, что она здесь вообще ни при чем.

— Обе ветви возглавляет один человек.

— Я знаю! Но разобщенность между службами налицо. У них там заваривается что-то очень серьезное, поверьте мне. Обязательно завтра отыщите вашего товарища. И не вступайте больше в

конфликт с гвардейцами. Кстати, они знали, куда вы направляетесь?

— Да. Я как раз интересовался у них, не могут ли они мне помочь. Вначале вместе с ними не было того кшатрия, что пытался меня убить. Он появился, когда мы уже шли к дворцу стражей повелителя.

— Вам непременно нужно разобраться с этим вопросом. Узнайте имена тех, кто устроил покушение. Думаю, в тайной службе вам подействуют. Тысяча нагов! А ведь это ваш шанс, Конан!

— Замечательные у меня перспективы вырисовываются, — усмехнулся киммериец. — Расскажите лучше, что у вас такого случилось, что времени ни на что не хватает.

— Одного из моих травников сегодня нашли мертвым, — с неподдельным восторгом сообщил Сатти.

— Поздравляю, — немедленно отреагировал Конан.

— Приятно осознавать, что был прав, — похвастался кшатрий. — Но все могло выйти и лучшим образом. Обстоятельства смерти у травника, скажем так, весьма загадочные.

— А вы ожидали чего-то иного, — удивился киммериец, — от людей, у которых есть подручные даже в Аграпуре, и которые безо всякого стеснения препровождают на Серые Равнины семьи семерых браминов вместе со слугами?!

— Надеялся я на лучшее, — признался Сатти. — Должны же они были хоть когда-то допустить ошибку.

— Может, уже и допустили, — предположил Конан. — Вот только мы не заметили. Рассказывайте, что не так с вашим травником.

— Он — мертв, — ответил кшатрий. — Но совершенно непонятно, что послужило причиной смерти. Мои люди, приставленные к травнику, обратили внимание, что он сначала не пошел на утреннюю молитву в храм Шивы, потом не открыл двери трем визитерам, что по очереди приходили к нему. Жаль, меня там не было, я бы не стал дожидаться полудня и сразу попытался проникнуть в дом. Тогда, может, и удалось бы найти хоть какой-нибудь след. А так — полный ноль. Обстановка осталась как при жизни, никаких изменений, воздух чистый, без следов растительных или алхимический смесей, магии тоже не чувствовалось. Только труп в постели лежал.

— Вы владеете искусством магии?

— Не я, один из моих людей. Он осмотрел и комнату, и тело травника. По его заверению, никто в доме в последние три дня не колдовал, а может — и больше. Ран на труп не было. Даже ни одного синяка не нашли или ссадины. Проверили, не отравили ли его, благо смесей подходящих вокруг было полным-полно. Точно установили, что убил его не яд.

— Травник старый был?

— Старый! Шестьдесят восьмой год пошел. Кто-то явно хотел, чтобы мы подумали, что умер он, не выдержав груза прожитых лет. Но я слишком много повидал, чтобы вот так вот в сказки верить!

— Сатти, а вам это убийство кое-что не напоминает?

— Еще как напоминает! Я сразу про посла вспомнил, мужа нашей Телиды, безвременно на Серые Равнины отправившегося. Два случая — один к одному. И если с послем я еще сомневался, убийство ли это, то теперь после смерти травника все сомнения отпали.

— Хорошо, что отпали, — заключил Конан. — А вот все остальное плохо. Нашим противникам удалось избавиться от своего сообщника и не оставить при этом никаких следов.

— Это мы еще посмотрим, — уверил киммерийца Сатти. — Я еще телом всерьез не занимался. Этой ночью мы будем над ним работать. Я уже договорился с одним магом, специализирующимся на некромантии, чтобы он мне помог. Также будут двое лекарей из городской стражи, повидавшие на своем веку трупов немногим меньше, чем звезд на небе.

— Я правильно понял, что вы выкрали труп? — уточнил Конан.

В Вендии, как и во всех странах на восход от Турана, некромантия была запрещена. Наказание за изучение трудов с описанием этой области искусства традиционно было небольшим, а вот за практическое применение могли и леса валить отправить или на рудники.

— Так проще, — ответил кшатрий. — Родственников у травника все равно не было, никто о нем не беспокоился. Вскрытие же лучше проводить в спокойной обстановке, а не во дворце го-

родской стражи, куда мага, кстати, не приглашишь.

— Всерьез надеетесь что-нибудь отыскать? Посла чуть ли не по косточкам разобрали, прежде чем придать останки огню, но ничего подозрительного не обнаружили.

— Телида боялась применять некромантию, а я не боюсь. Воскрешать травника, конечно, смысла не имеет: те, кто над ним поработал, наверняка сделали так, чтобы он забыл все, что с ними связано. Воспоминания зомби о прошлой жизни вещь чрезвычайно хрупкая, и повредить ее большого умения не надо. Но вот посмотреть на то, как станут работать его внутренние органы, если им предать подобие жизни, очень интересно. Я надеюсь, что на основе увиденного лекари смогут сделать вывод о причине смерти. Со знанием о природе оружия мне будет значительно легче выйти на убийцу.

— Мне кажется, — сказал Конан, — что вы переходите ту границу, которую сами для себя очертили. Узнав, как убили посла и травника, вы можете подставить себя под удар. Будь я владельцем такого оружия, что использовали против них, постарался бы сохранить его тайну любой ценой. К тому же, вскрытие с привлечением некроманта выходит за рамки обычного любопытства.

— Я не думаю, что результаты работы с телом окажутся столь ошеломляющими, как вы это пытаетесь представить. В лучшем случае, удастся понять, была ли то магия, яд или иное не связан-

ное с ними воздействие. Слово «оружие» я применил исключительно для простоты. Поверьте, сотник, мы имеем дело не с заколдованным мечом и не с волшебным платком богини Кали. Вероятнее всего, это все же заклятье... Сотник! Поведайте-ка мне, пожалуйста, как убивает ваша тень. Вы ведь видели труп гвардейца?!

— Глаза выпучены были, руками за шею держался, — совсем не похоже на покойного посла. Хотя тень тогда еще ослабленная была после утреннего нападения. Возможно, успеет она набрать подную силу, убива бы парня мгновенно. Тогда сходство, наверное, было бы.

— Вы говорите о ней так, словно ей опыта не хватает. Одно нападение не удалось, во время второго силы не рассчитала.

— Думаю, что так оно и есть. Тень пока только учится убивать, и когда она войдет в полную силу, я не хочу, чтобы она по-прежнему в качестве своей цели видела меня.

— Вы все еще ее ощущаете? Где она сейчас?

— Кажется, в углу по правую руку от вас. Но я не уверен. Она хорошо умеет растворяться, выдает себя только, когда двигается.

— Проклятая тварь! Чем быстрее вы от нее отделаетесь, тем лучше.

— Если вам больше нечего мне рассказать, я бы занялся решением этой задачи немедленно.

— Идите, — махнул рукой Сатти. — Завтра встретимся здесь в это же время, ни к чему лишний раз беспокоить Телиду. К храму Сарсавати знаете как выйти?

— Нет, — ответил Конан. — Как?

— Пойдете по этой улице в сторону восхода, — сказал кшатрий. — Как доберетесь до квартала деревянных дел мастеров, считайте что пришли. Спросите любого прохожего, он укажет вам дальнейший путь.

— Спасибо. Осторожнее с некромантией.

— Вы тоже берегите себя, сотник.

Конан поспешил прочь от квартала Тринадцати Стен. Уже смеркалось, Айодхья готовилась погружаться во мрак ночи. И у киммерийца не было никакого желания находиться в опасной близости от неприкасаемых, когда на город опустится тьма.

На бег киммериец не переходил лишь по единственной причине: боялся, что неприкасаемым не хватит ловкости своевременно уступить ему дорогу. Ближе к ночи те стали какими-то совсем вялыми.

Все это время тень неотступно следовала за киммерийцем.

Конан за сегодняшний день уже приспособился замечать ее среди других теней, имеющих естественное происхождение.

Как и по пути в квартал Тринадцати Стен, киммерийцу не удалось обнаружить той границы, что отделяла его от владений беднейших из шудр. И в том, и в другом месте северянин чувствовал себя достаточно неуютно. Лишь когда он заступил на обещанную Сатти территорию деревянных дел мастеров, его оставили неприятные ощущения.

— Где искать храм Сарсавати? — спросил Конан у пожилой женщины, что торговала пирожками.

— Сейчас направо повернешь, — для верности вендийка протянула руку в означенном направлении. — А как увидишь дом с желтой дверью, свернешь налево. Там через пару домов и будет храм. Понял?

— Да, спасибо.

Киммериец откланялся и продолжил путь. Есть ему хотелось, но купить пирожок он не решился, испытывая вполне обоснованные подозрения по поводу начинки.

С ориентиром, указанным вендийкой, проблем не возникло. Желтая дверь была только у одного дома.

Храм Сарсавати мало чем отличался от большинства храмов Айодхьи. Разве что, деревянных деталей в нем было побольше, но это объяснялось его месторасположением.

Где именно здесь искать алхимическую лавку, Сатти не сказал. Недолго думая, Конан решил обойти храм кругом и посмотреть, что находится по сторонам.

Над дверью одного из домов, располагавшегося позади храма, обнаружилась раскрашенная резная вывеска: небольшой котелок, подвешенный над костром.

— Грамотно, — оценил вывеску Конан.

Без лишней помпезности и сразу ясно, что скрывается за дверью.

Она, кстати, оказалась заперта. Сотник посту-

чался. Время, конечно, уже позднее, но спать хозея не должны были.

Изнутри слышались чьи-то тяжелые шаги.

Дверь отворилась. На пороге стоял невероятно толстый вендиец с заплывшим от жира лицом и сонно протирали глаза.

— Я от Сатти, — объявил Конан.

Хозяин лавки, если это, конечно, был он, киммерийцу сразу не понравился. Не любил сотник, когда люди доводили себя до такого свинского состояния.

— Не знаю такого, — сказал толстяк и попытался затворить дверь.

Конан не позволил ему этого сделать.

— Вы — Аямал? — спросил киммериец.

— Ну, я, — протянул толстяк, похоже, сообразивший, что от разговора уклониться не получится. — Чего надо?

— Сатти передает вам, что готов простить долг. — Конан подумав решил не ссориться с алхимиком. Еще не хватало, чтобы он ему вместо репилента подсунул яду.

— Что взамен хочет? — спросил Аямал

А ведь только что отрекался от знакомства с тысяцким!

— Снадобье, — ответил Конан.

— Снадобье, говоришь, — повторил за киммерийцем толстяк. — Ну, пошли внутрь.

Конан спорить не стал и преступил порог дома. Правда, старался ни на мгновение не выпускать хозяина из виду. С того вполне случилось бы стукнуть гостя чем-нибудь тяжелым.

Внутри дома обстановка была препашивая, хуже чем в квартале Тринадцати Стен. Посреди единственной комнаты стояли четыре котла: один огромный, три поменьше.

Над ними в потолке была пробита дыра, чтобы зловония, исходившие от них, поскорее улетучивались. Но спасало это слабо. Конана от местных «алхимических» запахов едва не вывернуло наизнанку.

Вдоль трех стен стояли шкафы с глиняными сосудами. Часть из них была запечатана. Видимо, там находились готовые снадобья. Единственным предметом, не имеющим отношения к выделке алхимических эликсиров, была широкая низкая кровать, стоявшая у дальней стены.

Стоило Конану оказаться внутри лавки, как он тут же ощутил, что ему чего-то не хватает. Лишь спустя несколько мгновений он осознал, что тень не последовала за ним. Это вселяло определенные надежды. Неприятен был этой твари аромат алхимических варений.

— Какое снадобье ему нужно? — спросил Аямал. — И сколько?

— Нужно не ему, а мне, — пояснил Конан. — Но это пойдет в счет уплаты долга.

— Как мне узнать, что ты не врешь? — поинтересовался алхимик. — Что ты действительно друг Сатти, хотя я сомневаюсь, что у него вообще есть друзья.

— Не знаю, — пожал плечами киммериец. — Мог посторонний человек знать о твоём долге?

— Ладно, я тебе верю, — сказал Аямал. — Ты

не похож на прохиндея. Говори, что именно тебе нужно.

— Сам посуди, — ответил Конан. — За мною следует существо, рожденное не в Хайбории. Оно уже пыталось убить меня и наверняка не оставило своего намерения. Мне нужно то, что поможет отогнать эту тварь.

— Хорошенькое описание, — хмыкнул алхимик. При этом все лицо его отвратительно содрогнулось. — Даже не ясно, демон это или дух. Придется расставаться с драгоценными запасами. Сатти знал, куда тебя посылать. После глотка того снадобья, что я тебе дам, ни один выходец из другого измерения к тебе не приблизится.

Аямал подошел к одной из полок, снял с нее два сосуда и отдал их Конану.

— Вот, все что есть, — сказал толстяк. — Пить будешь по глотку, один раз в день. Больше — опасно для жизни и совершенно бессмысленно. В каждом сосуде по шесть порций. Как первый закончится, придешь ко мне. Я сделаю еще. Если с тварью со своей разберешься, тоже дай знать, чтобы я зря ингредиенты не переводил.

Киммериец откупорил одну из бутылочек и протянул ее Аямалу.

— Отпей, — попросил Конан.

Алхимик сделал глоток.

— Одной порцией меньше, — прокомментировал он.

Конан принял сосуд назад и тоже приложился к горлышку.

Снадобье оказалось горьким.

* * *

*День гибели Газила.
У вендийской границы.*

Уже третий день подряд отряд двигался на пределе.

Конан желал как можно скорее миновать опасный участок пути. До ближайшего городка на вендийской границы под названием Бхатинда было еще около полутора суток скачки. Там можно будет и отдохнуть, а до тех пор — сжать волю в кулак и терпеть. Того же киммериец требовал и от солдат.

Им приходилось нелегко. Ночью отряд останавливался всего на три колокола, за которые надо было успеть поесть и выспаться, а кому-то еще и выпадало дежурить.

Еще в Аграпуре, сидя над картами и отчетами путешественников, киммериец выделил те места, где ему представлялось наиболее вероятным нападение на отряд. Два из трех неблагоприятных участков сотня уже миновала. На первом никаких осложнений не возникло, а вот на втором завязалась нешуточная схватка с бандитами, в результате которой одиннадцать солдат отправились на Серые Равнины.

Третий, самый неприятный, участок приходился на ничейные земли вблизи закатной границы Вендии.

Издавна на эту территорию претендовали Туран и Кусала. Споры дипломаты вели самые ожесточенные, а вот осваивать земли ни один из

правителей так и не начал. Что вполне объяснимо: полей, где можно было бы выращивать злаки, здесь не было, руды также не имелось, одни лишь бескрайние джунгли.

Бескрайние и бесполезные, — деревьев ценных пород на этих землях также не росло.

Зато сквозь эти самые джунгли проходила дорога, ведущая из Вендии в полуденные части Турана. Если верить рассказам путешественников, то в ее окрестностях лет тридцать тому назад обосновались разбойники и уходить никуда не собирались. Жили они в основном не грабежами, а тем, что собирали дань с проезжающих караванов. Одиноких путников либо пропускали, либо, что чаще, убивали.

В любой другой ситуации Конан предпочел бы вступить в переговоры с разбойниками, но командир сотни, сопровождающей посла Турана, должен был блюсти свою честь и честь страны и не увиливать от схватки. Киммерийца такая перспектива не впечатляла. В первые же мгновенья боя добрую треть солдат из луков положат. Это не честь, а самоубийство.

Так и созрело решение проскочить. Если двигаться достаточно быстро, то разбойники просто не успеют устроить засаду, а ночного нападения Конан не очень-то и боялся. Бандиты потеряли бы свое главное преимущество: возможность вести прицельную стрельбу из луков.

Пока все шло идеально.

Только Шеймасаи жаловался на невыносимые условия, которые создал для него сотник. Конана

его нытье изрядно раздражало. Мало того, что он в своем экипаже мог спать, когда пожелает, так и основная потеря скорости происходила из-за него. Лошади экипажа уставали быстрее других, и приходилось сбавлять темп, чтобы дать им передышку.

Дорога в последнее время петляла страшнейшим образом. Это подстегивало Конана к дополнительной осторожности.

Два колокола назад он определил в дозор десяток Газила, солдат опытных, что смогут распознать засаду.

Только киммериец вспомнил о дозорных, как из-за поворота появился один из них. Амьен. Вид у него был сильно встревоженный.

— Что случилось? — крикнул киммериец.

Он скакал на два десятка шагов впереди основной группы солдат.

— На нас напали, — сказал Амьен, разворачивая свою лошадь, так, чтобы двигаться рядом с киммерийцем. — Обстреляли из луков. Газила ранили в шею, Осана убили и труп его забрали с собой. Остальные не пострадали.

— Убили кого-нибудь из них? — спросил Конан без особой надежды.

— Нет, они действовали очень быстро, — ответил Амьен. — И слажено.

— Понятно, — буркнул себе под нос киммериец. Затем поднялся в стременах, обернулся и крикнул. — Масул со своими, за мной! У нас там гости!

Конан пустил коня в галоп.

К нему присоединились Амьен и Масул со своим десятком.

По сторонам черно-зелеными красками переливались джунгли, образуя единое и неделимое полотно, в лицо бил бешеный ветер, в сердце зарождалось предчувствие схватки. Киммериец слишком долго ждал, слишком долго готовился. Вопреки разуму он всё-таки жаждал скрестить мечи с разбойниками, не перехитрить, а именно что перебороть их. Возможно, это в нем говорила молодость. А, может, то было лишь временное помутнение разума.

Скорее, второе. Потому что когда он увидел лежащего на дороге десятника в луже крови, от желания броситься на противника, не заботясь о последствиях, и следа не осталось.

Оставшиеся в живых семеро солдат стояли с натянутыми луками. Ждали повторного нападения. Откуда на этот раз может придти враг, им было неизвестно, и потому под прицелом они держали чащу по обе стороны от дороги.

Конан спрыгнул с коня и подбежал к Газилу.

Десятник был очень плох. Ему пробило стрелой шею, и он потерял слишком много крови, чтобы остаться в живых. Тем не менее, Газил держался стойко. Туранец не ныл, не стонал, глаза у него были широко раскрыты, и страха Конан там не увидел.

Заметив сотника, Газил улыбнулся краешком губ.

— Добей, — прошептал он.

Все это время десятник ждал своего команди-

ра, чтобы именно он исполнил его последнюю волю. Газил был страшным гордецом. Он не желал умереть от руки простого солдата.

— Эрлик примет твою душу, — произнес Конан. Газил вновь чуть ехидно улыбнулся.

Через мгновение клинок киммерийца отыскал в груди его сердце.

Конан подумал, что то была не самая дурная смерть для воина.

— Что здесь случилось? — спросил Масул, который не слышал разговора сотника с Амьеном.

— На нас напали, — ответил один из людей Газила. К Масулу он не повернулся и лука не опустил. — Подстрелили Осана, он ехал последним, схватили его тело и ринулись обратно в лес. Для острастки выпустили еще дюжину стрел. Одна из них и угодила в десятника.

— Вот что, — привлек к себе внимание Конан. — Масул, ты со своим десятком останешься здесь, будешь ждать приезда Шеймасаи. Погрузите труп Газила в экипаж и продолжите путь. А я с людьми десятника отправлюсь в лес. Попытаемся отбить тело Османа. Вряд ли разбойники ожидают от нас такой наглости.

— Но...

— Не спорь!

Конан и сам понимал, что его решение кажется неразумным. Да что там, оно и было неразумным! Но киммериец в тот момент ощущал острую необходимость поквитаться с разбойниками.

— И куда они пошли? — спросил сотник у Амьена.

Туранец указал направление.

— За мной, — велел Конан и первым двинулся в джунгли.

Солдаты подчинились, хоть и с явной неохотой. На дороге они чувствовали себя более уверенно. Одетым в доспехи воинам царя Идиза пробираться меж ветвей и лиан было очень неудобно. Но хуже всех, конечно, было Конану, который шел впереди. Все остальные двигались по его стопам.

Так, выстроившись цепочкой, туранские солдаты под предводительством Конана из Киммерии все дальше и дальше углублялись в джунгли. Примерно через полколокола ходьбы северянин начал осознавать всю бредовость собственной затеи. Кого он надеялся здесь найти?!

Но только он собрался отдать приказ возвращаться, как откуда-то сбоку послышались человеческие голоса. Киммериец жестами приказал солдатам не шуметь и начал медленно продвигаться в сторону этих звуков.

Вскоре деревья начали редеть, и впереди показался небольшой каменный храм. Под напором лет он заметно обветшал. Кладка обваливалась, лианы так плотно увивали уцелевшие стены, что камень едва был виден. Лет через десять или даже раньше это строение должен был окончательно поглотить ненасытный зев джунглей, не оставив о нем даже памяти.

— Амьен, пойдешь со мной, — киммериец вспомнил, что Газил всегда привечал этого солдата больше других. Мнению покойного десятника

Конан доверял, в любимчики к нему попадали только исключительные воины. — Остальным — оставаться здесь и смотреть в оба. Если что, бегите на дорогу. Предупредите отряд об опасности.

Солдаты дружно закивали.

— Пошли, — шепнул Конан Амьену, и они начали короткими перебежками продвигаться к храму.

Вблизи строения голоса стали отчетливей.

Какой-то человек вещал внутри храма, затем спустя некоторое время другие отвечали ему.

Снаружи людей не было видно, и Конан рискнул подобраться к одному из оконных проемов.

Внутри храма на коленях перед статуей божества, у которого по воле неумолимого времени не было головы и части правой руки, стояло четыре десятка человек.

В основном, мужчины и женщины... Детей и стариков почти не было. Рядом со статуей находился небольшой каменный трон, на котором восседал красивый широкоплечий мужчина с густыми черными волосами. Он только закончил произносить речь. Именно его голос Конан и различил в джунглях.

Амьен указал киммерийцу на алтарь, расположенный по другую сторону от статуи. На нем лежала окровавленная голова Осана.

Черноволосый красавец тем временем поднялся с трона, повернулся к божеству и воздел вверх обе руки. Остальные люди повторили его этот жест.

— Варха! — крикнул черноволосый.

— Варха! Варха! Варха! — вторили ему собравшиеся.

— Прими нашу жертву бог-хранитель, — сказал то ли предводитель, то ли жрец. Говорил он на вендийском языке с небольшой примесью восточных диалектов Кусалы. Не без труда, но Конан понимал, о чем идет речь. — Насыться кровью славного воина и даруй нам свою милость. Услышь мой голос, великий Варха!

— Услышь наш голос, Варха! Варха! Варха!

— К тебе взывают дети твои, — продолжал черноволосый. — Те, что живут издревле на землях, дарованных тобой. Те, что пронесли сквозь века веру в тебя. Обрати же свой взор на нас и узри, что мы умираем, Варха!

— Умираем, Варха! Варха! Варха!

— Земли наши перестали давать урожай. Хищные звери пожирают наших детей и стариков. Почему ты допускаешь это? Мы же свято чтим твои заветы. Не знаем женщин, кроме сестер своих и матерей, воровства не терпим, обгагреем кровью своей твой алтарь. Не о многом мы тебя просим. Даруй нам зерна столько, чтобы насытиться мы могли. Чтобы не прекратился наш род, Варха!

— Варха! Варха! Варха!

Черноволосый красавец схватил голову Осана и принялся колотить ею о грудь статуи.

Киммериец отвернулся.

— Пора возвращаться, — похлопал он по плечу Амьену.

Ветеран удивленно посмотрел на сотника.

Конан догадался, что тот хотел у него спросить.

— Нет, мы не будем их убивать, — проговорил северянин. — Когда прибудем в Бхатинду, я расскажу об этом месте кшатриям. Они вынесут приговор и приведут его в исполнение.

— Я понял, — сказал туранец.

Они медленно, не таясь брели к своим засевшим в джунглях товарищам.

Конан сомневался, что Амьен действительно понял, почему сотник решил отказаться от места. Дело было не в страхе потерять людей и не в возможном гневе Шеймасаи. Киммерийцу просто не хотелось пачкаться. Даже недолгое пребывание вблизи этих людей оставило на его душе неприглядное грязное пятно. Унизить же себя их убийством представлялось Конану совсем уж чем-то запредельным.

Из-за деревьев начали один за другим выходить солдаты. Они непонимающе смотрели на приближающихся Конана и Амьена.

Со стороны храма продолжало доноситься бесконечное: «Варха! Варха! Варха!»

* * *

Второй день расследования. Казармы.

Приятно было проснуться и обнаружить, что жив... Конан, во всяком случае, искренне радовался тому, что он по-прежнему в Вендии, а не на Серых Равнинах.

А с каким трудом он заставил себя лечь!

Вернувшись в казармы из лавки алхимика, киммериец уселся играть с солдатами в кости. Одновременно с этим была заключена сделка с совестью. Конан обязал себя верить, что он не ложится спать, потому что хочет дождаться Амьена, которого с утра никто не видел.

На самом же деле киммериец боялся, что действие снадобья может закончиться и тень объявится вновь. После визита к Аямалу Конан перестал замечать ее присутствие, но насколько он себе представлял природу этой твари, тень по-прежнему находилась неподалеку и ожидала того момента, когда сила эликсира иссякнет.

Ближе к третьему послеполуночному колоколу сотник начал задумываться и об Амьене. Зря он отнесся к его встрече с фансигарами с такой прохладцей. Что если у него уже не появится шанса поговорить с новоявленным десятником?!

Окончательно испортили настроение кости, которые сегодня принципиально не желали ложиться нужным образом. Когда киммериец понял, что успел спустить половину месячного жалования, то, послав по проклятью всем известным ему вендийским богам, отправился спать. Со злости даже отказался от идеи поставить дежурить у своих дверей парочку солдат.

Уснул он не сразу: слишком много эмоций накопилось. Но потом усталость взяла свое.

Сейчас-то все вчерашние страхи казались киммерийцу смешными, но ночью они были вполне осязаемыми.

Конан быстро привел себя в порядок, надел чистый наряд и отправился завтракать.

О серьезных вещах он с солдатами специально не заговаривал. Нечего себе и им настроение портить. Болтали за столом все больше о местных красотках, что щедро одаривали туранцев любовью.

За этим разговором киммериец вспомнил, что уже довольно давно не был у Рамини. Вендийка могла на него за это обидеться.

Взвесив все «за» и «против», Конан решил ненадолго отложить визит к Тхану. Первым делом сегодня стоило посетить храм Иштар. Киммериец представил, как Рамини будет рада его видеть. Можно будет позвать к ней в покои и других жриц и на три-четыре колокола отрешиться от всех проблем.

Чем больше северянин думал о такой возможности, тем сильнее ему хотелось поскорее очутиться на мягкой постели верховной жрицы Иштар.

— Сотник, — обратился к замечтавшемуся киммерийцу Хасан. — Знаете, а ведь Амьен так и не вернулся. Не случилось бы с ним чего. Вдруг кто-то нам за браминов, убитых Хамаром, решил отомстить.

— Я поищу его, — пообещал Конан, поднимаясь из-за стола.

Ну, уж нет! Никаких убийств! Никаких браминов!

Сначала продолжительные женские ласки, прохладное вино и ощущение блаженства. Толь-

ко после этого киммериец был согласен вернуться в этот бренный мир.

Киммериец спешно покинул казармы и быстрым шагом устремился к храму Иштар, где ждала его Рамини.

Впервые за долгое время он не обращал внимания на толпы вендийцев на улицах и безо всякого стеснения отталкивал прохожих в сторону. Сколько раз он уступал им дорогу, теперь пришла и их очередь.

Находясь под воздействием захлестнувшей его идеи, Конан не сразу заметил, что кто-то его окликает по имени.

Он обернулся и увидел, что к нему спешит Залиль.

Внучке Телиды киммериец всегда был рад, но сейчас она выбрала очень неподходящее место для встречи. Почти перед самым храмом Иштар. Если Рамини увидит ее, беседующей с Конаном, не миновать страшнейшего скандала.

— Конан! — Залиль остановилась в шаге от киммерийца. — Я зову, зову тебя, а ты не слышишь...

— Прости, пожалуйста, — северянин обнял девушку и начал гладить по волосам.

Но Залиль от него отстранилась.

— Я к тебе не за этим, — заявила она. — Меня Телида послала.

— Что-то случилось? — обеспокоено поинтересовался Конан.

— Они просила передать, что твоего знакомого по имени Сатти сегодня утром убили.

* * *

На этом месте, мои любезные читатели, мы ненадолго прервемся. Вместе с Конаном мы многое услышали и многое повидали. Стоит взять небольшую паузу, дабы осмыслить то, что осталось позади, попытаться проникнуть в тайны прошлого, настоящего и будущего. Кто друг? Кто враг? Что ждет киммерийца в дальнейшем, какие трудности его подстерегают? Пока больше вопросов, чем ответов. Но так уж устроен мир, что разобраться в нем очень непросто. Особенно если речь идет о той его частичке, что именуется Вендией.

...если вы не боитесь ответов, читайте продолжение романа «Город у священной реки»

Всегда ваш, Брэнт Йенсен

Гнев Загана

В юго-западу от Замбулы, там, где Стикс изгибается, словно хвост Ханумана, стоит город, о котором не знает большинство географов и который принято считать выдумкой измученных пустыней путешественников. Ибо город возникает из песка столь неожиданно, что похож на мираж, и глубина прохладной тени на его улицах заставляет считать ее нереальной. Вместо собак по улицам этого города бродят кошки, а башни его столь высоки, что, говорят, в хорошую погоду можно увидеть берег Западного моря.

И к этому городу, называя его Хатор, идут тайные караваны из Кешана и Пунта. Жители города заключили с торговцами договор, по которому никому другому нельзя называть ни имени города, ни его местоположения. И караванщики строго блюдут договор. Но невозможно вечно

скрывать истину, рано или поздно она тем или иным путем просачивается туда, где ей не положено быть. Так случилось и со скрытым в пустыне городом Хатор.

В месяц раджаб, в день, который шемиты называют субботой и считают днем отдыха, когда нельзя заниматься никакой работой, стояла невыносимая жара. Духота стягивала горло, словно безжалостный наемный убийца удавкой.словно весь мир вокруг был заточен в каменный гроб с синей крышкой неба, на котором не было ни облачка.

В полдень глашатаи посредством медных труб возвестили о том, что ворота города открываются. А как только трубы перестали гудеть, заскрипели тяжелые ворота и послышались вопли погонщиков верблюдов — в город вошел давно ожидаемый караван из Кешлы.

Верблюды шли, будто улыбаясь, с хитрым видом посматривая по сторонам. Кошки шипели на них и выгибали спины, но пустынные животные не обращали на кошек никакого внимания, погруженные в какие-то свои, только им известные думы. Тюки и сундуки на их спинах плавно покачивались в такт движениям. Когда караван полностью прошел в ворота, послышались пронзительно резкие крики погонщиков верблюдов, и животные стали садиться на площади перед воротами. Многочисленные зеваки стояли вокруг, занимаясь тем, чем во всех городах, во все времена, во всех странах занимаются зеваки — глазели.

И на этот раз они действительно увидели не-

что, на что можно было поглазеть. Человека в белой рубахе и красных шароварах, подпоясанных широким кушаком. Так обычно одевались казаки, но вживую никто из жителей Хатора ни одного из них прежде не видел. На боку казака висела огромная кривая сабля, а грива черных волос была заплетена в толстую косу, скрепленную красной тесемкой. Рубаха распахнута на груди, и даже с большого расстояния было заметно, как сильно она вздымается. Купцы подобрали его в пустыне возле павшей лошади, из которой он пил кровь, ибо другого средства спастись от жажды у него не было.

Человек осматривался, и многие зеваки, столкнувшись с ним взглядом, вынуждены были потупить глаза. Ибо цепкий взгляд холодных голубых глаз невозможно было вынести.

Он оглядывал все, что попадало в поле его зрения — дома, лавки, паланкины, одежду, особенно украшения на женщинах, отчего многие красотки смущались, но его это мало волновало. Ибо сейчас он больше интересовался именно украшениями, а не теми, на которых это было надето. Разве что вскользь, просто потому что все-таки был мужчиной, а не каменным истуканом. Впрочем украшения на мужчинах вызывали у него не меньшее любопытство, и в глазах появлялся нехороший хищный блеск.

За долгие годы странствий он привык видеть все мелочи, особенно, когда дело касалось незнакомого места. Именно они часто играют решающую роль.

Казак соскочил с верблюда и подошел к вож-
дю каравана, который опустился на землю по-
следним. Казак поклонился ему и сказал:

— Джибрил, моя жизнь — твоя.

Эта обычная формула благодарности среди
людей пустыни, звучала нелепо в устах черново-
лосого гиганта, по сравнению с которым Джиб-
рил выглядел ягненком рядом с быком.

— Сядь рядом, Конан. Прежде, чем ты уй-
дешь, я хочу тебе кое-что сказать, — произнес он
и опустился на корточки.

Конан присел в двух шагах от Джибрила и
принялся смотреть в том же направлении, что и
он. Перед ними были три башни разной высоты,
определяющие вертикальный силуэт города. Кры-
ши башен были пусты, а на остальных во множе-
стве виднелись опахала, парусиновые навесы и
шесты с развевающимися бумажными лентами,
шелест которых должен был отгонять от домов
злых духов, носящихся над пустыней.

Джибрил сказал:

— Обычно те, кого мы спасаем, становятся на-
шими рабами, что естественно, поскольку сами
они потеряли свою жизнь, а мы нашли ее. Но ты,
Конан, другое дело. Ты не способен быть рабом,
ты свободен внутри себя, свободен, даже если те-
бя заковать в цепи. Ты говорил о том, что иногда
становился рабом, но на самом деле этого не бы-
ло. Когда тебя приковывали цепями в рудниках
или на галерах, они приковывали лишь твое те-
ло, они лишали тебя подвижности, но не свобо-
ды. Поверь мне, Конан, я перевидал на своем ве-

ку много людей, и многие из них были рабами,
многие свободными, но человека твоего духа я
никогда прежде не встречал. Ты пройдешь через
любые препятствия, даже магические оковы не
остановят тебя, только лишь частично и на вре-
мя. Я сказал, теперь уходи.

Не отвечая, ибо знал, что Джибрил не хочет
ничего услышать, Конан поднялся и увидел, что
все зеваки, прежде глазевшие на него, смотрят
теперь в другую сторону. Он поступил, как все.
И увидел девушку. Она шла в окружении полу-
обнаженных мужчин и женщин, и толпы кошек,
которая увеличивалась с каждым ее шагом, ибо
все кошки с площади вливались в эту толпу. Они
громко мяукали и заглядывали девушке в лицо,
словно приветствуя свою богиню.

Она была прекрасна. Длинные черные волосы,
мягкие как шелк, струились по ее белым одеж-
дам, обрамляя лицо без малейших следов загара
с изящно изогнутыми бровями, чувственными
губами и глазами, в которых светился неуголи-
мый огонь страсти. «Лилува, Лилува», — слы-
шался восхищенный шепот вокруг.

— Ты прибыл с караваном? — спросила она
казака.

— Да, — ответил он. — Купцы подобрали меня
посреди пустыни, когда я уже готовился встре-
титься со своим прародителем Кромом.

— Как тебя зовут?

— Конан. Конан из Киммерии.

— На тебе странные для киммерийца одежды.
Насколько мне известно, так одеваются казаки,

но они так же далеко отсюда, как и твоя Киммерия. Как ты оказался в пустыне?

Конан помрачнел.

— Я сбежал с галеры. Прихватив коня. За мной охотились, и мне пришлось уходить вглубь пустыни. И, пожалуй, я забрался слишком далеко.

— Так ты раб? — презрительно бросила Лилува.

— Я — свободный человек, — сказал Конан, и в голосе прозвучала такая уверенность, что усомниться в его словах было невозможно. — Меня захватили во сне, когда я выпил лишнего, — добавил Конан. — Эти проклятые капитаны галер готовы на любую подлость. Я прибыл в Луксур для торговых переговоров, но не успел ни с кем переговорить, не успел даже выйти из порта.

Лилува скользила взглядом по телу Конана с откровенностью возбужденной львицы.

— Ты прекрасен. Наверное, ты еще прекраснее без этой варварской одежды. Хотела бы я увидеть тебя... И если бы ты был рабом, я бы купила тебя. Но даже если ты раб, сейчас у тебя нет хозяина, и я не могу тебя купить... Только если ты сам согласишься стать моим рабом. Что ты об этом думаешь, казак?

Конан помрачнел. Эта женщина нравилась ему, но он вовсе не хотел становиться ее рабом. Он привык быть господином над женщинами и менять привычки не собирался. От женщины буквально исходили ядовитые миазмы власти. Она пронзала киммерийца таким жалающим взглядом, что у более слабодушного человека подкосились бы колени, и он бы смог вымолвить только то,

что подсказывала женщина, а именно согласиться стать ее рабом.

— Нет, красавица, — сказал Конан, покачав головой. — Я хочу остаться свободным человеком.

— Ты заигрываешь со мной, варвар? Хочешь, чтобы я попросила тебя дважды? — спросила она надменным тоном.

— Принцесса... — сказал он.

— Я не принцесса, я — защитница, — заявила она и повернулась к Конану спиной. Все ее рабы и кошки тоже отвернулись от киммерийца. Он видел затылки, плечи, уши, хвосты — и во всем было презрение.

— Ты изменишь свое мнение, — сказала Лилува. — И очень скоро.

2

От площади перед городскими воротами отходило четыре улочки, но одна особенно привлекла Конана. И не только пестрой толпой, но еще и удивительным запахом, в котором смешались все мыслимые, известные и неизвестные ароматы. Конан направился по ней.

Впереди Конана шли три женщины с пустыми корзинами. Дородные женщины с румяными улыбочивыми лицами и толстыми руками, болтавшие между собой о мясе, рыбе, фруктах и овощах. Они часто оборачивались на казака, переглядывались между собой, и тогда их речи становились тихими и неслышными, а полные зады

начинали двигаться не только по необходимости. Но это длилось лишь несколько мгновений, они быстро забывали об уловках женственности, и снова принимались за кухонные разговоры.

У входа на базар Конана за рукав поймал продавец щербета с лицом, не располагающим ни к чему, тем более, к покупке у него сладкого напитка. У продавца был помятый медный кувшин, висящий у живота на лямках через плечо, и глиняные кружки на веревочках, к которым были привязаны маленькие серебряные колокольчики. Все, как обычно. Однако у него отсутствовал кончик носа, на спине вздымался горб, едва ли не как у верблюда, а на руке, которой он протягивал Конану кружку с напитком, имелся лишний большой палец.

Конан помотал головой и шагнул в сторону. Урод еще больше сгорбился и отвернулся.

Другой продавец, уже вполне приятный на вид молодой человек, с лицом женственным, обезображенным только большой родинкой под левым глазом, протянул казаку поднос с жареной саранчой на шампурах.

— Саранча! — несмело сказал он, слегка побаиваясь огромного чужака с саблей. — Вкусно! — И в подтверждение собственных слов съел одно насекомое.

— Да так ты сам съешь свой товар быстрее, чем продашь его! — с усмешкой сказал Конан, да так громко, что парень едва не поперхнулся.

Торговые ряды впечатляли. Фрукты, овощи, мясо, ковры, специи, керамика, бронза и медь,

оружие и ювелирные изделия. Богатый город! И богатые люди, ибо Конан примечал, что за многими следуют слуги, сгибаясь под тяжестью покупок.

Но больше всего Конана заинтересовала одна лавка, за которой стоял расшитый цветами и птицами шатер, с окнами из полупрозрачного шелка, за которым танцевали тени соблазнительных фигур. Они покачивали бедрами, вращали животами, изгибали плечи, становясь в профиль, так что видны были очертания прекрасных грудей. Руки двигались словно змеи. От шатра исходил запах сандала, мускуса и амбры.

Несколько праздных зевак стояли с открытыми ртами и глазами, едва не пуская слюни. За исключением одного маленького сухого старика, опирающегося на посох, согбенного и дрожащего, это были юнцы, ланиты которых пылали даже сквозь обычную для жителей Стигии бронзовость кожи.

Перед шатром стоял крытый парусиновым навесом прилавок, на нем была воздвигнута гора из фруктов, слева от нее сидел большой зеленый попугай, флегматично глядевший на людскую суету, а справа обедал толстый, с заплывшими жиром черными глазками, чернобородый купец. И очень увлеченно. Так увлеченно может обедать только человек, который ценит все тонкости еды, знает ее открытые и скрытые стороны, способен насладиться каждой рисинкой в казане плова. А плов у купца был весьма знатен. При чем, не в одном жалком казане, а в двух. Пользу-

ясь левой и правой горстями, чернобородый господин черпал то из одного, то из другого. Маслянистый взгляд метался, а в складках лица отражалось вожделение.

Даже издали было заметно, что в драгоценных оправках из длинного золотистого риса имеются бриллианты мяса, фасоли, моркови и разваренного чеснока, который он выдавливал в рот целыми головками, — это в одном казане, а в другом — плов украшали не менее десяти сортов разных фруктов.

Заметив приближающегося к нему необыкновенного пришельца в белой рубахе и красных шароварах, купец в первый момент от неожиданности даже забыл о том, что ест. Он застыл с раскрытым ртом, и оттуда медленно и вальяжно, как мелкая рыбка изо рта загарпуненной акулы, вывалился облепленный рисинками кусочек жирного мяса.

Потом купец спохватился и закрыл рот. Зато пошире раскрыл глаза, вперившись в меч Конана. Купец оценил оружие сразу же, и алчность отразилась у него на лице, затмив вожделение — складки сложились иным образом. Кривая улыбка, еще более кривая, чем меч, ничуть не могла скрыть этой алчности, скорее даже только ярче обозначила ее.

— Неплохой меч, — сквозь зубы процедил купец, потянувшись жирными пальцами к эфесу. — Пожалуй, пару серебряных монет я за него дам.

— Меч только вместе со мной, — заявил Ко-

нан. — Мы готовы оказать любую, ну, или почти любую услугу за достойную плату, но не расстаться.

Чернобородый вытер правую руку о ярко расшитый халат и, засунув руку за пазуху, вытащил сосуд для игры в кости и вытряхнул из него четыре кубика. Несмотря на толщину, пальцы его оказались весьма проворными — они со шелканьем быстро покрутили кубики и бросили пришельцу.

Конан поймал кубики.

— Ну что, — сказал купец. — А сыграть? Твой меч против половины моего имущества, включая рабынь? Рабыни цвета слоновой кости и рабыни цвета кофе, рабыни, умеющие извиваться, как змеи, и рабыни, страстные, как кошки? А, чужеземец? Игра ведь благородное дело и любима богами. Даже Гор и Сет играют, хоть и враги.

— Я не поклоняюсь ни тому, ни другому, купец. Твоего имущества мне не нужно, но речь о рабынях заинтересовала меня. Мы сыграем. Только я кину первым.

И Конан, не мешкая, бросил кости на прилавок. Шестерка, пятерка, четверка и тройка. Купец даже не успел ничего возразить. Пальцы его бесцельно крутили сосуд, он открывал рот, как рыба.

— Венус, — сказал Конан.

— Но... — удалось вымолвить купцу. — Мы ведь не успели ни о чем договориться. Мы даже не договорились о правилах игры...

Конан нахмурился и возложил одну руку на

эфес меча, а другой молниеносным движением сгреб с прилавка кости.

— Я играю только так и никак иначе. А ты хотел играть. Так что, все, игра сыграна. Так сколько, ты говорил, у тебя рабынь?

— Но, по крайней мере, ты ведь должен был метнуть из сосуда, из руки не считается...

— Ты считаешь меня мошенником? — зловещим, не предвещавшим собеседнику ничего хорошего тоном осведомился Конан.

— Нет, но... — промолвил купец, и вдруг лицо его озарилось подобием счастья. Он торжествующе осклабился. — Пожалуйста сюда, господа стражники!

Конан обернулся. К ним приближались два рослых негра, единственную одежду которых составляли набедренные повязки. Негры были вооружены тяжелыми железными палками с утолщениями в виде кулака на конце. Люди уступали им дорогу, почтительно кланяясь.

Чернобородый купец даже привстал, но стражники, видя, что перед ними чужеземец, к тому же, вооруженный, остановились в трех шагах от прилавка.

— Вот этот господин, — сказал купец, указывая на Конана, — нарушил правила игры в зернь. У него выпал венус, но он метнул кости не из сосуда, а из руки!

— У нас всегда метают кости из руки. А у вас такой мирный город... Вы же не хотите, чтобы он перестал таким быть? — сказал Конан прежним тоном, возложив руку на меч.

Негры наклонили свои железные палки, не иначе как в знак угрозы. Но у киммерийца тоже было, чем ответить. И негры, судя по их напряженным лицам, это понимали.

— Вы оба правы, — сказал один из них после весьма продолжительного молчания. — Каждый действовал в соответствии со своими правилами. Чужеземец действительно выиграл, но и ты, купец, не проиграл.

Чернобородый схватился за бороду и закатил глаза.

— О, как же я счастлив, что такой великий мудрец разрешил столь трудную задачу! — воскликнул он.

Конану показалось, что в его словах сквозит ирония.

— Разве можно, чтобы один игрок выиграл, а другой не проиграл? — спросил Конан.

— У нас — можно, — ответил стражник и, видя, что Конан помрачнел еще больше, добавил: — Но ты имеешь право на небольшую компенсацию за моральный ущерб. Мы уважительно и с пониманием относимся к чужеземцам и готовы пойти им навстречу, только чтобы не ранить их чувства!.. — Суровый взгляд стражника обратился теперь на купца.

Чернобородый шумно вздохнул и полез в обширный кошель, висевший у него на поясе. Довольно долго рылся в нем, прежде чем извлечь на свет три тусклых монетки. Потом подумал, убрал монетки обратно и достал серебряный шекель.

— Вот, чужеземец, эта монетка должна быть тебе более знакома, ты знаешь ее цену, а я не хочу, чтобы ты подумал, будто я тебя обманываю. Этого хватит, чтобы оплатить приличную гостиницу на неделю. Мы люди честные, и если ты надумаешь снова играть, приходи. Но, конечно, играть будем по нашим правилам.

Уходя и задумчиво поглаживая широкий пояс в том месте, где были спрятаны его личные игральные кости, всегда выпадавшие на венус, Конан не оборачивался и не мог увидеть, как чернородый купец склонился за прилавок и в тени от фруктовой горы, с ворчливым полусшепотом принялся сам с собою играть в кости. И всегда получал именно тот результат, который хотел, ибо и кости, и сосуд обладали особым секретом.

3

В одном дне пути от Хатора скарабеи и ящерицы со страхом приглядывались к лагерю незнакомцев, подобных которым прежде в пустыне не было. Они не были ни обычными караванщиками, ни стигийскими воинами. Все были в шароварах — всех цветов радуги, которую, впрочем, ни один из ныне живущих скарабеев не видел.

Рубахи тоже были жутко пестрые, что никак не вязалось с ровным по цвету пустынным пейзажем. Головы были с косами, чубами или совсем лысые, натертые для защиты от солнца особым маслом. Ко всему прочему, пришельцы наруша-

ли покой песков громкими голосами и частым хохотом. Они красовались друг перед другом, всячески упражняясь в остроумии, как они его понимали.

И больше всего дружеских колкостей, подначек было направлено на самого уважаемого среди них человека, на атамана. Но уж таковы были эти люди, пришедшие с берегов далекой реки Запорожка, живущие войной и вольностями. Беспечные, как птицы, и яростные, как вепри.

У атамана были черные шаровары, красная рубаха и красные сафьяновые сапоги, он был подпоясан белым кушаком, а на боку у него висела чудовищных размеров сабля. Эта сабля вообще-то предназначалась для расправы с преступниками, положившими голову на плаху, и была слишком тяжелой для обычного человека. Но атаман был человеком необычным. Несмотря на видимую тучность, он обладал великолепными, мощными и подвижными мышцами, и управлялся с тяжелым ятаганом так, словно тот был сделан из дерева.

Атаман был лыс, имел красный цвет лица, а под носом у него висели такие замечательные черные усы, что о них говорили, будто они живут собственной жизнью, и, когда хозяин спит, гуляют вчерную, напиваясь пивом и щекоча девок.

— Оруз, съешь арбуз! — орал какой-нибудь казак, подбоченясь, и первым смеялся собственной шутке.

Но тут же, перебивая его, орал другой:

— Да он уже съел! Гляди-ка, брат, вот же ротки из ноздрей торчат!

— А и вправду! Вот чудно! И в голове у него одна мякоть! — подхватывал первый, и смеялись теперь оба вместе.

Оруз грозил нагайкой, плевался, и, пряча улыбку, восклицал:

— Ну, погодите у меня, охальники, доберусь я до вас, вот уж мало вам не покажется!

Казак только пуще смеялись. Ну и отходит иной раз Оруз нагайкой, так велика ли беда? Нагайка казаку, что массаж какому-нибудь изнеженному офицеру, только кости размять. А то застаивается кровь, деревенеют суставы, и дряблыми делаются мышцы.

Уже восемь дней стояли лагерем казаки, и это им порядком поднадоело. Одно развлечение — жуков да ящериц давить.

Пять дней назад из лагеря отправился лазутчик. Великий воин. Родившийся в Киммерии. Не казак по крови, но казак в душе. Оруз относился к нему, как к собственному сыну. Год назад он нашел его, умирающего, привязанного к мертвому дереву посреди пустыни. Киммериец более-менее успешно отбивался от голодных птиц, но голодные жуки уже потихонечку, маленькими кусочками ели его. И Оруз знал, на что способны эти твари. Они съедают человека за неделю, но первые два дня человек жив. У него уже нет глаз, нет кожи, проклятые шуршащие твари бродят в его голове, кишках и легких, а он все еще жив — и способен понять, что полусъеден. Пока твари

не добираются до его сердца, оно бьется и посылает в мозг достаточно крови, чтобы хватило на самые страшные мысли, какие только возможны. Человек уже за пределами реальности, он в самых мрачных глубинах ада, куда даже сам Люцифер из брезгливости и отвращения не спускается.

Оруз стал спасителем киммерийцу. Прошло всего лишь несколько часов с тех пор, когда его оставили умирать мучительной смертью, и мелкие твари лишь слегка испортили его кожу. Спасенного звали Конан. Вскоре выяснилось, что он привык к жизни воина и отлично умеет держать меч.

Конан сам вызвался идти лазутчиком в город. Оруз не стал возражать. Положа руку на сердце, он мог без обиняков сказать, что Конан самый рассудительный среди окружавших его в этом походе казаков. Кому как не ему поручить столь важное и опасное дело?

Но он уже должен был вернуться. День туда, день обратно. А пару дней на месте должно было хватить за глаза. Город богат, по слухам, очень богат, но не велик. Всего-то и требовалось Конану, что разузнать, силен ли гарнизон, насколько хорошо обучены его воины и действительно ли город богат. Ну, и еще что заметить, если важное. Особенно насчет всяких заразных болезней, о которых большинство казаков понятия не имело, и любую болезнь почитало за разновидность насморка — поболит, само пройдет.

Юлма, молодой сильный казак, большой задир, недолюбливавший Конана за то, что тот обы-

грал его в нескольких воинских состязаниях, приблизился к Орузу с обеспокоенным лицом.

Другие казаки, смекнув, что предстоит важный разговор, разом утихли.

— Что-то долго нет твоего Конана. Если завтра утром он не появится, мы сами туда пойдем, — сказал Юлма. Потом воскликнул: — Зачем нам лазутчик, парни? Мы что, боимся каких-то неженков, засевших в городе?

— Не боимся! — возмущенно завопили вокруг.

— И все же, Юлма, будь бдительнее, — сказал Оруз. — Поверь мне, я много городов перевидал, много мужчин зарубил, много девочек сделал женщинами, горы золота и изумрудов потратил, озера вина и пива выпил, но много и товарищей потерял. Город городу рознь. Осторожность не помешает.

— Ха! — возмутился Юлма. — Да разве это город? Ты же помнишь, что рассказывал купец Раджниш из Гулистана. Одна маленькая крепость в середине, да и то бабская обитель.

Казаки громко заржали. Юлма стоял, уперев руки в бока, широко расставив ноги, и ржал громче всех.

Оруз вдруг помрачнел. Тяжелые думы были у него на сердце, тяжелые воспоминания придавили вольную душу словно камнем.

Перед его мысленным взором предстало лицо Шанкора. Бледное, худое, с черными пятнами. И бескровные губы его, прошептавшие последнее прощанье. Он слишком поздно понял, что зря ослушался отца. Не надо было идти в незнакомый го-

род, не послав туда лазутчика. Не стоило сразу же там пьянствовать и портить девок. Потому что в городе, как чуть позже выяснилось, свирепствовала черная смерть. И поэтому никто не оказал жестоким казакам сопротивления, а не потому что в городе не было настоящих мужчин, способных держать оружие, как посчитал беспечный Шанкор.

Шанкор, сын мой единственный, прости и ты меня, что не уберег, не отговорил, не достаточно ясно изложил свои подозрения! Так в который уже раз говорил себе Оруз, погружившись думами в прошлое.

Прости и за то, что позволил тебе умереть в мучениях, полностью пройти ад черной болезни! А не умертвил крепкой отцовской рукой! Ибо казаку пристало умирать от железа, а не от гнили, разъедающей тело!

— Что задумался, атаман? — прервал его мрачные мысли Юлма. — Думаешь, не предал ли нас Конан?

Оруз вскинулся и хлестнул нагайкой, метя злоязыкому казаку в лицо. Юлма уклонился, ухмыляясь.

— Да ты что, Юл! — загомонили вокруг казаки. — Это ты брось! От жары язык заплетается?!

Оруз взялся за рукоять меча, помрачнев как зимнее небо Асгарда.

— Говори, а не болтай попусту языком! — загремел он.

Юлма перестал ухмыляться.

— Помнишь, атаман, деревеньку, где жили

грязные обезьяны, пропахшие рыбой? — спросил Юлма.

— Еще бы! — завопил Оруз. — Вместо того чтобы приветить нас, они вышли против нас с трезубцами! Нам пришлось поучить их уму-разуму. А зато мы славно размяли косточки! Поджарили их сучек вместе со щенятами! — Оруз стал еще краснее и затрясся всем телом в могучем смехе, мотая усами и хлопая себя по животу.

Он вспомнил женщин, вопящих в зажженных казаками домах, детей, которые путались под ногами и которых казаки с помощью пик возвращали в дома, пусть погреются под боком у мамки! Жалко их не было — они мало чем отличались от рыб, которых ловили в мутных водах Стикса, разве что у них было по две руки и ноги, да кричали они гораздо громче!

Смех атамана подхватили и другие казаки, а некоторые стали изображать корчащихся в муках грязных рыбаков, приводя соратников в еще более веселое неистовство.

— Мы-то, да, — сказал Юлма, едва сдерживаясь, чтобы самому не расхохотаться. — А ты видел, Оруз, чтобы Конан убил хоть одну грязную обезьяну, хоть одного щенка бросил прожариться к его мамке?

Оруз смолк. Смолкли и другие. Южное солнце прилипло к горизонту. Быстро смеркалось.

— Хм, Юлма, а ведь ты, может, и прав, — сказал Оруз. — А что если Конан и этих городских слизней пожалеет? Слабодушный он, хоть и крепок телом. Нет в нем казачьей твердости.

Между днем и ночью в Стигии расстояние небольшое, и бродя вдоль внешних городских стен, удивляясь отсутствию трущоб и нищих, этих непременных спутников больших городов, Конан и не заметил, что спустилась ночь. И уставилась на киммерийца кошачьими глазами из теней и звездами с неба.

Не спрашивая дорогу, поскольку спрашивать уже было не у кого, ни одного прохожего Конан не встретил, он добрался до таверны, которую приметил еще днем. Тяжелая дверь была открыта, изнутри вырывались запахи съестного, приглушенные голоса и колеблющийся свет очага. Конан почувствовал вдруг, как зверски проголодался, да и промочить горло добрым вином не помешало бы.

Он остановился на пороге, осматриваясь в поисках удобного места, когда возле него буквально из ниоткуда возник потный толстяк, обнаженный по пояс.

— Чего изволите? — спросил он, улыбаясь, как лопнувшая тыква.

— Хороший ужин и ночлег, — ответил Конан, бросая толстяку полновесный серебряный шекель.

Рука с жирными пальцами оказалась куда ловчее в действии, чем на вид, и шекель исчез где-то в складках просторной одежды.

— У нас лучшая еда в городе, смею вас уверить, как хозяин этого угодного богам заведе-

ния, — заявил толстяк. — Конечно, не считая двorca защитницы.

— Верю, — сказал Конан. — Но не на слово. Поторопись, толстяк, а то я умираю от жажды.

Не обращая больше внимания на хозяина, киммериец уселся за свободный чистый стол и уставился на очаг, над которым готовился онагр приличных размеров.

С туши в огонь с шипением падал жир. Конан почувствовал в животе пустоту, которая истошно вопила, что ее немедленно надо чем-нибудь заполнить, иначе она проглотит самого Конана. Жажда на самом деле оказалась не единственной проблемой.

Конан огляделся. И заметил возле очага существо в лохмотьях, отдаленно напоминающее ребенка. Лицо у существа было красное, глаза маленькие, а нос — большой. Конан не стал особенно задумываться, мальчик это или девочка.

— Эй, ты! — просто обратился он к нему.

Существо пошевелило плечами и указало пальцем на себя. Пожалуй, это был знак вопроса.

— Да, ты! — настойчиво сказал Конан.

Ребенок нехотя отделился от стены и вразвалочку направился к посетителю, усердно ковыряя в носу.

— Вынь палец из носа, когда с тобой говорит казак, — сурово произнес Конан, и ребенок послушно вытянул руки. Теперь они болтались как плети. — Отрежь-ка мне, да принеси кусочек этого жирного осла, что жарится на вертеле.

— Это не осел, — сказал ребенок.

— А что же это по-твоему? — осведомился удивленный Конан.

— Мясо.

Конан осклабился.

— Ну тогда принеси мне этого мяса! — сказал он, начиная слегка злиться. Похоже, чертово дитя решило поиздеваться над заморским гостем.

Он с несколько запоздалым смущением обнаружил, что с силой сжал рукоять сабли. Только не против ребенка! Он положил руки на стол.

— Мясо еще не готово, — ровным тусклым голосом, будто страшно скучая, ответило дитя.

— Все равно. — Ответа Конан слушать не стал.

Чтобы вернуть себе ровное расположение духа и не яриться по пустякам, а это действительно были сушие пустыки, он принялся осматривать посетителей. В конце концов именно за этим он и явился в Хатер.

Ребенок поплелся обратно, что-то бормоча, и вскоре вновь оказался перед столом киммерийца. В руке у него был кусок жареного мяса, еще красного, с которого сочился жир.

Кроме того, рядом с ребенком стоял хозяин с большой кружкой и пузатой глиняной бутылкой.

— Кумми глупа, — сказал хозяин. — Мясо ведь еще не готово. А ну брысь отсюда! Я потом тебя накажу!

— Не стоит. Это я попросил ее принести мне мяса, — заявил Конан. — Я люблю полусырое мясо.

— Как господин пожелает, — ответил хозяин,

ставя кружку на стол и наливая темное, остро пахнущее вино.

— Но пусть потом принесет и готовое мясо, — добавил Конан. — Я зверски хочу есть.

Конан вырвал из рук девочки кусок дикой ослятины, впился в него зубами, ухватился за кружку и сделал добрый глоток вина. Вкус оказался под стать цвету и запаху — и Конан предался чревоугодию.

Жар от очага, вино и мясо разморили его — и привели в крайне благодушное настроение. Он смотрел на людей, сидящих за соседними столами, на суетящегося меж ними хозяина, на девочку, следившую за крутящимся над огнем онагром, и думал, что все они — славные люди, и, может быть, не стоит казакам их убивать, по крайней мере, не всех. Не следует поступать, как в той рыбацкой деревушке, из-за сожжения которой он едва не поссорился с соратниками. Конан был воином, но не палачом. А те рыбаки вовсе не были рыбами, как посчитали сумасшедшие казаки. Они были людьми, хоть и не такими, как обычные люди.

Занятый мыслями, Конан некоторое время ничего не видел, кроме кружки, а потом выяснилось, что хозяин таверны куда-то подевался. Конан тщетно несколько раз позвал его, заметив вдруг, что и девочка куда-то пропала.

— Еще вина? — спросил кто-то, от кого как-то странно пахло, и Конан кивнул, не сомневаясь.

Сделав первый глоток из новой бутылки, он понял, что странного в запахе этого человека.

Благовония Мисра. От него пахло дорогими мисрийскими благовониями, которые использовали жрицы богини любви в славных храмах богини Баст.

Подозрения зародились в мозгу Конана, но улетучились так же быстро, как появились. Все вокруг стало зыбким, разговоры потонули в поднимающемся из нутра гуле.

— Хозяин! — заорал Конан, поднимаясь и протягивая к очагу кружку.

— Как господину угодно, я здесь, — сказал человек, от которого пахло мисрийскими благовониями.

— Ты — не он, — заявил Конан.

Человек заулыбался. И на лопнувшую тыкву он несколько не был похож.

— Вино у нас слишком крепкое, — сказал он. — А я ничуть не изменился.

Конан попытался возразить, даже встал для этого, но очаг вдруг сделался невыносимо жгучим, а поверхность стола с костями онагра оказалась рядом с его щекой и крепко прижалась к ней.

— Я ничуть не изменился, — уверенно повторил голос внутри уха, и стол с Конаном дал сильный крен.

— Приближается буря! — завопил киммериец, и сознание его погрузилось в кромешную тьму.

Хиннар, раб-управляющий защитницы города Хатор, склонился к голове павшего в неравной борьбе с соком черного лотоса казаком, и прислушался. Дыхание варвара было ровным, спо-

койным. Таким, каким и должно было быть в галлюциногенном полусне. Хиннар улыбнулся и хлопнул в ладоши.

— Начинаем! — сказал он. И посетители питейного заведения, среди которых не осталось ни одного, кто был тогда, когда Конан вошел в него, поднялись с мест.

Конана вынесли из таверны, усадили на носилки и потащили по улицам. Он чувствовал движение, но не понимал, что происходит. Он даже забыл, кто он, где и зачем. Звезды над его головой могли и не светить. Все равно перед глазами у него не было ничего, кроме тьмы.

Люди молча донесли паланкин до дворца защитницы и стали топтаться на месте. Из дверей вышли другие рабы в грязных лохмотьях, со спутанными волосами, измазанные белой глиной, с суковатыми черными палками в руках. Следом за ними появилась Лилува в необычной для госпожи одежде.

Всего лишь набедренная повязка, правда из тончайшего кхитайского шелка красного цвета, и жакет на шнуровке, из нее в основном и состоящий, который едва прикрывал прекрасную грудь. Но никаких украшений. На госпожу было трудно смотреть, не отводя глаз, она словно была нагая.

Рабы, все как один, в изумлении открыли рты, а Хиннар даже сказал:

— Госпожа...

Лилува приложила палец к губам и нахмурила брови. Хиннар мгновенно забыл, что хотел

сказать. Зато вспомнил, что нужно делать. Он шепотом приказал опустить Конана на землю и поднять его на ноги.

Трое самых рослых и крепких рабов исполнили это. Теперь Конан возвышался над толпой, и выглядел бы весьма грозно, если бы не безвольно опущенная голова.

Лилува дала знак, и рабы в белой глине, изображавшие подземных зверолодей из древних легенд, с угрожающими воплями принялись носиться вокруг госпожи.

Конан приоткрыл глаза и вяло пошевелился. Один из державших его слуг взял его руку и возложил на меч. Казак послушно потянул меч из ножен, но полностью вытащить не сумел.

Лилува закричала, закружившись с рабами в диком танце. Они усердно делали вид, что нападают на нее, размахивая суковатыми черными палками, а она — что жутко напугана.

Конан что-то пробормотал. На помощь троим слугам поспешили еще двое, и Конан стал медленно двигаться с чужой помощью. Он был как большая и очень тяжелая марионетка, к тому же — с плохо смазанными шарнирами, потому что оказывал неосознанное сопротивление. Но мало-помалу он вытащил меч и стал водить им в воздухе. А поскольку на ногах он двигаться никуда не хотел, зверолоды бросились к нему и стали падать вокруг, якобы сраженные его мечом. Раздавались крики боли и яростные угрозы. Конану нанесли несколько чувствительных ударов, чтобы выглядело реалистичнее, правда, та-

ких, которые не могли причинить ему большого вреда.

Когда все зверолоды были повержены, остался последний штрих, дабы завершить искусное представление для единственного зрителя, который так же был и главным его участником, сам того не ведая.

Из дворца защитницы вывели еще одного актера — в отличие от остальных, он был со связанными руками и ногами, а на лбу у него горело едва зажившее клеймо «вор».

Язык у преступника был вырван, чтобы он ненароком не выкрикнул что-то не вяжущееся с разыгранным для Конана представлением. Подсознание, погруженное в полусон черного лотоса, к звукам особенно чувствительно.

Раб, водивший рукой Конана с мечом, осторожно разжал его пальцы, и взял меч в свои руки. Вор упирался, как молодой ишак, хотя и понимал, что уже не сможет изменить свою участь. Но когда его заставили встать на колени перед Конаном, он вдруг успокоился. И финал наступил быстро — раб вскинул меч высоко вверх и одним резким движением опустил его.

Даже если бы у вора все еще был язык, он не успел бы вскрикнуть. Меч варвара был великим оружием не только в руках хозяина. Голова вора расколосась как грецкий орех, и меч прошел сквозь тело как сквозь масло, отделив правое легкое от левого и остановившись только в брюхе, да и то потому что острие длинного кривого клинка достигло земли. Раб вырвал меч, и тело

казненного повалилось на землю распотрошенной тушей.

Меч вернулся в ножны, а Лилува бросилась обнимать ноги Конана и громко рыдать от радости.

— Спаситель мой, хозяин мой, ты вправе сделать со мной, что хочешь, ибо я ужасно виновата перед тобой! Я осмелилась бежать от такого хозяина, как ты! Я дурная глупая девочка, и меня необходимо высечь, хозяин мой!

Со всех сторон появились кошки и начали осторожно приближаться, принюхиваясь.

Казненного вора оставили для них, а Конана снова водрузили на носилки и вернули в таверну.

5

Конан встал с головой, как ни странно, но она как будто была не его, а какого-то идола в капилце. Каменного идола с закрытыми глазами. Он все никак не мог поднять веки, чтобы посмотреть, встало ли вместе с ним солнце, а тут еще возник мальчик, которому нравилось слышать свой голос и при этом как можно сильнее напрягать легкие. Сначала этот мальчик долго и нудно звал маму, потом бабушку, потом кого-то по имени Кумми. Конан подумал, что будь он на месте этого Кумми, то бросил бы в мальчика что-нибудь тяжелое. Или лучше его придушить? Хотя, может быть, Кумми — это женское имя?

Потом Конан, наконец, увидел пол. Нехороший это был пол. Потому что хорошие полы ле-

жат себе спокойно и никуда не едут, этот же, не иначе, как из вредности, сразу же, как только предстал перед взором воина, крутанулся и поехал под лавку.

— Кром! — сказал Конан и свалился с лавки.

— Что, господин? — раздался голос. Хорошо, что это был голос не вопящего мальчика, а кого-то явно более разумного. Хотя вряд ли самого Крома. Так как Конан точно знал, что у Крома нет никакого хозяина. — Господин, вам плохо?

Обращались, кажется, к нему. Конан встал на колени и снова открыл глаза. Перед ним была качающаяся стена с полками, на которых стояло множество кувшинов, и человек со смутно знакомым лицом.

На всякий случай Конан поискал в ближайшем окружении свой меч, и обнаружил, что клинок побывал в чьих-то внутренностях.

— Кром! — снова помянул Конан.

— Вы мужественно сражались, — сказал тот же голос. — Убитые валялись, как снопы.

— Так обычно и бывает, когда имеют дело со мной, — мрачно заявил Конан.

— Вы великий воин, господин!

Конан всмотрелся в говорившего.

— Кто ты?

— Хиннар, ваш слуга, господин Конан.

Конан удивился. Насколько он себя помнил, у него никогда не было слуги. Он был не настолько беспощен, чтобы постоянно пользоваться чужими услугами. Да и вообще не слишком понимал это. Служанка, рабыня — это другое дело,

тут есть смысл, пусть еще повар, но слуга — совершенно бессмысленно.

— Слуга? Но зачем? — спросил Конан.

Хиннар тоже удивился, но мимолетно. Он был хорошим слугой и умел скрывать свои чувства так же успешно, как угадывать чувства хозяйки. За это Лилува и сделала его управляющим над другими слугами.

— Такой великий господин, как вы, должен иметь слугу. Как иначе вы сможете, например, принимать гостей? Кто будет приносить еду?

— Хм. Об этом я как-то не подумал. Но я в вечных странствиях, и у меня нет дома, где бы я мог принимать гостей, а с друзьями я пью в тавернах, а там свои слуги. Кстати, ведь сейчас мы с тобой именно в таверне? Или я сошел с ума?

— Мы в таверне. Но сейчас это и есть наш дом, и все ваши рабы и слуги здесь. Вы купили эту таверну и намерены пожить здесь не меньше месяца, а может, и полгода.

Конан с сомнением огляделся. Купил таверну? Должно быть, он и вправду сошел с ума. Да и откуда у него такие деньги? Или здесь таверна продается всего лишь за один шекель, который он выиграл вчера на базаре?

— Ты говорил, что я сражался, а с кем? — спросил Конан.

— Вы храбро бились за свою новую рабыню, которая сбежала от вас, — сообщил Хиннар. — От вас! Ха-ха-ха! Безумная! И она почти получила по заслугам, когда попала в лапы этих жутких дьяволов из подземелий, грязных зверолодей.

Намерения у них тоже были грязные. Но вы, господин Конан, появились вовремя. И глупышка не испытала физических мук. Она вышла из передряги целехонькой, ни одной царапины! Вам досталось гораздо больше.

Конан осмотрел себя. Хиннар прав. Ему досталось. Но совсем немного. Если бы не Хиннар, Конан вообще не обратил бы на такие пустяки внимание.

Хиннар достал из-за пояса плеть.

— Идите, накажите ее, она ждет.

Конан послушно взял плеть, хлыст которой был свит из трех разноцветных шелковых шну-ров, а ручка украшена золотым набалдашником в виде кошачьей головы.

— Она готова принять от вас любое наказание, — добавил Хиннар.

И любезно повел Конана наверх, в комнату, где его ждала Лилува.

6

Поднимаясь, Конан пытался собрать воедино обрывки воспоминаний. Ночь, качание домов во-круг, грязные люди в белой глине, испуганные вопли смутно знакомой девушки, удар меча, раз-рубивший человека надвое. Но сок черного лото-са все еще был в нем и не давал прийти в полное сознание — в единую картину обрывки никак не складывались. Конан не мог даже вспомнить, как называется этот город и зачем он здесь.

Пахло в таверне тоже как-то непривычно. Не

пережаренным луком и подгнившим мясом, не дешевым вином и пивом, чем обычно пахнет во всех приличных тавернах, а мисрийскими благо-вониями. Конан голову готов был дать на отсече-ние, что это они. Правда, голова сейчас была только наполовину его, а может и меньше, чем наполовину.

— Сюда, господин воин, — сказал Хиннар, ос-танавливаясь у тяжелой дубовой двери.

Такую дверь ни руками, ни ногами не сло-мать, мимолетно подумал Конан, но едва дверь распахнулась перед ним, забыл об этом. Хиннар мягко подтолкнул его в спину, и киммериец во-шел. Дверь захлопнулась.

Кровать под балдахином занимала чуть ли не всю комнату. Ткань балдахина была настолько прозрачной, что едва угадывалась по легкому движению.

Кровать была застелена красным шелком, и на ней лежали черные, белые и синие подушки разной величины и формы — и Конан догадывал-ся для чего эти подушки. Подобные вещицы он видел в храмах любви в Шеме и Иранистане. Там они считались вендийским изобретением. И сре-ди этих подушек, животом вниз, лежала обна-женная девушка. С белой нежной кожей. Плеть выпала из руки Конана словно сама собой.

Девушка встрепенулась всем телом и перевер-нулась на спину, потом села и встала на четве-реньки, принялась кланяться, и ее длинные рас-пущенные волосы черной волной заструились по красному шелку.

— Ах, простите, господин! Я вдвойне виновата перед вами — я заснула! Я недостойна вас, господин! — воскликнула девушка и поползла к нему на коленях, выпятив зад и прогнув спину, словно возбужденная кошка.

Конан не мог оторвать зачарованного взгляда от ее двигающихся ягодиц. И ничуть не удивился бы, если бы увидел хвост. Красавица вела себя, как животное, виноватое перед хозяином и готовое лизать ему ноги.

Он вспомнил, как кричала она, когда зверолюди из подземных пещер окружили ее и были готовы надругаться над ней. Странно, что на ее теле не было ни единой царапины. Но разве это имеет хоть какое-нибудь значение?

Конан попытался раздвинуть занавесь балдахина, но никак не мог найти, где он раздвигается. Красавица была совсем рядом, и ее чувственные губы изогнулись в легкой улыбке.

— Иди же ко мне, господин мой, — прошептала она таким голосом, что Конан не стал больше тянуть.

Шелковая ткань порвалась под его пальцами как столетняя ветошь.

Девушка оказалась проворной, гибкой и ненасытной. Кроме подушек и ее собственных неотъемлемых талантов, возле кровати оказался еще и инкрустированный столик с принадлежностями для любовных игр, но Конан отверг все. В таком важном деле он не признавал орудий, изготовленных человеком.

Он был великолепен, грандиозен, силен как

боевой слон, разбивающий ворота вражеского города, но все же его силы, отчасти подточенные черным лотосом, были не безграничны.

К полудню он мирно заснул. Лилува сняла его могучую руку со своей груди и встала. Ее слегка пошатывало, но она была довольна. Усталость — ничто, она пройдет, а прекрасные воспоминания останутся.

За окном были слышны кошачьи завывания, вопли торговцев с рынка, призывы водоносов и другие звуки мирной жизни. Потом раздались три удара большого барабана на восточной башне, возвещавшие наступление полдня.

Лилува закуталась в вендийское красное сари, надушенное мисрийскими благовониями, взяла трехцветную плетть, вышла из комнаты и спустилась в большую залу. Там, несмотря на все усилия, все еще витало зловоние престонародья. Лилува уткнулась носом в край сари, дыша через ткань. Завидев госпожу, все рабы пали перед ней ниц, уперевшись лбами в пол. Хиннар побежал навстречу. На лице его отражалась тревога и озабоченность.

— Госпожа, ночью сбежала одна из ваших рабынь, недавно подаренная отцом, — сообщил Хиннар. — Цецилия.

— Пожалуй, я подала ей плохую идею своим ночным представлением, — сказала Лилува. — Очень плохую. И, надеюсь, она получит по заслугам.

Цецилия поступила более чем возмутительно. Остальные рабы без ума любили свою прекрас-

ную госпожу, были преданы ей до такой степени, что готовы были отдать за нее жизнь. А Цецилия словно плюнула Лилуве в лицо.

Дрожа от гнева, Лилува даже позабыла о дурном запахе — она уронила край сари, подняла трехцветную плеть и медленно завязала на ней семь узлов.

— Когда поймаете Цецилию, эту неблагодарную корову, вручите ей от меня пятьдесят ударов! — сказала Лилува и отдала плеть слуге.

7

Цецилия бежала по раскаленному песку, подняв простое белое платье гораздо выше колен. Ноги ее горели, тем более что сандалий ей по рангу не полагалось. Но от этого она только бежала еще быстрее, вскрикивая время от времени, пугая скарабеев и ящериц. Почтовый голубь принес долгожданную весточку, что Джебор, ее истинный хозяин, возвращается. А значит, вместе с ним возвращается и ее пятилетний сын. Два года разлуки подходили к концу, и Цецилия не могла удержаться.

Она издали заметила шатры Джебора. Маленький караван остановился, чтобы приготовиться ко входу в город.

Джебор и его друг Ханфий, с которым он вместе ездил в Вендию и Кхитай, не были простыми иноземными купцами, и не могли позволить себе после двухлетнего отсутствия появиться в городе в будничном виде. Нужно было нарядить верб-

людов, стряхнуть с тюков пыль, привести себя в порядок.

Джебор обещал освободить ее вместе с сыном, если она будет хорошим соглядатаем. И ей ничего не оставалось, как пойти на риск. А риск действительно был огромен, ведь если бы Лилува прознала, кому принадлежала раньше Цецилия и чье клеймо находится у нее с внутренней стороны бедра, она бы поняла, чем на самом деле занимается рабыня. И не имело бы значения, на кого она шпионит. Достаточно было бы уже одного факта тайного наблюдения. Цецилия была бы умерщвлена по суровому закону Хатора, предусматривающему самую жестокую казнь для соглядатая, и таким же образом был бы убит ее сын.

Сердце Цецилии готово было выскочить из груди.

— Господин Джебор! Добрый господин! — закричала она с вершины бархана, увидев Джебора.

Он заметил ее и помахал рукой. Рядом с ним был Ханфий. Они сидели возле темно-синего шатра и пили из серебряных кубков.

— Добрый господин! Добрый господин! — без умолку повторяла Цецилия, спускаясь.

Упав перед Джебором ниц, она уткнулась лбом в песок, ожидая, когда хозяин заговорит первым.

— Ну, рассказывай же, Цецилия, — поторопил Джебор. — Я жажду узнать, что подельвала моя будущая жена, пока я ездил за свадебными подарками.

И Цецилия рассказала. Она поведала о рабах, которые ублажали госпожу массажем, о предметах, которые госпожа собирала со всего света, предназначенных для того, чтобы упражняться в самой изысканной любви, о жрицах из храма любви богини Баст, дважды приезжавших к Лилуве, с которыми она запиралась в особых покоях, куда никому не было доступа, кроме нескольких немых рабынь. Поведала она и о варваре, который пришел только вчера и захватил все внимание Лилувы.

По мере того, как длился рассказ, Джебор становился все мрачнее. И когда услышал о Конане, вскочил с искаженным от гнева лицом и бросил кубком в рабыню.

Она не шелохнулась.

— Да как она могла! — Джебор схватился за голову. — Как она могла! Не понимаю! Разве я позволял себе хоть словом обидеть ее? Разве мы не были близки с детства? Цецилия, а где был этот варвар, отродье свиньи, когда ты покинула мою возлюбленную, спеша ко мне?

— Он был... — страхась гнева господина, медленно сказала Цецилия, — в ее покоях.

— О, Хор, крылатое солнце, она разорвала мое сердце! — закричал Джебор и воздел руки к солнцу, взывая к его милостям. — Она убила меня! Она предала нашу любовь!

— Когда же я увижу своего сына, господин? — не выдержала Цецилия.

Джебор мрачно усмехнулся. И сердце Цецилии сжалось от страха, почувствовав неладное.

— Отдайте ей, нам он больше не нужен, — сказал Джебор.

Черный раб удалился за шатер, и вскоре вернулся, держа в руках что-то завернутое в ветхие, серые от пыли тряпки. Очень легкое.

В глазах у Цецилии потемнело. Она вдруг поняла, что это. Она попыталась шагнуть навстречу рабу, но ноги не удержали ее. Она упала на колени и в мольбе протянула вперед руки.

— Титус, сыночек, иди к маме, — сказала она. — Мама хочет обнять тебя.

Черный раб остановился перед Цецилией и тоже опустился на колени, передав ей то, что было завернуто в тряпки.

— Тарантул, два месяца назад, — скупно объяснил он и поднялся.

Цецилия бережно прижала сверток к груди. Он действительно мало весил. Столько, сколько весят сухие кости и кожа пятилетнего мальчика.

— Титус, Титус, — бормотала раскачивающаяся Цецилия. — Ты больше не будешь рабом, потому что твоя мама стала вольной женщиной. И мы отправимся с тобой, куда захотим. Мы больше не будем никого спрашивать, куда нам идти, где нам остановиться, что нам делать. Мы вернемся туда, где жили мои предки. Мы дойдем с тобой до Рабирейских гор — и у нас будет свой сад, в котором я сделаю тебе качели...

Продолжая бормотать, Цецилия неожиданно быстро поднялась и направилась по песку прочь, в направлении западного моря.

Черный раб собрался было остановить ее.

— Пусть идет, она свободна, — сказал Джебор.
И Цецилия скрылась за барханом.

— Не надо было так, — упрекнул Ханфий.

— Не мы виноваты в том, что мальчишку убила пустыня, и не она виновата в том, что случилось, но она принесла дурные вести, и мы всего лишь отплатили ей тем же, — возразил Джебор.

8

Сверху замок защитницы Хатора представляет собой неравносторонний треугольник, обращенный острием на восток, в основании которого имеется полукруглая ниша, а перед нишей — тоже полукруглая, но в десять раз больше, площадь. В нише стоит идол, облаченный в доспехи. Это идол боевого воплощения богини Баст. Мышцы его рельефны и броня повторяет их очертания. Больше всего он напоминает гигантского тигра, вставшего на дыбы, только у обычного тигра гораздо меньше клыки и когти. У этого же клыки словно сабли, а когти будто изогнутые кинжалы. Грудь его огромна, а хвост толст и короток.

Идол стоит на полом металлическом кубе с двумя круглыми входами. Среди кошек города заведен обычай приходить сюда, когда они испытывают муки любви. И из пустотелого постамента каждую ночь раздаются тягучие кошачьи вопли, которые способствуют повышению рождаемости не только у кошек, но и у людей. Ибо жители Хатора преклоняются перед кошками и ис-

пытывают благоговение перед всеми проявлениями их таинственной жизни.

Люди тоже приходят на площадь, когда погружаются в счастливое безумие страсти. Они встают перед идолом на колени и молчаливо приносят ему свои молитвы. Богиня выглядит свирепо, но добра к горожанам, ибо призвана защищать их от всякой напасти.

Три башни разной высоты окружают уютный внутренний двор, скрытые покои защитницы. Сюда не выходит ни одного окна, а стены увиты плющом, чтобы не раздражать глаза плебейскими кирпичами. В середине двора устроен бассейн.

После встречи с варваром, хоть и таким прекрасным и сильным, Лилува испытывала огромное желание погрузиться в благоуханную воду. Хотелось расслабиться и вдохнуть привычные ароматы.

Три немые служанки с огромными опахалами из павлиньих перьев создавали прохладу и тень. Вода для бассейна была привезена из мертвого озера, в котором, говорят, даже камни не тонут. Это было преувеличением, камни тонули, но человеческое тело вода была способна удержать. Лилува лежала на спине, глядя сквозь прорехи в перьях на злое горячее небо, добравшееся до ее лица даже через все преграды.

Она думала о человеке, пришедшем с далекого севера, человеке с гривой черных волос, сапфировыми глазами и статью леопарда. Думала лениво, расслабленно, не доводя ни единой мысли до конца. Ничего конкретного, ничего, что

можно было бы выразить словами. И поэтому звук медных труб, возвещавший о прибытии каравана, был вдвойне неожиданен.

— Кого это к нам принесло? — спросила Лилува, принимая в воде вертикальное положение: Но служанки не смогли бы ответить, даже если бы у них были языки.

Лилува оделась в кхитайские одежды — желтое платье с широкими рукавами и лентами трех цветов, жакет с золотым шитьем, изображавшим игру двух драконов над волнами моря.

На площади перед воротами уже, как всегда, было полно народу. Стояли и лежали верблюды. Пахло благовониями. Водоносы и ишаки визгливо орали. Продавцы щербета нудно восхваляли свой товар.

И беглого взгляда на караван было достаточно, чтобы понять, кто прибыл. Тем более, что прибывшие немедленно устремились навстречу Лилуве, едва она появилась на площади.

— Джебор?! — Лилува не сумела скрыть на лице досады. Но быстро пришла в себя и улыбнулась: нежно, как она считала, но на самом деле ее улыбка напоминала оскал шакала при виде убитой львом антилопы. — Ах, Джебор, это так удивительно, что ты вернулся быстрее, чем я ожидала!

— Я спешил увидеть свою возлюбленную, свою нежную голубку, невинную словно дитя, — ответил Джебор. И в голосе его ясно прозвучала скрытая насмешка. — Всю дорогу я мечтал о тебе! Мечтал о твоих нежных губах, проходя через

которые любое слово становится прекрасным! Но я... Нет, нет, я неспособен, я не в силах... Никакие слова не помогут мне выразить всю мою любовь к тебе!

Лилува всплеснула руками, так, чтобы ее рукава красиво взметнулись.

— Я так рада! Ах, голова у меня идет кругом! Я вся горю!

— Мы непременно должны уединиться в нашем тайном дворике, — сказал Джебор, отчего лицо Лилувы приобрело слегка кислое выражение. — Я ждал этого целых два года! Все дни, что мы провели в разлуке, начиная с первого дня! Вдыхая запах верблюдов и пряча лицо от палящего солнца, я не думал ни о чем, кроме тебя! Ничто не было способно помешать мне! Я хочу припасть к твоим ланитам, хочу ласкать твои волосы и ощущать под руками твой гибкий стан! Я весь в нетерпении... Но, увы, не могу сделать всего этого немедленно, ибо сначала мне необходимо завершить одно важное дело.

— Разве дела не могут подождать? — удивилась Лилува. Она считала, что Джебор тотчас же захочет остаться с ней наедине. Она не хотела этого, но думала, что этого невозможно избежать, поэтому слова жениха весьма сильно изумили ее.

— Эти — не могут! — Джебор отступил на два шага и низко поклонился. — Госпожа моя, я весь ваш, но чуть позже...

— Что ж, — холодно сказала Лилува, соорив презрительную гримасу. — Это ваше дело... Учтите только, что я вами недовольна. Вы просто раз-

били мое хрупкое сердце!.. И не знаю — сумею ли я когда-нибудь простить вас...

Она высокомерно вскинула голову и пошла прочь, не забывая, впрочем, соблазнительно покачивать бедрами — это у нее получалось очень хорошо, настолько хорошо, что ей позавидовала бы сама богиня Баст.

— Хороша! Сет меня поberi, да она просто великолепна! Может, простишь ее и бросишь свою затею? — сказал Ханфий. — Хуже от этого точно не будет.

Джебор смерил друга таким взглядом, будто смотрел на младшего брата, который произнес несусветную глупость.

— Ни за что, — твердо произнес он.

9

На этот раз пробуждение Конана не было столь мучительным, как утром. Голова все еще не полностью принадлежала ему, оставалось много мест, в которых было глухо и пусто. Но он уже мог, хоть и не без труда, вполне связно рассуждать. «Похоже, я выпил лишку, — подумал он, — и теперь не могу понять, что мне приснилось, а что было на самом деле».

Сквозь тяжелые занавеси с красными и синими драконами, сцепившимися в борьбе за жемчужины, пробивалось солнце. В комнате слишком сильно пахло благовониями. Некоторое время назад Конана это вполне устраивало, даже нравилось. Но не сейчас. Захотелось свежего воздуха.

Сорвав остатки балдахина, он подошел к окну и раздвинул занавеси. Окно оказалось очень большим. Почти до самого пола. И было закрыто тонкой, едва заметной сеткой. Улица была перед Конаном, как на ладони, но и он был перед ней.

Пока он рассматривал вздымавшееся над крышами здание великолепного замка с тремя башнями разной высоты, внизу собралась небольшая толпа. В основном женского пола.

Из задумчивости Конана вывел девичий смех. Он посмотрел вниз, и до него дошло, что он привлек внимание. Стайка девочек лет десяти-двенадцати хохотала, прикрыв рты ладонями и показывая на него пальцами. Хохотала без удержу, иногда даже сгибаясь пополам. Но при этом отводя глаза, лишь изредка украдкой поглядывая на Конана.

Зато старуха, опирающаяся на клюку, страшная как смерть, скрюченная и дрожащая, смотрела на варвара пристально и неотрывно, как кошка, следящая за жертвой. Глаза ее слезились, рот с дряблыми бесцветными губами был приоткрыт, показывая безобразную пустоту. Потом старуха наклонилась к земле, подняла камень и кинула в окно. Конечно, у нее не было сил добросить, и камень упал, не долетая, но из-за этого до Конана вдруг дошло, почему он привлек внимание.

Конан был не одет. Совсем не одет.

Ничего необычного для многих стран, в которых он побывал. Но не здесь.

Конан не стал дальше издеваться над чувства-

ми особ слабого пола и отошел от окна, принявшись искать свою одежду. Но оказалось, что это безнадежное дело. Ничего, кроме предметов для изощренных любовных утех, самой кровати и обрывков балдахина, в комнате не было. Если, конечно, не считать сосудов для удовлетворения простых человеческих нужд.

Нет, — подумал Конан, — что-то тут определенно не так. И эта девушка... Ее образ в памяти странно двоился. — она была то покорной, страстной рабыней, то надменной госпожой в окружении своих рабов...

Звериным чутьем варвара Конан почувствовал ловушку. Он подошел к двери и попытался ее открыть. Усилия ни к чему не привели.

Он поискал щеколду, потом какой-нибудь скрытый механизм, но ничего подобного не обнаружил. Дверь явно можно было открыть только снаружи.

Кром, это начинает плохо пахнуть. Внутренне напрягшись, он еще раз быстро оглядел комнату. Теперь это была не просто комната, а яма, в которую поймали тигра. Но тигра без когтей — и это не нравилось Конану больше всего.

За дверью слышались шаги и голоса. Громкие голоса. По крайней мере, зверя не собирались ловить исподтишка. И, пожалуй, не совсем понимали, что это не заяц.

Конан усмехнулся. Ну что же, он постарается удивить горе-охотничков...

Джебор был невменяем. Никакие увещевания на него не действовали. Он двигался, как раненый кабан — не разбирая дороги. Со времени расставания с Лилувой он уже успел поссориться с парой приятелей, не только не ответив на их радушные приветствия, но и толкнув их так, будто они были простолюдинами. Так же он опрокинул две повозки с фруктами и пнул одноногого нищего, не успевшего убраться с пути.

— Джебор, успокойся! — в очередной раз тщетно взывал Ханфий. — Ты что, не видишь, что с собой делаешь! Неважно, в конце концов, что это за тип. Какой-нибудь из заблудившихся в пустыне путников, для которого наш город — райское местечко! Грязный тип, который не стоит и одного твоего пальца!

Джебор вдруг остановился и резко обернулся к другу.

— Хватит! Грязный он или чистый на самом деле — не имеет значения... И ты... Ты знаешь, что имеет значение!

С этими словами он вошел в казавшуюся снаружи убогой таверну, откуда, как крысы с корабля, хлынули на улицу слуги Лилувы. Они бежали едва ли не на четвереньках, боясь встретиться с господином взглядом, скрывая лица, зная, что ждет их в противном случае.

Расшвыривая ногами все предметы, попадавшие по пути, которые можно было расшвыривать, Джебор прокладывал себе путь по враждеб-

ной территории. Ноздри его раздувались. Он чувствовал себя, словно охотник в джунглях, напавший на след зверя. Тысячи сильных запахов отвлекали, кружили голову, но он знал, какой запах ведет его, какой запах вызывает в нем кипение крови. Запах мужлана.

Впрочем, на самом деле нос Джебора вовсе не был настолько чувствителен. Он не смог бы отличить запаха кролика от запаха кабана. Зато воображение было у него весьма сильно, и его с лихвой хватало, чтобы компенсировать отсутствие нюха.

Только единожды он остановился перед лестницей на второй этаж, в неуверенности, следует ли подниматься. Он оглянулся на Ханфия, ища поддержки. И получил ее. Ханфий бывал здесь и знал, где находится лучшая комната для гостей, поэтому не сомневался, где именно прячется гость Лилувы.

— Туда! — сказал он, на миг позабыв о добровольно возложенной на себя миссии сдерживания друга.

Они поднялись бегом, словно два охотника, почувствовавшие запах близкой дичи, словно два шакала, преследующие антилопу.

Джебор толкнул дверь, но когда она открылась, перед ними предстал не тот человек, которого они ожидали увидеть.

Не слабый изнеженный красавчик с женским лицом и манерами столичной проститутки, который со страхом взирает на оружие, а огромный дикарь, с мускулами, как у горного барса, с чер-

ной гривой волос и леденящим взглядом голубых глаз.

Он стоял в позе гладиатора, ждущего, когда на него выпустят свору боевых псов, чтобы хладнокровно расправиться с ними. И в первый момент настолько ошеломил своим видом, что купцы забыли дышать. Но было в его внешности и то, что в следующий миг вызывало у Джебора приступ безудержного смеха, а у Ханфия — ироничную улыбку.

На нем не было никакой одежды. И вместо меча он держал деревянную балясину от кровати. Он держал балясину, как опытный воин держит меч, но сути это не меняло. Разве устоит презренное дерево перед металлом?

— Ты из актеров? — спросил Джебор, давась от смеха. — Эта балясина тебе идет! — собственное замечание показалось Джебору настолько остроумным и забавным, что он согнулся пополам от смеха, а из глаз его полились слезы. Так весело ему не было с самого детства, с тех пор, как он впервые увидел комедию на сцене заезжего театра.

— Тихо, тихо, Джебор, ну нельзя же так... — увещевал Ханфий, но друг обращал на него мало внимания.

— Нет, — сказал голый варвар, и это было первое слово, которое они от него услышали.

— Нет? — спросил Джебор, подмигивая Ханфию. — Так тебя зовут Нет? Откуда ты, Нет? И что ты собираешься делать с этой палкой, что у тебя в руках?

— Меня зовут Конан. Конан из Киммерии. И я не актер, — сообщил Конан с мрачным лицом. Он нисколько не разделял веселья купцов. И вообще они ему не нравились. — Что вам от меня нужно?

Джебор вдруг перестал смеяться — и лицо его сделалось столь же мрачным, как у противника.

— Ты рассмешил меня, — сказал он. — И это добавило тебе несколько лишних мгновений жизни. Но не спасло. — С этими словами он единым движением выхватил меч и бросился на киммерийца, намереваясь посмотреть, какого цвета у него внутренности.

И с удивлением, вместо этого, увидел свои. Все произошло так быстро, что он не сразу понял, каким образом его живот оказался вскрыт. Конан из Киммерии был теперь вооружен его мечом, а балясина застряла в сетке окна, раскачиваясь. Потом вдруг картина произошедшего так ясно предстала перед внутренним взором Джебора, что от ужаса он закричал.

Конан балясиной сломал ему кисть руки, и пока ненужный уже предмет мебели передвигался в воздухе, взял его меч и, умело направив лезвие, разрезал живот, погрузив острие меча достаточно далеко, чтобы Джебора больше не заботила жизнь. Все это Джебор понял в одно мгновение, следующее за тем, как это случилось. Умирал он быстро и болезненно. Прекрасно осознавая, что умирает. И это было настолько похоже на дурной сон, что душа его сначала по ошибке отправилась в мир сновидений, а не в мир смерти.

— Я умер, — с удивлением, но очень спокойно сказал он, не веря самому себе, и только тогда действительно умер.

Ханфий все еще продолжал улыбаться, когда Конан оторвал взгляд от убитого и посмотрел на него. Синие глаза киммерийца словно заморозили Ханфия. Он с трудом стер улыбку с лица.

— Он умер, — сказал Конан. — А ты?..

Ханфий не понял, что хотел сказать варвар.

И не испытывал большого желания выяснять это. Особенно, когда цена знания грозила вырасти до цены его собственной жизни.

Конан шагнул к нему с опущенным мечом. Он не собирался убивать непрошенного гостя. По крайней мере, до тех пор, пока не выяснит, зачем тот здесь. Но объяснить это Ханфию не успел.

Купец бросился прочь по коридору. К сожалению, он перепутал направление, и бежал не к лестнице, а от нее. А когда он понял это, Конан уже стоял в коридоре. Отступление было невозможно.

С жутким криком Ханфий врезался в резное деревянное окно, проломил его и вывалился наружу. Здесь ему, наконец, повезло — он приземлился на тканевую крышу повозки и скатился с нее, не получив ни ушиба, ни царапины. Правда, ножами он разодрал спасшую его крышу — и когда встал на ноги, то увидел красную от гнева физиономию владельца повозки.

— Ну, ты за это ответишь! — прорычал владелец.

Ханфий молча указал пальцем наверх.

Падение Ханфия к тому моменту уже вызвало всеобщее внимание, и его пальцу последовали многие взоры.

В проломленном окне горожане увидели обнаженного мускулистого варвара с окровавленным мечом. Послышался женский визг, за ним еще один — и людей охватила паника.

Ханфий добавил масла в огонь.

— Он убил Джебора! — визгливо выкрикнул он. — Убийца!

— Убийца! — подхватили горожане и бросились врассыпную, сбивая друг друга с ног. — Убийца!

11

Прежде чем выйти на улицу, Конан решил заняться своим гардеробом. Не пристало в цивилизованном месте слишком долго разгуливать без одежды. Он вернулся в спальню, посмотрел на убитого, но трогать его не стал. Нехорошо получается. Не стоит давать даже малейшего повода думать, что он убил человека из-за презренной одежды. Сначала надо выяснить, что местные жители вообще думают о нем. Черета странностей не давала Конану покоя. Слишком много произошло такого, что он не знал, как объяснить.

Он соорудил себе набедренную повязку из обрывка балдахина, а другим обрывком вытер меч.

Улица была пуста от людей. Только брошенные паланкины, перевернутые в спешке прилав-

ки со снедью, десяток кошек разной масти и мирно бродящие среди них птицы, клюющие просыпанное зерно.

Словно люди спрятались от чудовища. И не иначе, как они считали этим чудовищем самого Конана. Почти голый, в одной лишь нелепой набедренной повязке, с чужим мечом и нечесанной гривой волос, он все еще ощущал запах юной женщины, витающий вокруг него, который неспособны были забить даже запахи пряностей, густо стоявшие в воздухе.

Конан посмотрел вверх. Ставни были захлопнуты, но с крыш на него взирало множество любопытных глаз. Крыши здесь были плоскими, и на них устроены места для отдыха — видны были торчавшие опахала, парусиновые навесы и шесты с шелестящими на ветру бумажными лентами, отгоняющими злых духов.

Конан был голоден и ему страшно хотелось пить. Он чувствовал себя так, словно демоны пустыни, несмотря на бумажные ленты, все же проникли в город и все вместе решили обосноваться в пищеводе у Конана. Он чувствовал себя так, будто ему в горло вогнали раскаленный железный кол, и вогнали до желудка и даже немного ниже.

Базарная площадь тоже обезлюдела. Так привлекший вчера внимание Конана шатер, расшитый цветами и птицами, с окнами из полупрозрачного шелка, был открыт. Он обогнул лавку с горой фруктов и заглянул внутрь. Запах сандала, мускуса и амбры был настолько силен, что на не-

сколько мгновений Конан даже забыл о жажде, почувствовав быстро нарастающее возбуждение. Внутри были разбросаны подушки всех цветов, на одних тоже были птицы и цветы, на других — крабы.

Зачарованный запахами и видениями танцующих соблазнительных теней, Конан вышел.

И едва не поплатился за свою зачарованность.

Человек, прятавшийся за шатром, прыгнул на киммерийца, как лев прыгает на спину антилопы. Если бы он прыгнул молча, то смог бы нанести Конану весьма значительный урон, может быть, даже убить, в случае везения.

Но он прыгнул с таким воплем, который напугал бы даже сонного бегемота, лежащего в болоте. Он вопил, как добрая сотня обезьян, собирающаяся напугать соседнюю стаю.

Предупрежденный криком, Конан успел наполовину обернуться и отклониться, так что нападавший пролетел мимо него и врезался в гору с фруктами.

Тотчас, прежде незаметный, с верха парусинового навеса сорвался большой зеленый попугай, и, теряя перья, с визгливыми, режущими слух, воплями помчался прочь.

Конан узнал нападавшего. Увидя его, невозможно было его не узнать. Шестипалый продавец щербета, горбатый, как вепрь. И столь же заросший жестким черным волосом. В каждой руке у него было по ножу. Он был почти полностью обнажен, если не считать ветхой набедренной повязки. Все тело намазано маслом.

— Убью! — зарычал он, отирая с лица мякоть спелых плодов личжи.

— Теперь уже вряд ли, — заметил Конан, принимая боевую стойку.

На полуносом лице уroda появилось сомнение. Он посмотрел вверх, на попугая, летающего кругами, продолжая вопить, потом опять на киммерийца. Лицо его вдруг исказилось яростью, он фыркнул, как лошадь, брызнув грязной слюной себе на подбородок и грудь, и снова атаковал.

На этот раз Конан не только уклонился, но и ударил мечом плашмя. Удар пришелся по горбу, и бедный продавец щербета полетел на землю с ускорением большим, чем ускорение свободного падения.

Он ударился лицом и взвыл от боли. Перевернувшись на спину, он еще раз пробормотал:

— Убью! — С трудом поднялся, вытирая тыльной стороной кисти кровь, сочащуюся из носа, и снова бросился на Конана.

Видно, он бесповоротно решил стать героем. Роль продавца щербета перестала его устраивать. К тому же, он, наверное, просто устал жить. Ну, что же, решил Конан, тогда он выбрал правильный путь.

Меч поднялся на уровень шеи продавца щербета и двинулся ему навстречу. А в следующее мгновение из шеи хлестала кровь.

Горбун выронил ножи и опустился на колени. Он схватился за шею, хрипя и булькая. Глаза его помутнели, но губы вдруг расплылись в улыбке.

— Вот и все, — пробормотал он и снова упал лицом в землю. Тело его разом все вздрогнуло, потом затихло.

Конан вытер меч о полупрозрачный шелк шатра, взял из горы фруктов один понравившийся ему персик и направился дальше на поиски вина или щербета.

Возле перевернутого паланкина, из которого высыпались подушки, он остановился и с любопытством заглянул внутрь. Ему казалось, что за занавесью кто-то прячется. Но паланкин был пуст. Если не считать пузатой глиняной бутылки, заткнутой пробкой.

— Хм, — сказал сам себе Конан и взял ее. В руке образовалась приятная тяжесть. Еще внутри паланкина лежала страшного вида плеть — кожаная, с мелкими металлическими крючками. Пыточная штуковина — отнюдь не для благородных граждан.

Интересная идея пришла в голову Конану. Он усмехнулся и взял плеть тоже, сунув ее за набедренную повязку. Посмотрим, насколько Лилува хочет, чтобы ее наказали.

Конан выдернул пробку из бутылки и сделал большой глоток. Внутри оказалось отличное вино, что очень взбодрило Конана и привело его в приятнейшее расположение духа. Даже развеселило.

Допив, Конан отбросил бутылку, воткнул меч в землю и поднял вверх пустые руки.

— Я не хочу вам зла! — проорал он, но в ответ только по-прежнему шелестели бумажные ленты.

— Что ж, — громко сказал Конан, желая, чтобы его слова дошли до ушей той, которой они были действительно предназначены. — Пойду искать свою красавицу. Думаю, она тоже жаждет встретиться со мной. У меня ведь еще осталось для нее мое жаркое семя...

И направился в сторону замка с тремя башнями разной высоты. Сам не зная почему, он был уверен, что красавица живет именно там.

12

Хиннар вбежал в покои госпожи и сразу повалился на пол в глубоком почтении. Он был весь потный и своим потным лбом оставил пятно на идеально отполированном полу. Лилува в недовольстве топнула ножкой. Движением руки она отослала служанок, оставив только мальчика с опахалом.

— Вижу, Хиннар, раб мой, тебе есть что сказать. Так говори.

— Да, госпожа. Ваш дикарь на свободе. Джеббор освободил его.

Лилува вскочила с ложа и бросила кисть золотого винограда на пол. Из лопнувших виноградин потек сок.

— Я убью этого негодяя! Да как он посмел... — Она задохнулась от гнева, не в силах вымолвить больше ни слова.

— Не гневайтесь, госпожа. Он уже мертв.

— Что? Да как он посмел... — И вдруг до Лилувы полностью дошел смысл сказанного. Ноги

ее подкосились и, она опустилась обратно на ложе. — Ну почему... Почему он всегда делает все мне назло...

— Народ ропщет, госпожа... Ваш дикарь выкинул господина Ханфия в окно прямо в толпу на базаре. А у господина Джебора вспорот живот, и смотреть на него, говорят, весьма страшно. Люди боятся, госпожа... Поэтому никто особенно прѣтив Конана не выступает, все боятся быть убитыми...

Лилува задумчиво взяла персик и прижалась к нему щекой. Ворсинки на его коже были мягкими и нежными, и запах от него исходил успокаивающий, тонкий, будто не существовало на свете всего этого народа с грязными ртами и ногами, который только и думал о том, как бы ему убить истинных властителей города.

— Так и что же... — томно произнесла она, искренне не понимая, чего от нее хочет презренный слуга.

— Теперь только вы можете остановить его; он уже сказал о вас... — Хиннар принялся вдруг отползать, словно нечаянно ляпнул лишнего.

— Сказал обо мне? — встрепелась Лилува. — И что же он мог сказать обо мне, если ты в смущении отступаешь передо мной?

— Не гневайтесь, госпожа. Мой рот не в силах вымолвить то, что сказал пришлый варвар, — бормотал Хиннар.

Лилува вскочила. Вот теперь она разозлилась не на шутку. Больше всего она ненавидела, когда от нее скрывали то, что знали все остальные.

— Я гневаюсь, что ты молчишь! И клянусь всеми богами Стикса, что ты очень пожалеешь, что не держал свой поганый рот закрытым. Да ты даже пожалеешь, что я не казнила тебя раньше! За мелкие прегрешения!

— Я скажу! Скажу! — испугался Хиннар, видя, как исказилось лицо его милосердной повелительницы. — Он... Этот безмозглый варвар, у которого вместо мозгов мышцы, сказал, что у него осталось для вас его грязное семя...

Хиннар с преувеличенно громким стуком ударил лбом об пол, чтобы хотя бы отчасти заглушить эхо собственных слов, за которые, он это чувствовал, головы ему не сносить.

— Что?.. — сказала Лилува. И вдруг громко рассмеялась. — Отрежьте ему член — и проблема отпадет сама собой! — заявила она, снова опускаясь на ложе, и откусывая от персика. — Не вижу, почему бы вам не сделать этого немедленно. Варвар больше не нужен мне. Мне с ним скучно... Мальчик, ты заснул?

Мальчик, действительно слегка позабывший зачем у него в руках опухало, заработал им с новой силой. Лилува томно вытянулась на ложе, делая вид, что окончательно потеряла интерес ко всему, кроме персика в своей руке.

— Кому прикажете первому умереть? — спросил Хиннар. — Я буду рад исполнить ваше приказание, госпожа.

— При чем тут твоя смерть, Хиннар, ты что, не слышал, что я приказала только что? Твоя смерть мне не нужна.

— Думаю, что все, кто попытается приблизиться к вашему варвару с оружием, отправятся вслед за Джебором.

Лилува вскинула брови.

— Он настолько опасен?

— Возможно, для солдат нет, но у нас здесь нет солдат. А он профессиональный воин. Поэтому-то он так легко и поверил в спектакль, который мы разыграли для него ночью.

— Ты хочешь сказать... — Лилува прикрыла рот рукой, чтобы не расхохотаться с персиком во рту. — Хочешь сказать, что он проделывал такое наяву?

— Не обязательно именно такое, но подобное. А немного волшебного зелья позволило ему принять некоторые особо недепые вещи.

— Фантастические, раб. Не забывай, кто все это придумал, — поправила Лилува.

— И вот поэтому, госпожа, у нас только один путь. Его необходимо убить. И убить его в сложившихся условиях можно только применив хитрость. Все войны выигрываются окольными путями.

— Что же это за хитрость? — Лилува погрозила пальчиком. — Признавайся, Хиннар, ты ведь уже все придумал? Иначе бы ты не заявился ко мне с глупыми разговорами.

— Нужно убить его у вас, когда он потеряет бдительность, — ответил Хиннар. — Поверьте, это лучшее, что мы в силах сделать... Другого пути нет.

У подножия самой высокой из башен замка имелись широкие двери — и они были открыты. Гостеприимно распахнуты навстречу Конану. Он смутно помнил короткую лестницу и маленькую площадь под башней. Посмотрев вверх, он увидел развевающееся на ветру желтое знамя с изображением красного тигра.

На нижней ступеньке уютно свернулся рыжий кот. Конан перешагнул через него, положив руку на эфес меча. Слишком это все напоминало вход в мышеловку, но Конан не мог остановиться — его непреодолимо влекло к юной женщине, он чувствовал ее запах, от которого кружилась голова и сильнее стучало сердце. К тому же, Конан не считал себя беспомощной мышью.

Внутри был вход, закрытый красными драпировками. Конан вытащил меч и раздвинул драпировки острием. За ними никого не было, но запах женщины стал еще сильнее.

Конан двинулся по коридору, внимательно осматривая стены, пол и потолок. Они были сложены из больших темных от древности кирпичей.

В конце коридор поворачивал направо. Конан осторожно выглянул из-за угла и увидел проем, закрытый пологом из свободно свисающих золотых нитей.

Приглядевшись, он понял, что нити эти — человеческие волосы. Прекрасные волосы златоволосых красавиц. Переливающиеся светом, колышущиеся от малейшего прикосновения ветра.

— Ты уже здесь, мой господин? — раздался знакомый голос. — Где же ты? Почему ты не входишь ко мне?

Конан шагнул сквозь волосяной полог и оказался в комнате, завешанной красными драпировками. Посреди комнаты стояло ложе, на котором возлежала его прекрасная невольница. Хотя, пожалуй, сейчас она была госпожой. Да и всегда, понял Конан, была госпожой. Утренние события являлись всего лишь невинным розыгрышем — и у Конана не было ни рабов, ни слуг. Это обстоятельство вдруг открылось ему отчетливо, будто с глаз упала черная пелена.

— Ну, иди же сюда, мой милый, — сказала она, выгибаясь на ложе и облизывая соблазнительно увлажненные соком губы. — Я так тосковала без тебя...

Конан не видел ее правой руки. Она как-то слишком нарочито прятала ее за ложем, изо всех сил пытаясь делать вид, что совершенно расслаблена.

Острым, натренированным за суровые годы сражений, боковым зрением киммериец улавливал и еще одну странность этого места. Драпировки шевелились словно от ветра. Но никакого ветра здесь не было.

— Ты ждала меня, — спокойно сказал он, прислушиваясь и принюхиваясь. Тут были не только запахи фруктов и женщины, но и запах мужчины. Напряженного, озабоченного мужчины — однако отнюдь не совокуплением. — И приготовила для меня сюрприз...

Лилува вздрогнула. Едва заметно, но достаточно для того, чтобы это увидел Конан. Она боялась его, и, пожалуй, боялась больше, чем хотела.

— Этот сюрприз — я, — произнесла Лилува, снова делая вид, что расслаблена.

— Пожалуй, я забыл об одной вещи, — заявил Конан. — Когда мы встретились впервые, я собирался наказать тебя, моя непослушная рабыня. Но я не сделал этого... Теперь, думаю, настало время восполнить упущенное... — С этими словами киммериец вытащил из складок набедренной повязки кожаную плетть с крючьями. Лилува непроизвольно напряглась, приподнявшись с ложа, и уставилась на орудие пытки широко раскрытыми глазами. — Отличный бич, — сказал Конан. — И он оставит на тебе незабываемые следы...

— Хиннар! — вдруг отчаянно завопила Лилува, и на втором слоге голос ее сорвался.

Конан усмехнулся: у женщин слишком развито воображение, особенно, когда это касается боли.

Комната мгновенно ожила. Драпировки раздвинулись, и из-за них выскочила дюжина слуг с мечами и щитами. Они все тряслись и жутко потели от страха. Так что воздух вокруг переполнился миазмами трусости. Они все хотели убить Конана, были призваны вопреки своей воле сделать это, и боялись этого не меньше, чем собственной смерти. Особенно выделялся среди них один, уже знакомый киммерийцу — человек, представившийся с утра его слугой. Он подсту-

пил ближе всех, и в глазах его светилось решительное отчаяние.

— Убейте его! — сорванным голосом вскрикнула Лилува, и Конан, наконец, увидел, что она прятала в правой руке.

Всего лишь нож. Длинный стигийский нож с позолоченным лезвием. Дорогую игрушку жрецов.

Хиннар завопил, как кастрируемый поросенок, и бросился в бой, точнее, к мечу противника, чтобы подставить под него лицо, которое при столкновении с ним аккуратно разделилось надвое и сползло к плечам, оставив лишь кричащую окровавленную маску. Конан взмахнул мечом еще раз и снес бедняге голову, прекратив его мучения.

Поднялся слаженный вопль дюжины глоток. Громче и отчаянней всего получилось у красавицы Лилувы. Глядя на своего слугу, точнее, две его части — и обе безобразно мертвые, она быстро постигала трудную науку жестокой реальности. Но все равно не хотела верить.

— Нет! — раздался ее крик, первый осмысленный крик в комнате после гибели Хиннара. — Больше никто не умрет!

Остальные глотки мгновенно заткнулись. Воцарилась тишина.

— Как скажете, принцесса, — поклонился Конан, опускаясь на одно колено.

— Убирайтесь! — приказала Лилува слугам.

— А что... — осмелился вымолвить один из них, смуглый бородатый вендиец с глазами на-

выкат. — Кроме Джебора и Хиннара, он убил еще и...

— Я сказала: убирайтесь! — взвизгнула Лилува.

Понадобился еще один миг, чтобы комната обрела прежнюю тишину. Если бы не появившаяся на красных драпировках кровь, да труп Хиннара на полу, все выглядело бы просто как идиллия.

Хотя была и еще досадная мелочь: Лилуву билла крупная дрожь. Она все еще сжимала в правой руке позолоченный нож для жертвоприношений. Наверное, она всего лишь позабыла о нем, но это нисколько не отменяло его остроты, а возможно и ядовитости — насколько знал Конан, стигийские жрецы имели нехорошую привычку смазывать свои инструменты ядом, парализующим мышцы, так что жертва умирала в полном сознании, не имея возможности ни двигаться, ни даже кричать.

— Нож, — сказал Конан, привыкший напрямую выражать мысли.

— Ты убил его, — глухо произнесла Лилува, словно не услышав киммерийца.

— Я защищался, — ответил Конан.

— А кого ты убил еще?

— Продавца щербета, горбуна с отрубленным кончиком носа. Я не хотел его убивать, но он оказался уж слишком настырным. Он явно хотел смерти.

Лилува тяжело вздохнула и хотела еще что-то сказать, но тут разговор был прерван неожиданным вбежавшим человеком. Это был напарник

убитого Конаном жениха Лилувы, Ханфий. Он был жутко возбужден и, похоже, мало что видел. Одежда его была порвана, на лице обильно выступил пот. Глаза выглядели безумными.

— Казаки! Казаки! — вскричал он и упал перед госпожой на колени, едва не уткнувшись в труп Хиннара. — Госпожа! — заорал он громче прежнего, заметив, что перед ним, и вскочил на ноги. И тогда обнаружил возле себя Конана с окровавленным мечом.

Кричать он больше не мог. Ужас перехватил ему дыхание. Он только стоял с открытым ртом и, не моргая, глядел на варвара.

Конан нехорошо ухмыльнулся, подумал, что не стоит этого делать, могут неправильно понять — и стер ухмылку с лица. Теперь он выглядел спокойно и сурово, словно каменный истукан.

— Говори же, Ханфий, не нужно молчать. В этой комнате больше никто не умрет.

— Госпожа, этот человек... — с трудом ворочая языком, начал Ханфий.

— Я знаю, — ответила Лилува. — Но ты, кажется, что-то хотел сказать о казаках?

Ханфий застонал и снова бросился на колени.

— Казаки! Они возле города!

Лилува вскочила.

— Что? Ты сошел с ума, Ханфий! Этого быть не может!

— Этого не может быть, госпожа, но это так, — задыхаясь, вымолвил Ханфий. — Казаки на расстоянии полета стрелы от города и выглядят они очень воинственно.

Лилува взяла со стола хрустальный колокольчик и позвонила.

Голос у колокольчика был серьезнее, чем вид. Громкий и пронзительный. В комнату тотчас вернулись все слуги, которых Лилува недавно выгнала.

— Унесите тело, — приказала она двум рослым бородатым вендийцам. А когда приказание было исполнено, добавила: — И принесите лучшую одежду для нашего гостя.

Сапоги из крокодиловой кожи, шаровары из тончайшего шелка с вышитыми драконами, длинная рубаха и красный тюрбан, украшенный золотыми пластинами с крупными изумрудами, выглядели, конечно, заманчиво, но у Конана снова было ощущение, что где-то здесь затаился обман. За каким дьяволом властительница предлагает убийце своего жениха такие богатые дары? Он смотрел на одежду, лежащую на подушке, которую держала юная рабыня лет тринадцати. Сама она была совершенно не одета, но нельзя было сказать, что полностью обнажена. Тело было выкрашено краской, настолько успешно скрывавшей анатомические подробности, что Конан не сразу понял, что это краска.

— Тебе что-то не нравится? — спросила Лилува. — Я накажу всех своих рабов, если они принесли не самое лучшее!

— Нет, — ответил Конан. — Просто я не при-

вык к такой изысканной одежде. Для жителя севера это все слишком роскошно.

Лилува рассмеялась.

— Ничто не сравнится роскошью с твоим великолепным телом! Даже царские одежды будут для тебя все равно что медная оправка для бриллианта!

Юная рабыня, державшая одежду, позволила себе слегка нарушить свою неподвижность каменного изваяния. Уголки губ чуть дрогнули, а голова наклонилась — девочка в смущении уставилась в пол.

— Вот, смотри — даже мои куклы согласны со мной, хотя я и не подозревала, что у них может быть какое-то мнение, пусть даже и не свое!

Конан вынужден был уступить давлению и одеться.

Лилува с восхищением оглядела его, обойдя кругом. Он больше не казался неотесанным мужланом.

— Ты великолепно выглядишь! — сказала Лилува. — Такой ты нравишься мне не меньше, чем без одежды. Хотя, конечно...

— Где мой меч? — мрачно спросил Конан.

Лилува надула губки.

— Принесите ему его меч! — приказала она, едва не фыркая от возмущения. Ее перебили! Ей не дали досказать до конца! Грудь Лилувы распирало от гнева и будь на месте Конана кто-нибудь из горожан, его бы уже раздели, растянули животом вниз и нещадно секли.

Когда Конан получил назад оружие, на душе

у него стало гораздо легче. Он уже был готов простить Лилуву за то, что та одела его, как будто выставляла на торги.

Она, казалось, смотрела на него с любовью и обожанием.

— Я думаю, что ты голоден, и прежде чем продолжить день, нужно восстановить твои силы. Ты столько потратил на меня... — сказала она и хлопнула в ладоши: — Слуги! Ваши уши слышали!

— Но госпожа... — смущенно произнес Ханфий. — У стен города казаки, и, боюсь, они не намерены тянуть с приступом...

Лилува нахмурила брови:

— Все остальное потом! — твердо заявила она. — И Солнце может подождать, если я хочу угостить своего гостя! Поспешите же!

Слуги принялись изо всех сил быстро изменять покой. Красные драпировки сменились зелеными, появились два зеленых ложа и зеленый столик. На котором одно за другим стали возникать зеленые блюда с разнообразным содержанием различных оттенков зеленого цвета. Этот цвет, по мнению нынешнего придворного врача Лилувы, не только способствует пищеварению, но и развивает дух. Ибо зеленый цвет навевает человеку воспоминания о растительной жизни: о траве, деревьях, кустах, которые являются основой всего живого.

Правда, Конан ничего этого не знал. Как не ведал и большинства названий блюд, оказавшихся перед ним. Виноград, яблоки, груши и личжи

он еще мог отличить, но эти фрукты составляли лишь небольшую часть яств. Зато Конан точно знал, что виноград способствует мужской силе, страсти, долголетию и отваге в бою, а личжи прекрасно заживляет телесные и душевные раны. Но больше всего Конана привлекали напитки, волнующий запах которых он мог уловить даже на расстоянии.

Лилува возлегла на одно ложе и пригласила Конана на ложе напротив. Он не слишком жаловал такой этикет, но отказать прекрасной госпоже не смог.

— Начем, пожалуй. — Лилува звонко хлопнула в ладоши.

И тотчас же зеленые драпировки раздвинулись, и из них показались обнаженные руки. За ними постепенно появились молодые и страшно тонкие мужчины и женщины. Женщины были полностью обнажены, а у мужчин были набедренные повязки, которых хватало только на то, чтобы едва прикрыть естество. Конан никогда прежде не видел настолько хрупких и гибких людей. Кроме прочего, они были вымазаны с ног до головы, включая волосы, белой краской, и от этого выглядели, как призраки.

— Из Бритунии, — сказала Лилува, отправляя в рот очищенный плод личжи. — И пять лет обучались в Кеми искусству легкости и пустоты. Они не работают и не думают, и почти не едят. Они не чувствуют голода, и если их не кормить, они умирают, даже если вокруг них полно еды. Потому что едят они только с рук.

Конан взял со стола нефритовый кубок с пенящимся напитком, аромат которого властно призывал к себе, и пригубив его, тотчас не удержался и весь выпил. Когда он хотел поставить кубок обратно на стол, чтобы вкусить и других щедрот госпожи, то обнаружил, что нагая бритунка с безумными глазами стоит между ним и столом с яствами, покачивая бедрами. Он отодвинул ее рукой и взял кисть винограда. Ягоды были огромными и сочными. И, пожалуй, правду говорили, что виноград способствует страсти. Съев пару ягод, Конан подумал, что бритунка удивительно красива и нежна. Ему захотелось сейчас же ощутить под пальцами ее податливую кожу, схватить это хрупкое тело и овладеть им. Интересно, а боль они чувствуют?

— Возьми ее, Конан! — воскликнула Лилува. — Возьми ее прямо здесь!

Конан покачал головой. При других обстоятельствах он бы с легкостью и удовольствием поступил по призыву Лилувы, но только не здесь и не сейчас.

Он положил ладонь на бедро бритунки, слегка отодвинул ее, взял со стола большую сочную грушу и протянул ей. Бритунка взяла плод и вонзила в него крепкие зубы. Сок потек по ее подбородку, оставляя темные потеки на белой краске.

Лилува сказала:

— Ты благородный человек, Конан. Я рада, что не ошиблась в тебе. Хорошо бы, чтобы ты оставался благородным и впредь. Не разочаровывал бы меня. А для этого власть казаков в городе

не слишком подходит. Что-то подсказывает мне, что они, в отличие от тебя, не благородны...

— Ну, конечно! — воскликнул Конан. — С чего бы сынам вольного поля быть благородными?

Лилува в смущении опустила глаза, будто Конан сказал что-то очень непристойное. Возможно, так оно и было.

— Значит, тебе придется заставить их уйти, — неожиданно решительно заявила Лилува.

— Вряд ли они послушают меня, — засомневался Конан. — Да и с чего бы это им поворачивать от богатой добычи?

— Напугай их.

Конан расхохотался. Он даже представил себя, как прыгает перед Орузом и сотоварищами и корчит жуткие гримасы, а они глядят на него с полнейшим непониманием.

— Они же не дети... — наконец удалось произнести ему сквозь приступы смеха. — Разве можно напугать взрослых мужчин?! Да еще таких, какие перевидали многое, что другим и не снилось!

— У каждого есть свои страхи, — сказала Лилува, не разделяя буйного веселья киммерийца. — Надо только найти их. Ты же знаешь своего атамана. Напугаешь чем-нибудь его, а другие последуют его примеру.

Конан хохотнул последний раз.

— Ты серьезно?

— Ну, конечно! Я же не предлагаю испугать его как маленького ребенка, скорчить ему жуткую гримасу и показать козу! У взрослых свои страхи, подумай, наверняка, ты сумеешь найти

слабое место атамана. Я ведь сумела найти твоё слабое место...

— Что? — Конан приподнялся с ложа. — Ты что хочешь этим сказать?

— Думаю, теперь ты имеешь право знать правду. Правду о том, что случилось ночью... — объяснила Лилува. — Ты ведь ощущаешь в своих воспоминаниях провалы, недосказанности. Тебе кажется, что твоя голова не полностью принадлежит тебе. Я знаю об этом. И я бы не стала травить тебя соком черного лотоса, если бы не знала, что последствия обратимы.

И Лилува рассказала о том, что Конан не помнил. Правду о том, что случилось нынче ночью.

Это не сильно ему понравилось, лицо его приобрело сначала изумленное, потом гневное выражение, он очень не любил, когда им действовали как марионеткой. Тем более, в буквальном смысле. Мышцы его вздулись буграми, а пальцы так плотно обхватили рукоять меча, что костяшки побелели.

Но он быстро взял себя в руки. Достаточно того, что он был глупцом в помраченном состоянии, не следовало продолжать оставаться им в полном сознании.

— Но почему именно я должен защищать город? С какой стати? Что, твои люди настолько слабые воины, что не сумеют противостоять жалкой горстке казаков?

— Я бы так не сказала. Они отнюдь не выглядят жалкой горсткой. Но не в этом дело. Просто я не желаю убивать их. Это низко и неблагород-

но. Кроме того, лично мне ужасно неприятно пачкаться в чьей-то крови. Потом, я знаю, меня будет несколько лет тошнить при виде мяса. Но ты можешь не беспокоиться, выбора у тебя все равно нет, если ты, конечно, не самоубийца. Тебе придется защищать город, хочешь ты этого или нет...

Конан не сразу понял, о чем толкует Лилува. Но когда перед глазами вдруг все поплыло, а в животе появилось чувство, что в него воткнули тонкий ножик-пилку и стали медленно водить им, вырезая отверстие, Конан вскочил с ложа, потянувшись к мечу, и неожиданно обнаружил, что ноги больше не принадлежат ему. По крайней мере, полностью. Они все еще были соединены с ним, и он даже мог шевелить ими, но они перестали его слушаться.

— Ах, Конан, как я хотела бы, чтобы у меня не было нужды убивать тебя!.. — произнесли губы Лилувы, вдруг оказавшиеся у самого лица киммерийца.

— Что это? — с огромным трудом сумел он выговорить — рот тоже отказывался ему повиноваться.

— Да все тот же черный лотос, — сказала Лилува. — Все зависит от того, в какое время его сорвали. Лишили связи с водой и землей. Утром, вечером, в полдень или в полночь. Свойства черного лотоса весьма разнообразны, иногда он даже может служить любовным зельем. Еще, конечно, важно, как его приготовить. Но тебе, пожалуй, все это уже ни к чему...

— Ты... ты хочешь убить меня? — спросил Конан.

Лилува фыркнула и всплеснула руками.

— Ну, наконец-то, догадался, умница! — Она даже вскочила в возмущении. — Ты что, идиот? Я уже сказала, что не хочу убивать тебя... Но ты должен мне одну услугу...

— Хорошо, я окажу тебе эту услугу. Как ты сказала, у меня все равно нет выбора, — произнес Конан, собрал остатки сил и поднялся, опираясь на меч.

Лилува побледнела — она не ожидала, что после такой дозы человек вообще сможет двигаться, но все равно протянула киммерийцу маленький пузырек с зеленоватой жидкостью.

— На, прими это... Но учти, что это всего лишь первая часть противоядия. Ты избавишься от боли, но только на полдня. К вечеру ты умрешь, если я не дам тебе вторую часть. А я дам ее тебе только, если ты выполнишь условие...

Конан взял пузырек и усмехнулся.

— Думаю, хуже уже не будет, — заявил он и выпил содержимое одним глотком. Жидкость пролилась по пищеводу внутрь и мгновенно растворила ножик-пилку. Ноги снова обрели способность двигаться.

— Я заставлю казаков уйти. Но мне понадобятся твои люди. Если они сумели обмануть меня, то почему бы им не обмануть и казаков. На ум они слабы, хоть и быстры на руку. И я знаю одно слабое место атамана. Вот мы этим и воспользуемся! Мы выйдем навстречу казакам и за-

ставим их бежать от города, только пятки сверкать будут!

— Но, Конан, это же всего лишь слуги. Что они, по сравнению с казаками? Кроме того, их жизни дороги мне. Они много для меня значат.

— Обещаю, они не пострадают, — как можно тверже сказал Конан. Он не был абсолютно уверен в этом, но в конце концов эти люди всего лишь рабы, так что особой беды в их гибели не будет. Главное, чтобы она не была напрасной.

— Идемте же! Казаки не станут слишком долго ждать! — поторопил Ханфий.

15

Казаки! Эти пришлые люди, неизвестно ради какой прихоти так удалившиеся от родины, скакали на горячих татарских конях по кругу, подняв вверх пики и что-то выкрикивая. Со сторожевой башни справа от городских ворот их было видно как на ладони.

— Что они кричат, Конан? — спросила Лилува.

Конан огляделся и заметил, что взгляды всех стражников в пределах видимости направлены на него. И он сразу понял почему. Они видели его в казацкой одежде — и теперь несколько не сомневались, что он лазутчик.

— Они кричат, чтобы евнухи этого города не боялись. Они не трогают евнухов. А поскольку в городе никого, кроме евнухов нет, никто и не пострадает. А еще кричат, чтобы девки принарядились, ибо они, казаки, любят срывать красивую

одежду. А доброе семя казаков даст добрые всходы...

— Варвары! — взвизгнул Ханфий. — Варвары!

— Ты уверен, что они кричат именно это? — засомневалась Лилува. — Мои уши слышат, кажется, только пару-тройку слов, не больше. И как это они умудряются втиснуть в три слова столько смысла?

— Варвары, — пожал плечами Конан, широко ухмыляясь.

Ханфий принялся говорить о кровожадности казаков, о том ужасе, который испытывает перед их неумолимой жестокостью, еще о каких-то страхах, но ни Лилува, ни, тем более, Конан особо не прислушивались к его речам.

Лилува поманила одного из слуг, бледного полноватого молодого человека, безбородого и безволосого, с маленькими свинячьими глазками и тонким красным ртом, похожим на кровавую рану.

В глазах Яреда промелькнул страх, потом он с трудом изобразил подобострастную любовь и, согнувшись в подобии поклона, засеменял к госпоже.

— Яред, слушай, ты будешь вместо Хинна-ра, — сказала Лилува. — Я знаю, что ты давно мечтал на его место. Так вот, теперь тебе предоставляется отличная возможность.

Яред принялся мелко кланяться.

— Отправляйся с ним, Конан. Он сделает все, как ты скажешь. Теперь все зависит от твоей фантазии. Надеюсь, ты прав, и успешно насту-

пишь на уязвимое место этого жуткого казачьего атамана!

Когда киммериец спустился с Яредом, и люк за ними захлопнулся, Ханфия вдруг словно прорвало:

— Конана нужно немедленно убить! Он же казачий лазутчик! И при первом же удобном случае предаст нас, откроет ворота и впустит своих соратников, чтобы они вдоволь поглумились над нами! Я с самого начала подозревал, что он лазутчик. Когда я увидел его в спальне обнаженным, я сразу же уловил в его наглых глазах свет коварства и предательства! А когда он убил моего друга Джебора, я уже несколько не сомневался в этом!

Лилува слушала взволнованную речь Ханфия с тонкой улыбкой, словно он говорил о пустяках, а когда он остановился, чтобы перевести дух, сказала:

— Конечно, он предатель и лазутчик. В этом не может быть сомнений. Но в моих руках он всего лишь орудие. Разве ты этого не заметил?

Ханфий не сразу нашел, что сказать:

— Заметил, но... Но ведь он все равно враг!

— Не себе. Он считает, что пока казаки здесь, он может умереть так же легко, как поднести кубок к губам. Потому что один кубок он уже поднес.

— Но... Он же ведь может обмануть нас! Он может вернуться потом со своими казаками! В этом-то ему ничто не помешает!

— Ты, наверное, так бы и поступил, Хан-

фий, — с ядовитой улыбкой произнесла Лилува. — Но не Конан. Он слишком гордится собственным благородством, чтобы признаться в предательстве ради спасения собственной шкуры. Кроме того, он ведь не казак по происхождению.

Ворота со скрипом открылись, и при полных регалиях посла кошачьего города, несколько смешных, на взгляд киммерийца, Конан выехал навстречу казакам. Разбойные люди стояли плотной разноцветной гурьбой, к небу вздымалось множество пик с белыми и черными хвостами яков. Временами слышался нарочито громкий смех. Но постоянным был только один звук — лязг оружия.

Увидев Конана, Оруз расхохотался. Он и представить себе не мог отважного воина в таком нелепом виде. На голове шапка в виде тигриной головы, украшенной зачем-то павлиньими перьями, на груди — многорядное ожерелье из зубов разных животных, тело до щиколоток скрыто тяжелой красной накидкой с пришитыми к ней лапами шакалов и гиен.

— А, что я говорил! — завопил Юлма. — Не казак, он не казак и есть! И помрет не казак! — С этими словами Юлма выхватил тонкую кривую саблю.

— Остынь!!! — проорал на него Оруз, да так громко, что Юлма тут же спрятал саблю обратно в ножны, смутившись и потупив взор.

— Эй, Конан! — закричал Оруз. — Ты что это вырядился, как девка на смотринах? Или умом тронулся? Или поженился на ком из города?

Конан покачал головой, ничего не отвечая. Он подошел к Орузу и встал, глядя ему в глаза.

— Я ждал вас позже, — спокойно сказал он.

Оруз ослабился еще больше, показав, что зубы у него темные, гнилые, к тому же правый резец обломан под корень.

— Да ты, друг, никак не рад нам? А мы-то думали, что ты совсем по нам соскучился, — он обернулся, и толпа соратников ответила ему дружным гоготом. — Вот и пивка крепкого тебе привезли. Знатное пиво. Коня с ног валит. — Казаки опять заржали. Чувство юмора у них было своеобразное, зато им его было не занимать.

— Ситуация изменилась, Оруз, — так же спокойно, словно бы разговаривал с незнакомцем и не осушивал вместе с казаками озера вина и пива, сказал киммериец. — Город закрыт. Чума. И мы все умрем. Так что ради собственной жизни, Оруз, не веди внутрь людей.

Оруз вмиг посерьезнел. Рука его легла на рукоять меча, а рот сжался в узкую бледную линию. Смотреть ему в глаза было теперь так же страшно, как смотреть в глаза вожака волчьей стаи.

— Ты лжешь, пес, — с рычанием вымолвил он. — Я не вижу на тебе никаких признаков болезни. — Он поднял меч и направил острие в грудь Конана.

Конан потянул шнур накидки, и она соскольз-

нула с его могучих плеч, явив кожу, на которой виднелись отвратительные черные пятна.

— Не трать свою силу, друг, — спокойно сказал он. — Она тебе потом пригодится. А я умру сам. Я уже мертвец. Ибо после такого не выживают. Черная смерть не шутит.

Оруз ткнул острием в одно из пятен и надавил. Из груди Конана потекла тонкая струйка крови.

— Ты... — сказал Оруз, собираясь с мыслями, но не успел завершить свой тяжелый труд.

Ворота города с жутким скрипом открылись, и оттуда на песок выпал человек. Лицо его было серо, и большую его часть занимали черные пятна, а в нескольких черных пятнах были гноящиеся язвы, и оттуда вытекала кровь. Голова человека была непокрыта, лишь несколько седых волосинок жалко торчали на ней, и на лысине тоже имелись черные пятна с язвами. Скрип продолжался — ворота открывались, и когда они открылись полностью, стало видно, что площадь перед воротами завалена трупами. Этот ужасный вид вызвал у толпы отважных казаков единый громкий вопль. И самое страшное, что по песку от этой горы трупов к ним, спотыкаясь, шел лысый человек с изъязвленной головой.

— Уходим! — закричал кто-то, и вся толпа повернула лошадей.

— Эй, Оруз! — позвали из толпы. — Оставь его, он — труп!

Не дожидаясь Оруза, казаки направились прочь от города. Они привыкли сами делать мертвцев,

и это у них отлично получалось, но мертвецы от черной болезни, мертвецы, прогневившие собственного злобного бога, пугали их. Они предпочитали по своей вере умереть в бою и после смерти попасть на небесные поля сражений, чтобы продолжать биться и воскресать, а не ползать на брюхе среди вонючих трупов в общей могиле.

Человек, выползший из города, продолжал двигаться и вскоре оказался у ног орузова коня. Атаман все еще держал меч у груди Конана.

— Спаси нас, избавь от мучительной смерти, — прошептал черный мертвец, подняв голову.

Оруз не выдержал. Он поднял своего коня на дыбы, взмахнул мечом, наклонился и единым духом снес черному мертвецу голову.

— Я избавляю вас всех! — неожиданно заорал он и, вместо того, чтобы присоединиться к мирно отступавшим товарищам, понесся к открытым воротам в город. — Вы будете благодарить меня на том свете, если кто-то из вас еще жив! — вопил он.

Все это случилось столь быстро, и настолько не вязалось с идеальным планом Конана, что он не сразу сообразил, что план оказался вовсе не идеальным. И требовал немедленной и решительной доработки.

17

Увидев, что атаман ворвался в город, остальные казаки, не задаваясь слишком глубокими вопросами, повернули вспять, и, немного сторонясь

страшно изукрашенных трупов, тоже въехали в город.

То, что они обнаружили на площади за городскими воротами, им не понравилось гораздо сильнее, но обращаться в бегство показалось недостойным, поэтому они последовали примеру Оруза — вытащили сабли и бросились в бой.

Гигантская черная кошка, защищенная доспехами — не самая легкая из добыч. Честно говоря, шансов выйти живыми из схватки у казаков было немного. А шансов победить — ни единого. И они это понимали, однако были слишком гордыми, чтобы отступать.

Уши у гигантской кошки были прижаты, пасть с огромными клыками открыта, когти на лапах выпущены. Она медленно, крадучись, шла, чуть пригибаясь к земле, едва покачивая хвостом.

Потом вдруг сменила темп — и Оруз, который оказался ближайшим ее противником, не сразу заметил, что она оказалась на расстоянии удара. Это было непростительной оплошностью. Ибо он позволили кошке нанести первый удар. Большая лапа с длинными когтями мелькнула в воздухе, конь испуганно заржал и попытался уйти в сторону, отчаянно мотнув головой. Но кошка была быстрее. Четыре острых когтя разодрали шею коня, фонтаном брызнула кровь — животное захрапело, взбрыкнуло задними ногами, и повалилось.

Оруз едва успел соскочить, прежде чем конь упал, молотя воздух копытами. Кошка на мгно-

вание отступила, затем снова приблизилась и нанесла еще один скорый и сильный удар.

Оруз уже стоял, широко расставив ноги, готовый сражаться. Он слегка покачивался, чтобы иметь возможность быстро передвинуться в удобную для боя позицию.

Он был готов ко всему. По крайней мере, ко всему тому, что знал. Но кошка не собиралась сражаться с казаком честными казачьими способами. Не то, что она презирала казачьи приемы ведения боя, она просто их не знала.

Оруз готов был сражаться, готов был с храбростью отдать свою жизнь, но обязательно прихватив чужую. Жизнь своего врага — неважно, была ли эта тварь перед ним обыкновенным зверем или демоном из преисподней. Глаза его пылали гневом и отвагой. Он слегка сутулился, вперившись взглядом в холодные круглые глаза свирепой кошки. Она елозила по земле хвостом, поигрывая мышцами и скребя когтями, которые проделывали в земле глубокие борозды.

Потом она прыгнула. Оруз уклонился и взмахнул мечом, чтобы распороть наглой кошке морду, но меч его не встретил никакого сопротивления. Кошка зарычала и отпрыгнула в сторону, упав на спину. Оруз вдруг почувствовал какое-то неудобство, посмотрел вниз и заглянул внутрь своего живота. То, что он там увидел, ему не понравилось, точнее, ему не понравилось уже то, что он заглянул внутрь — не следует человеку видеть то, что находится у него в животе.

— Так умри же и ты! — в отчаянии заорал он,

бросился за кошкой, выставив перед собой меч, но через несколько шагов запутался в собственных кишках, некстати вылезших наружу, и упал лицом вниз.

Ноги его задергались, он пробормотал еще что-то и затих.

Гигантская кошка положила лапу ему на голову и одним движением сорвала скальп. Оруз снова дернулся — теперь в последний раз.

Все произошло так быстро, что другие казаки не успели прийти на помощь атаману. Они все еще с боевыми воплями скакали к месту битвы, когда все было кончено. Юлма отстал от остальных, заинтересовавшись золотым браслетом на одном из страшных трупов. Он опустил саблю, собираясь отрезать трупу руку и забрать украшение — все равно мертвецу оно ни к чему, но намерению не суждено было осуществиться.

Гигантская кошка бросилась прочь от плотной толпы казаков, обогнула их и направилась к воротам. Юлма услышал изменившиеся крики товарищей, и поднял голову как раз вовремя, чтобы увидеть несущегося на него зверя. Раздумывать было некогда. Учитывая, как ловко расправилась кошка с конем Оруза, лучше было биться пешком. Юлма соскочил с коня, хлопнул его по крупу, отсылая, и встал для битвы, как можно крепче перехватив саблю.

Кошка замедлила бег, и последние шаги подкрадывалась, прижавшись к земле, как самая обыкновенная кошка подкрадывается к птице.

Глядя в желтые глаза, Юлма вдруг понял, что

не в силах пошевелиться. Словно жуткая магия сковала его по рукам и ногам, превратила мышцы в камень и стянула мозг железным обручем. Он не мог даже закричать. Хотя закричать ему очень хотелось. Перед ним был не иначе, как демон. Эта дьявольская кошка не могла быть просто зверем.

В глазах жуткого создания не было ярости, не было вообще никаких эмоций. И это было страшнее всего. Время словно растянулось. Мгновения стали длинными и томительными, как текущий мед.

Кошка шла на казака, не торопясь, словно и не собиралась убивать его. У Юлмы даже мелькнула шальная мысль, что это и вправду так. Но всего лишь на мгновение, а потом Юлма понял, что к нему идет смерть. Если бы это было простое животное, то оно могло бы пройти мимо неподвижного казака, ибо не сочло бы его добычей: большие кошки реагируют только на движущуюся жертву. Но эта тварь являлась не только зверем.

Юлма очнулся, когда кошка была уже в трех шагах от него.

Он завопил и прыгнул на дьявольскую тварь. Так быстро, что кошка от неожиданности присела на задних лапах. Юлма перелетел через нее, извернулся и схватил за хвост.

В этот момент в городских воротах появился Конан. Большую часть регалий посла кошачьего города Конан успел потерять. На нем больше не было тигриной шапки с павлиньими перьями, и

красной накидки тоже. А тяжелое ожерелье он как раз снимал с себя, когда вбегал в ворота.

Схваченная за хвост кошка в первый миг дернулась с жутким воем вперед, и Юлма упал. Но хвост не отпустил. Кошка попыталась развернуться и достать казака передними лапами, но он оказался не менее проворным. Ужас придал ему почти нечеловеческую ловкость и силу.

И он был так занят, что не заметил, как вокруг него начали вставать мертвецы. С черными пятнами, с кожей, свисающей лохмотьями, со страшными глубокими ранами, в которых чернел отвратительный гной!

Зато остальные казаки пришли от увиденного в неопишуемый ужас. Они ударились в панику, совершенно неподобающую сынам вольных степей, но ничего поделать с собой не могли. Живых они не боялись. Но мертвецов, особенно умерших от болезней, страшились не меньше, чем малые дети. Они почувствовали себя в ловушке, словно их заперли в склепе с гниющими трупами, которые вдруг ожили и собирались сожрать казаков живьем! И нужно было бежать. Прочь из города! В спасительную пустыню, маячившую барханами сквозь проем ворот.

И казаки понеслись, не разбирая дороги. Не обращая внимания на то, что сбивают с ног зажавшиеся трупы, которые не успели убраться с пути. Но казакам уже было не до таких мелочей.

Конану пришлось проявить всю свою ловкость, чтобы не быть затоптанным копытами казачьих коней. Он отскочил в сторону и чуть не

попал под удар кошачьей лапы. Острые когти пронеслись перед самым его лицом. А в следующий миг ему чуть не откусил нос что-то орущий Юлма. Этого казака Конан всегда недолюбливал, он явно метил в атаманы, но действовал все больше окольными путями, так как ему не доставало ни силы, ни храбрости. Догадаться, что орал Юлма, было несложно. По крайней мере, понять, чего он хочет. «Убей ее, я ее держу», — хрипел он.

Но эта свирепая огромная кошка боролась с казаками, защищая город, значит, Конану не следовало ее убивать. И он быстро принял решение, не успела еще танцующая смертельный танец пара казак-кошка завершить новый круг.

Одним движением Конан вытащил меч из ножен и снес вопящему казаку голову. Она все еще продолжала вопить, теперь уже беззвучно, летя в воздухе, а тело еще держалось за хвост, когда гигантская кошка стала разваливаться. Сначала отвалился хвост, и безголовое тело Юлмы повалилось под ноги Конана. Потом лапы кошки сделались мягкими, словно внутри исчезли кости, и она повалилась на брюхо.

Сзади раздался крик, как будто юный поросенок увидел нож для кастрации. Конан невольно обернулся и увидел Яреда, держащего голову Юлмы. Рот казака был открыт, глаза — тоже. Бледный толстяк сделался еще бледнее и орал теперь заместо казака, не в силах оторвать взгляд от мертвого взгляда Юлмы.

Но Конану не пришлось наблюдать эту картину слишком долго. Площадь огласил новый звук.

Женский стон. И голос был удивительно знакомый. Лилува!

Она лежала в пыли и крови, обнаженная и плачущая. Вокруг нее были разбросаны детали кошачьих доспехов и черная шерсть. Она скребла по земле окровавленными пальцами, из которых вместо ногтей торчали огромные металлические когти.

Конан бросился к Лилуве и отбросил давящую ей на спину тяжелую кошачью кирасу. Лилува с благодарностью посмотрела вверх на киммерийца и устало, измученно улыбнулась.

Яред все еще продолжал орать, не в силах оторваться от созерцания отрубленной головы.

— Гор милосердный, заткни его! — взмолилась Лилува.

Конан наклонился, поднял с земли камень и швырнул его в Яреда. Камень возымел немедленное действие, но большее, чем рассчитывал киммериец. Яред не только заткнулся и успокоился, но и умер. У бледного толстяка было слабое сердце. Он упал замертво, и голова Юлмы снова пришла в движение, подкатившись к оставленному ею телу.

— Помоги мне подняться, — сказала Лилува.

Конан наклонился к ней и заметил, что когти и пальцы красавицы существуют теперь независимо друг от друга. Он помог ей сесть, и сам опустился на корточки.

Со всех сторон раздавалось кошачье мяуканье и урчание. Все кошки города собрались на площади и приближались к защитнице. Когда пер-

вая из кошек принялась тереться головой о бедро Лилувы, она сказала:

— Уходи, мне нужно остаться одной с ними.

18

Три дня спустя следов битвы и нападения казаков не осталось. На площади снова расположились туареги со своими семьями, слугами и рабами. Они снова играли белыми камешками и козьим пометом в облавные шашки на песке, рисуя клетки пальцами, и вели долгие нескончаемые беседы о пустыне, скоте, погоде, соседях, друзьях и врагах. Снова звучали песни под аккомпанемент барабанов, ладоней и однострунной скрипки эмзат. Снова тонкой струйкой взбивая пену, лился из чайников в кружки чай, и задумчивые мужчины смотрели в опаленное солнцем небо.

Несмотря на то, что план Конана удался лишь отчасти, и Лилуве все же пришлось сражаться, хоть и не так много, как она боялась, она не лишила его своей милости. Три дня и ночи киммериец провел в праздных удовольствиях, наслаждаясь всеми утехами плоти, в таверне, где прежде провел несколько прекрасных часов с Лилувой, и где убил Джебора.

Окно уже починили — и в комнате царила прохлада и мягкий полусвет. Две прекрасные рабыни, присланные Лилувой, ублажали его: одна черная, как эбонит, тонкая и стройная, как кипарис, другая — белая как мрамор, но с алыми гу-

бами и черными, как вороново крыло и мягкими как шелк, волосами.

Лилува обманула Конана. Противоядие содержалось в маленьком пузырьке с зеленоватой жидкостью, который Конан выпил в самом конце пира, устроенного защитницей накануне битвы. Никакой второй части противоядия не было. Об этом Конану, смеясь, сказала маленькая служанка, которая принесла ему мясо и вино после битвы с казаками. Она смеялась так заразительно, что Конан тоже невольно улыбнулся, хоть и должен был почувствовать себя в дураках.

Утром третьего дня Конан услышал голос Лилувы, выглянул в окно и увидел внизу верблюда, полностью снаряженного в путь. На нем было высокое седло, попона из толстой шерсти, бурдюки и кожаные сумки. Упряжь была драгоценной, как и сам верблюд — белый, одногорбый, длинноногий.

Конан открыл дверь в коридор, и чуть не столкнулся с Лилувой. Она была великолепна в лиловой одежде с длинными широкими рукавами, и локонами, в которые было вплетено множество золотых нитей.

— Конан! Тебе пора! — сказала она.

— Ты больше не хочешь меня видеть? — удивился Конан. Он, конечно, не собирался оставаться в Хаторе надолго, но ему было неприятно, что его выгоняют. Он любил уходить тогда, когда хотелось ему, а не кому-нибудь другому.

— Я знаю, Конан, что ты хотел бы остаться еще на несколько недель. Ты ведь все еще не

полностью утолил жажду, но, прости, в Хаторе недостаточно места для нас двоих. Мне трудно жить, зная, что ты рядом. Достаточно того, что уже произошло. Этот город должен существовать словно во сне, но не в кошмарном сне. Люди хотят спокойствия, а от тебя исходит сила, тревожащая их. Оставь город. Ради меня, ради того, что между нами было. Ты ведь благородный человек, поступай же благородно, как велит тебе сердце!

Конан усмехнулся.

Он не считал себя особенно благородным. В Киммерии благородство было не в особенном почете. Важно было выжить любой ценой, и если ты жив, а твои враги — мертвы, то это и есть высшее проявление чести воина!

Но здесь, в Хаторе, ему действительно больше нечего было делать. Город начал давить на него. Слишком маленький город, слишком скучный для варвара северных земель.

Он обернулся назад и посмотрел на двух красавиц-рабынь. Что же, три дня — не такой уж короткий срок, вряд ли у них остались в запасе еще какие-нибудь тайны любви.

— Я только возьму свой меч, — сказал Конан, взял его и спустился на улицу вслед за Лилувой.

Верблюд уже стоял на коленях в ожидании всадника. Как только Конан взобрался в седло, животное поднялось.

— Мы заплатили тебе. Думаю, ты будешь доволен, — сообщила Лилува. — И здесь достаточно воды, чтобы добраться до Птемона.

Конан смотрел на нее сверху. Она была очень хороша.

— Ты прекрасна, — искренне заметил он.

Она подняла голову, и киммериец смог любоваться не только на ее волосы, но и на полные прекрасные губы, которые слегка приоткрывались, демонстрируя редчайшее сокровище — жемчужные, идеальной формы зубы. Он с удовольствием втянул ее естественный аромат, проступавший сквозь густой занавес искусственных цветочных ароматов, и в нем взыграли прежние чувства, но сейчас они, пожалуй, были не совсем уместны.

— Прощай, — сказала Лилува.

Не отвечая, Конан послал верблюда вперед, и грациозное величественное животное, двигаясь, словно во сне и слегка улыбаясь, прошло сквозь ворота и направилось в сторону восхода.

Река забвения

Дбиталище оракула охранялось не хуже королевского дворца. У входа маячила стража, закрывая алебардами и без того наглухо запертые ворота. Дальше шел небольшой мощный дворик, и — опять охрана. И уж совсем ни к чему были ленивые, зажившие стражники у дверей в святилище.

Дом Великого Предсказателя стоял на небольшом утесе, и вырубленные в скале ступеньки были истерты многими подошвами пришедших издалека просителей, непременно желающих узнать будущее. Само здание было невелико — оракул жил в одиночестве и любил небольшие, тесные помещения. К дому примыкало святилище — маленькое похожее на склеп строение, опять же, с наглухо запертыми дверьми. Немногие из просителей, побывавшие в этом «склепе», рассказывали о нем только шепотом и пугливо

оглядываясь на двери. Их повествованиям не то, чтобы верили... но к оракулу и его святилищу, выслушав рассказ, относились с еще большим уважением. Говорили, в частности, что само святилище находится глубоко внизу, в нише, вырубленной в толще камня, а наверху — только вход. И что — уже там, внизу — есть еще несколько запертых дверей, из-за которых раздаются странные стенания, и что звуки эти издают явно не человеческие глотки. Шептали, что оракул только одного из тысячи пускает зачем-то в святилище, а иногда и оставляет там на ночь, после чего человек меняется до неузнаваемости.

«Как это — до неузнаваемости? — спрашивали рассказчика. — А вот, так... неизвестно... Но, что сидит за оду ночь — это точно!»

А еще ниже, совсем уже у корней земных, протекает черная река — Река Забвения, и кто выпьет воды из той реки, забудет, кто он такой и как его звать-величать.

«Да откуда же известно, что река там протекает, если все, кто там был и пил — все напрочь забыли?» — спрашивали особо дотошные.

«Стало быть, — отвечал рассказчик, не все, кто был у реки — пили воду ее, черную. Кто-то и поостерегся».

Однажды в таверну толстого Асланкариба, что на окраине Шадизара, забрел полусумасшедший странник, утверждавший, что он побывал в подземельях святилища. Он так и сказал: «в подземельях»; а, значит, там, внизу не одно помещение, тускло освещенное свечами толщиной в но-

гу слона, а несколько. Может, даже есть ход в самые недра земли, потому что, из святилища иногда пахивает серой, а бывает, и вовсе вырываются густые клубы дыма. И в этом случае, охрана поспешно убегает на наветренную сторону утеса, зная, что ни один вор никогда не полезет в жилище оракула и что дом его, и святилище можно и вовсе не охранять.

Зашедшего в таверну странника, конечно же, угостили вином и лепешками, и долго расспрашивали. Однако он быстро захмелел и понес совсем уже чепуху, которую никто не стал слушать, за исключением, пожалуй, одного смуглого южанина с хитрыми раскосыми глазами, одетого в когда-то богатую, а ныне довольно потрепанную одежду. Южанина звали Култар. Был он когда-то охранником прекрасной, юной княжны, но после похищения княжны колдуном-сатиром, потерял работу и прилепился к киммерийцу Конану — бывшему вору, пирату и, вообще, искателю приключений. Варвар-киммериец не мог долго сидеть на одном месте и не мог подолгу служить в чьей-либо армии, так как, не любил подчиняться и ненавидел приказы военачальников, а, заодно, и их самих. Вместе с Конаном, Култар нашел на свою голову не мало приключений. Частенько бывал на волосок от смерти, и давно мечтал оставить странствия, купить небольшой замок, осесть на земле, стать примерным семьянином и хозяином. Мешала только одна малость — полное отсутствие денег на покупку замка. Как и Конан, Култар умудрялся прогуливать за не-

сколько дней вдруг появившиеся деньги, а потом — протрезвев — горько сожалеть о некупленном замке.

В рассказе полусумасшедшего странника Култара заинтересовала одна мельком брошенная фраза: «в этой комнате было больно глазам от блеска разбросанных повсюду драгоценных камней...» Южанин тряс засыпающего пьяницу, пытаясь выведать подробности — где эта комната, как туда попасть, но странник бормотал что-то о демонах, мертвецах, уродах, сокрушающих некие решетки, затем уронил голову на некрашенный стол и заснул мертвецким сном, как и положено пьяному.

Култар с досадой огляделся, убедился, что никто из посетителей не слышал его вопросов, взвалил костлявого странника на плечо, торопливо вышел из питейного зала и по скрипучей лестнице поднялся наверх. На втором этаже располагались каморки для постояльцев. Култар толкнул самую первую дверь.

— Зачем, демоны тебя заведи, ты притащил сюда это тело?! — гаркнул лежащий на лавке черноволосый гигант, гневно сверкнув глазами, в которых, как в горном озере, отражалась бездонная синева чистого неба.

— Не злись, Конан, — смиренно сказал южанин, — это тело... этот человек знает кое-что интересное.

— Что он может знать? — проворчал гигант, нехотя поднимаясь и зевая во весь рот.

— Боги создали тебя по своему подобию, Ко-

нан, — сказал Култар, с восхищением глядя на великолепное тело друга, стоявшего перед ним в одной набедренной повязке.

Конан вновь зевнул и взял рубашку.

— Помнится, в последнее приключение я пустился, чтобы купить новую рубашку и сапоги... Не купил. Денег она мне не дала, зато обещала сделать королем! — киммериец неожиданно захотел.

— Да... — южанин потер шею, — я видел эту женщину... Меня спасло только то, что я твой друг.

— Нельзя сказать, что я остался в накладе, — продолжал Конан, натягивая сапоги, — Иолина оставила мне двух коней и несколько верблюдов. В общем, неплохо... Только...

— Только деньги от продажи верблюдов быстро кончились, — закончил мысль Култар.

— Ну... в сумке ее лошади было немного золота и порядком серебра...

— И где оно? — южанин насмешливо вскинул брови.

Конан почесал в затылке:

— Тоже быстро кончились.

— Вот поэтому я и притащил сюда этого странника, — многозначительно сказал Култар.

2

Только через несколько часов старик проснулся и смог говорить. Увидев перед собой испещренное шрамами, темное от загара лицо Конана,

его сверкающие грозной синевою глаза, оценив богатырское сложение воина, странник стал вполне разумным, рассудительным и спокойным человеком.

— Я догадался, зачем твой друг меня напоил и принес сюда, — начал он с торжественными интонациями.

— Не я тебя поил! Другие! — встрял Култар.

Конан недовольно поморщился, и южанин замолк.

— Говори, что ты знаешь о сокровищах оракула! — Конан внимательно — просто внимательно, без злобы и угрозы — смотрел в глаза страннику, но тот отчего-то задрожал и стал торопливо рассказывать, словно опасаясь, что его скоро убьют и он не успеет выложить все, что знает.

— Его называют Черным Оракулом или Великим Предсказателем. Он живет...

— Кром! Я знаю, где он живет! — перебил Конан.

— Однажды, будучи еще молодым воином, я пришел к нему за советом...

Конан понял, что странник собирается рассказывать по-порядку и во всех подробностях и решил не препятствовать этому. В конце концов, чем больше он будет знать про оракула, тем лучше. Он вновь лег на лежанку, указал страннику место на шаткой скамейке, составляющей, вместе с хромоногим столом, всю мебель комнаты, и приготовился слушать. Култар задремал в углу, присев, по обычаю степных жителей, на корточки. И старик повел неторопливый рассказ, време-

нами странный, даже неправдоподобный, но, как он клялся, правдивый до последнего слова.

— Я был тогда молодым стройным воином. С мечом умел управляться не хуже других, а в стрельбе из лука мне не было равных, — странник покосился на невероятно огромный меч Конана, висевший на стене, кашлянул и продолжал:

— Любил я одну девушку невероятной красоты. Ни мерцание луны, ни свет солнца не могли затмить божественную красоту ее прекрасного лица.

Конан закричал с досады. Похоже, странник, по заведенному раз и навсегда обычаю всех дервишей, собирался рассказать красивую историю, в которой если и была правда, то — попробуй, отыщи ее среди красочных выражений, пышных оборотов и нарочитых преувеличений. Поэтому Конан решил все же немного приземлить воспарившего к небесам дервиша.

— Говори короче и только по делу, — бросил он, глянув на вдохновенное лицо странника.

— Хорошо, — покорно сказал тот, и продолжил рассказ простым языком, лишь иногда срываясь на пышные обороты.

— Зовут меня Алиман, я был когда-то воином и умел обращаться с мечом не хуже... — похоже, он решил начать все заново. Конан застонал, а Култар хмыкнул из своего угла.

— В ту пору я решил взять в жены красавицу Алкунсу. Девушку, с красотой которой не могло сравниться даже... гм, да. Словом, задумал я жениться. Денег я скопил достаточно, жилище у

меня было неплохое — дом в три комнаты, с подвалом и небольшой комнатой под самой крышей. Всего, значит, четыре комнаты было в моем доме. Вполне достаточно, чтобы жить большой, дружной семьей. Одно смущало — иногда моя невеста пропадала невесть куда на несколько дней. А, возвратившись, отказывалась подарить мне свои небесные ласки, с которыми могла сравниться разве только благодать бога Митры. Нужно сказать, что нравы в той семье, откуда была родом моя избранница, отличались редкостной свободой, и в отсутствие невесты я часто предавался любовным утехам с ее младшей сестрой — красавицей Иниргой. Гм, нужно, конечно сказать, что красотой она уступала моей невесте... Была, в общем, довольно невзрачна, да, что там — прямо сказать, уродлива, как дьяволица. Длинный, горбатый нос, с трепещущими, как у похотливой кобылицы ноздрями, торчащие передние зубы, один из которых был обломан. Но что делать, если хочется ласки, а невеста уехала, как я думал, по торговым делам. Она помогала в делах отцу — почтенному купцу средней руки. Ну, если быть точным — отец ее был не то, что бы купцом... но торговал... всякой всячиной на базаре. Его место было самое крайнее, дальше уж только нищие стояли... Ну, вот. Невеста пропадала, я в эти дни миловался с ее сестрой — все равно ее никто никогда замуж не возьмет, разве что урод какой-нибудь, горбатый, да слепой. Зрячий-то, как увидит ее страшную рожу, убежит так далеко, что ни в жисть его не сыскать потом.

Вижу, господин, что вы нетерпеливо вздыхаете — хорошо, буду рассказывать еще короче.

Ну и вот. Милуюсь я с ее сестрой, вознося между делом хвалу богу нашему и покровителю — Митре за то, что невеста моя не такая страшная, как ее сестра, хотя... определенное сходство было, конечно — сестры ведь. А сестры, вестимо, всегда похожи. Я бывало, и не сразу отличал одну от другой — они ведь были (я разве не сказал?) — близняшки.

Потому-то я как-то и залез на сестру, вместо своей невесты, а та и рада! Такая была ведьма! Да и моя Алкунса, надо признать, характером была не намного лучше.

Словом, жил я — не тужил. Две красавицы под рукой, только свистни! Не жизнь, а сплошное удовольствие. Хотя, надо честно сказать, не всегда с ними удовольствие получал. Бывало, как начнут во время любви кусаться, да по щекам хлестать — тут уж не до удовольствия. Но и я не промах — заеду кулаком пару раз по морде ее, по рылу ее свиному — и опять все, как положено. Что, господин? У кого из них рыло? Да, прости меня Митра, у обеих такие хари, что на свинью и то смотреть приятнее!

Вот, вы, господин, я вижу, смеетесь — а мне какво было с двумя такими сладить? Бывало, как начнут обе приставать, да между ног хватать, да тянуть каждая к себе — кто за что ухватит!.. Не приведи вам боги такое испытать!

Ладно, что одна из них — которая, сразу и не поймешь — пропадала на несколько дней. А, мо-

жет, они по-очереди пропадали... кто их разберет...

Но, как-то рассказал мне один старый товарищ, что видел мою — ту ли, другую, ли — как шла она к оракулу. Торопливо так шла, почти бежала. Будто демоны за ней гнались, или нетерпение ее обуяло. Проскакала, как козочка хроменькая по лестнице... Я не говорил, разве, что она хромала на правую ногу? Нет... на левую. Вот наваждение! Дело в том, что хромали-то обе, только на разные ноги.

Проскакала, значит, подбежала к воротам, а стражники ее сразу и пустили, значит, не первый раз она к оракулу бегала. Ну, а дальше товарищ мой, конечно не видел — не был он вхож в дом к оракулу. По правде сказать, даже я его на порог не пускал — пьяница он был и вечно мочой от него воняло. Убежала моя козочка, а я и задумался — зачем это она так часто бегаёт совета у оракула спрашивать? Ну, спросила раз, ну — другой... Но не так же часто, как она. И решил я, по-молодости и по-глупости, проникнуть в дом Великого Оракула и узнать, что же делает там моя невеста, либо сестра ее.

У меня так: сказано — сделано! Дождался когда кто-то из ведьм моих убежал и — за ней! Догнать-то ее не сложно было: одна нога у нее настолько короче другой была, что смотреть, как она ковыляет, просто сил никаких не хватало. Идет-ползёт, раскорячившись, да со стонами, да с кряканьем утиным. Догнал и иду потихоньку сзади. Ну, а как к лестнице, что ведет на скалу,

где оракул вздумал построить дом свой, подошли — я, конечно, приотстал и смотрю издали. Только ничего нового не увидел. Как и говорил товарищ мой, пропустили ее стражники и опять сели в кости играть. А я, надо вам сказать, так умел в кости играть, что сам удивлялся — кости слушались меня, как хорошие собачки. Бывала, нахмурюсь, соберусь с духом, разозлюсь, даже для придания себе дополнительной силы и скажу мысленно — сейчас выпадут две шестерки! И — точно! Выпадают шестерки, и я забираю весь выигрыш.

Вы, может, спросите, почему же я, таким образом, не добывал деньги, не разбогател и не стал владельцем замка или королем? Отвечу. Дело в том, что я начал было зарабатывать деньги, но в тавернах прознали быстро мою способность управлять кубиками и бить стали при каждом выигрыше! Бывало, так насуют кулаками, что ни жив, ни мертв из таверны убегаю... да еще и все выигранные деньги отберут! Потому и перестал я кости катать. А тут, думаю, нужно вспомнить свое старое ремесло. Подошел к стражникам, спросил для приличия, когда оракул народ принимает — оказалось, что в этот день пускать никого не велено. Ага, смекаю, а моя-то к нему прошла! Значит, не совета пошла просить! Нет, думаю, умру, а узнаю в чем тут дело. Предложил я стражникам в кости сыграть. Они помялись — не положено, мол, но потом согласились. Договорились, если я проиграю — отдаю им меч свой, если они — пускают меня втихаря за ограду — по-

смотреть что и как. Любопытно мне, говорю им, посмотреть, как живет Великий Оракул. Они-то были уверены, что выиграют, но проиграли, конечно. Нехотя пустили меня за ворота — только недолго, говорят. Прошел я, походил, пока они смотрели, потом зашел за угол и — шмыг! Сиганул к окну пристройки, святилища, то есть — а окна низкие были — заглядываю.

Вижу, стоит сам оракул — гордо выпрямившись и руку воздев. А выглядел он, надо сказать, внушительно. Черная борода до самых глаз, черные пронзительные глаза, сам высокий, почти как вы, господин, только у вас живота нет, а у него брюхо выпирало, будто мешок под рубаху спрятал. Ну и стоит, руку подняв, а перед ним на коленях моя, значит, невеста, либо сестра ее. Молится на этого оракула, только глаза сверкают. Поклоны ему бьет, касаясь челом земли. Ну, думаю, заморочил он голову бедной женщине.

Тут меня стражники и схватили. Им оказывается те, что у ворот стояли, рассказали — пустили, мол, чуть-чуть посмотреть, а он и пропал. Как бы не залез куда-нибудь. Ну, схватили меня, оружие отобрали, руки связали и привели прямиком к оракулу. Тот впился своими черными обжигающими глазами. Ты кто такой, — говорит, — и зачем тут подсматривал? Ну, я рассказал, что вот, моя невеста к нему убежала — беспокоился я...

Он засмеялся так, гадко, будто паук — если бы паук мог смеяться, конечно. Спросил у невесты — все ли так? Она только головой кивает.

Ну, что ж, — говорит, смотри, что теперь твоя невеста делать будет. И пошел куда-то вниз — двери-то заранее были распахнуты. Потасили и меня за ним, а невеста моя Алкунса, или сестра ее Инирга, сама пошла. Спускаемся куда-то по темной лестнице — стражники факелы несут, тени от них пляшут по стенам, и так это мне жутко и неприятно стало, что хоть волком подвывай. Алкунса — все же это, вроде, она была — идет, как деревянная, будто зомби. Или заколдовал он ее, или опоил зельем каким-то, не знаю, только идет она — на меня даже не глянет, будто и незнакомы мы с ней.

Долго шли по ступенькам. Спустились, наконец, до какой-то площадки, от которой в разные стороны темные тоннели отходят. Штук пять или шесть боковых тоннелей, а лестница вниз, как шла, так и идет, уж не знаю, куда она вела, может в самое сердце земли. Но мы пошли по одному из тоннелей. Низкий такой проход в скале вырублен — стены плохо обработаны, корявые, с камнями торчащими. За такой камень зацепись в темноте — точно колено разобьешь.

Тут недолго мы шли — скоро уперлись в дверь дубовую, железом окованную. Стражники, вижу, мечи на изготовку взяли — и открывают засов. А из-за двери — рычание, возня, царапанье, будто зверь какой, когти о стену точит. Жутко мне стало, а оракул усмехается. И такой страшной мне его рожа показалась при свете факела, что задрожали у меня колени и, честно скажу, упал я на пол. Стражник меня за шкуру

поднял и держит. Второй — невесту мою Алкунсу к двери подвел, а сам, вижу, тоже боится.

Оракул навел на меня глаза свои страшные, словно две дырки в какую-то темную яму и говорит, что он пытается вывести новую породу людей... Да, нет, не людей он сказал, а... как-то по другому назвал, не помню... Я с этого момента многое забыл со страху — уж не гневайся, господин. Там такого ужаса я натерпелся, что на несколько человек хватило бы. В общем, сказал он, что выводит новую породу, только вот, невеста моя, Алкунса, значит, никак не может понести от того, кто там за дверью сидит. Приходится ее водить к нему все чаще и чаще.

У меня аж в глазах потемнело оттого, что услышал. Значит, на нее сейчас набросится какое-то чудовище и будет любить ее по-своему — по-звериному. Посмотрел я на бедную свою невесту, и так мне жалко ее стало, что я забился в руках стражника, закричал что-то... я так думаю, что проклятия я посылал оракулу этому. А тот смеется, оскалившись, что твой волк голодный. Потом, размахнулся и врезал мне по носу, да так, что кровь брызнула.

Вот теперь, говорит, хорошо. Кровь он любит — сам кивает на дверь, которую стражник открыть приготовился. Понял я, что сейчас бросят меня чудовищу на съедение и — скажу вам, не стыдясь — заплакал, как малое дитя. И себя жалко, и невесту мою, и со светом белым расставаться, ой как не хочется! Хоть знал я, что бесполезно просить оракула о милости, все же — пере-

ломил себя — и со слезами стал умолять его отпустить меня и невесту мою Алкунсу. Но тот, конечно, только рассмеялся и дал знак стражнику — открывай, мол. Тот распахнул дверь, а другие бросили меня в темноту, а за мной — Алкунсу. Дверь тут же захлопнули, и, слышу, засов закрутили.

Лежу в темноте — ни жив, ни мертв. Алкунса упала, было на меня, да приподнялась и отползла в сторону. Лежу и слышу — принюхивается ко мне зверь. Примерно, как собаки нюхают, только громче гораздо. Может, конечно, это в темноте показалось, что громче. Темнота-то была полной, будто кто-то глаза выколол. Лежу и стараюсь не дышать. Может, зверь подумает, что я умер и не станет есть мертвечину. Ведь, он, конечно же, хищник, а хищники живое любят. Чтобы жертва билась под когтями, вырывалась, верещала. Ни знаю, может, подействовала моя маскировка или по другой причине, только отошел от меня зверь и подошел, вероятно, к невесте моей. А она, слышу, стонет так тихонько, но не от страха, а, вроде как, от желанья. Ну да, ей, конечно, не впервой было с чудовищем этим совокупляться, вот она и истекает желанием.

Завозились, слышу, зарычал от наслаждения зверь, застонала громче моя невеста. А я лежу и думаю: вот сейчас закончит он свои мерзкие дела и есть захочет. И тогда уж меня точно сцапает. И стал я молиться богу Митре, и вразумил он меня, неразумного. Сказал, достань трут и кресало, загни хоть клочок своей одежды, сделай факел. А по-

том вытащи кинжал и отомсти за поруганную честь невесты, а заодно спаси и свою жалкую жизнь. И точно — за сапогом у меня ведь один кинжал остался — не нашли его второпях, да сильно-то и не искали. Так — отобрали то, что снаружи висело. Торопливо сорвал я с себя рубашку, связал ее в узел тугой, достал огниво, высек искру, раздул, запалил факел свой самодельный и оторопел, обомлел оттого, что увидел. До сих пор, как глаза закрою всплывает у меня эта картина. Невеста моя на четвереньках стоит, голову запрокинула и стонет от страсти. Платье-то задрано, тьфу, а к ней, как кобель к суке, припало страшное существо. И не человек, и не зверь, а не знаю даже, как и назвать. Морда, у него скорее, звериная, с длинными челюстями, как у собаки, только больше раза в два. Да зубы торчат явно не собачьи — скорее, от саблезубого тигра достались. На передних лапах, коими он Алкунсу обхватил, когти не меньше медвежьих — он ими впился в белые бедра женщины так, что кровь сочится. А тело у него, похоже, в общем, на человеческое, только больше, толще и шерстью все заросло. И так он увлекся, что и не заметил огня моего, а если и заметил — внимания не обратил. Не до того ему было — он мою Алкунсу терзал и при этом рычал от страсти звериной. И еще хорошо помню — слюни его тянулись и капали на спину невесты моей, образуя на платье большое мокрое пятно.

Положил я на землю рубашку свою, горящую, подкрался сзади и всадил кинжал прямо в сердце

зверю. Он головой вскинул, затем поник и уронил голову свою безобразную на спину Алкунсы, а зад его как ходил ходуном — так и ходит. И теперь хвост у него я разглядел: с кисточкой на конце, как у коровы. В общем, вижу, что убил я его, но работу свою он и мертвый выполняет, только рычать перестал, а что касается невесты моей — Алкунсы, то она, вроде и не заметила никаких перемен. Все также стонет сладострастно и ничего вокруг не замечает.

Ладно, думаю. Подожду, пока это мертвое чудище свое гнусное дело закончит. Смекаю — за Алкунсой-то придут стражники, чтобы вывести ее, как и раньше, я тут на них и нападу внезапно. А был я ловок, как демон, и верток, как вьюн — сейчас-то, думаю, стражники меня врасплох не застанут, как тогда у окна. Сейчас я их врасплох застану. И мы посмотрим, кто кого! Рубашка моя догорела, и опять в темноте мы оказались.

Присел я, к стене прислонился, жду. В темноте слышны только стоны Алкунсы, да дыхание ее надсадное. Дыхания зверя — не слышно, значит, точным был мой удар. А невеста моя все ахает, да стонет, хорошо ей, значит. Сколько так сидел — не помню. Время, как бы остановилось, а сам я даже, вроде, заснул. Только от внезапной тишины и пробудился. Алкунса, слышу, тяжело так дышит, но не стонет более. Значит, зверь тот издох окончательно, думаю себе. Вскоре слышу — стражники засов открывают. И один говорит другому:

« Да не бойся ты, он сейчас сытый, не бросится...»

Это они думают, что зверь тот меня съел. Ну, нет, ошиблись! Только дверь открыли — я на них и кинулся. Снизу так, змеей проскользнул и одного, другого — кинжалом в живот. На них даже и кольчуг не было — жара стояла тогда, да и обленились они, служа оракулу, бдительность потеряли. А были бы на стражниках кольчуги — не миновать мне смерти.

Быстро раздел я одного из них, переоделся, оружие его нацепил — кинжал один у него хороший оказался, дорогой. С рукояткой, украшенной драгоценными камнями, причем, не поддельными, а самыми настоящими — рубинами и аметистами. Ну, вытащил я из-за дверей Алкунсу, смотрю — спит она. Взвалил ее на плечо, в другую руку взял факел, что стражники принесли, и пошел к выходу. Только дошел до лестницы, слышу, спускается кто-то. Да не один и не два — целая толпа. Так сапогами подкованными цокают, будто десяток лошадей скачет. Куда деваться? Что делать? Положил Алкунсу на лестницу — ее-то они вытащат, как и раньше, а сам кинулся в другой тоннель. Бегу, а сам одним ухом слушаю, что там сзади делается. Звук-то по тоннелю каменному хорошо разносится. Слышу — загалдели, загомонили — нашли Алкунсу. Сейчас, смекаю, он побегут дальше и найдут мертвых стражников, а потом кинутся меня искать. А где тут спрячешься — в этой норе? А если и забежишь, куда-нибудь, где не найдут, так и сам

заблудишься. Бегу и по сторонам успеваю поглядывать. Смотрю — и справа, и слева ниши выдолблены и решетками забраны. А за решетками-то звери сидят, вроде того, которого я убил. Некоторые — больше, другие — меньше, но все на меня смотрят. И глаза у них горят, как у волков, только намного ярче! В волчьих-то глазах свет просто отражается, это всем известно. От луны ли, от костра отблески, но — отражение. А тут, вижу — и сами глаза горят красноватым таким светом. Я бегу, а они меня все глазами провожают. В одной только клетке спал зверь, остальные смотрят, но — молча. И то хорошо, думаю, что не воют, не рычат, шум не поднимают. Бегу. И вдруг натываюсь на стену. Все, кончился тоннель. Он и проделан был только для того, чтобы клетки разместить. Что делать? А стражники кричат позади. Мне чудится, что они уже и по моему тоннелю бегут. Через несколько мгновений найдут меня в стену уткнувшегося. Куда бежать, куда прятаться? И тут опять Митра помог — совет мне дал. Только затрясся я от такого совета, душа аж захолонула. Но делать нечего. Погоня, точно уже по моему тоннелю бежит. Подошел я к той клетке, где зверь спал, открыл потихоньку засов, чтобы он не звякнул, не разбудил бы чудовище, и тихонько так, на цыпочках вошел в клетку. Засов за собой задвинул — а погоня уже рядом — и смотрю на спящего монстра. Он калачиком свернулся и к стенке отвернулся, совсем, как рассерженный муж, когда жену хочет презрением наказать. Ну, я загасил факел, под-

крался, лег рядом, авось, думаю, второпях не заметят, что не одна фигура, а две лежат. Лег, а сам не дышу, боюсь зверя разбудить. Голоса стражников все ближе — я лежу. Кованые сапоги, будто в моей бедной голове грохочут. Все ближе и ближе.

И тут зашевелился, заворчал зверь. Видно, разбудил его шум погони. Опять Митра меня надушил. Вытащил я из-за сапога кинжал и вонзил в спину чудовищу. Как и в прошлый раз, в сердце метил, только не попал в темноте. Зверь взревел, а я еще пару раз кинжалом ткнул. Он забился в судорогах, потом затих. А стражники уже подбежали к клеткам. Слышу:

«Тут вэлсы сидят! Они бы шум подняли, если бы он сюда забежал!»

А другой говорит:

«А ты не слышал — сейчас вроде, кто-то из них заревел?»

«Давайте, давайте быстрее! Все-таки проверим тут и в другой тоннель! Времени мало! Если не поймем — хана нам! Великий бросит нас вэлсам!»

Ну, все, думаю — конец. Теперь они меня найдут. Если бы послушались того, кто говорил, что звери эти — вэлсы, как они их называют, тревогу поднимут, коли чужой пробежит — не пошли бы до конца тоннеля. А теперь — пойдут. Видать, старшой их, который все подгонял, да торопил — дотошный малый. И тут, наверное, опять Митра подсказал — как сделать, чтобы они не меня не нашли. Только вот беда — советы бога, конечно,

очень хорошо помогали, но только заставляли меня делать вещи не совсем приятные. Вот и теперь — залез я под дохлого вэлса, весь кровью перемазался, взгромоздил его на себя и лежу тихо. Пусть думают, что этот зверь спит. Да он и действительно ведь спал, значит не вызовет это подозрения. Одного не мог понять: почему чудища эти — вэлсы — на меня не рычали? Наверное, потому, что одежду стражника я надел. А стражники их кормят. Больше ничем объяснить не могу. Не скажешь же, что понравился я им!

В общем, лежу — вонища от этого дохлого чудища такая, что аж слезы из глаз! Но в тот момент я не об этом думал. Только бы не заметили! Не стали бы будить «спящего» вэлса! Не показалось бы им подозрительным то, что он не прорнулся от топота их, лошадиного!

Пробежали стражники — по звуку шагов — человек пять их было, не меньше. Добежали до стены — и назад. Опять мимо меня. Слышу:

«Скорее, скорее! В следующие тоннели — может, он туда побежал», — это старшой их, значит.

А другой, задумчиво так, с усмешкой, говорит:

«Не завидую я ему, если он попадет в лапы кхэша! Он же где-то по дальним тоннелям гуляет!»

И побежали дальше, только сапогами затопали. А меня дрожь бьет: это что же у них тут творится?! Вэлсы, кхэши, какие-то! Развели под землей чудовищ!

Надо, думаю, выбираться, пока они все тоннели не обошли, да назад не вернулись. Вот, только

как выбираться-то? По тоннелям пойдешь блукать — точно этому кхэшу попадешься. К выходу бежать — так там, конечно, такая охрана стоит!.. Сбросил с себя дохлого вэлса, запалил факел, вышел из клетки и пошел к выходу из этого тоннеля. Вот тут звери шум и подняли. Наверное, потому, что я весь в крови их собрата был. Почуяли во мне врага!

Ну, думаю — теперь надо отсюда выбираться, пока стража не прибежала. А вэлсы все воют! Затосковали по убитому, что ли? Я — бежать со всех ног, а они вслед еще громче шумят — лают, воют, рычат! Выбежал я на площадку, откуда все тоннели начинаются. Слышу — сверху по лестнице уже спускается новый отряд. Понятно — звери такой шум подняли, что мертвый услышит. Я на миг растерялся. Куда бежать? В другие тоннели? Или, может, вниз по лестнице? Где этот чудовищный кхэш бродит? Пока раздумывал — стража уже спустилась, вот-вот на площадку выскочит. А в других тоннелях, что здесь начинаются, отряды рыщут. И решил вниз по лестнице бежать. Оно-то, конечно, понятно, что вниз побежишь — наружу вряд ли выберешься, да только выхода у меня другого не было. Спрячусь, думаю где-нибудь, забьюсь в нору, пережду, а там уж и выбираться буду. Пока-то главное — стражникам не попасться. На площадке в углу лежала вязанка факелов — я выбрал три самых больших, помолился Митре и сиганул вниз по лестнице, стараясь не топтать сверх меры. Побежал, потом шагом пошел, когда спустился уже достаточно, что-

бы не слышали меня. Иду, спускаюсь по лестнице этой, бесконечной — пламя факела так и мечется, будто испуганный зверек в клетке. Страшно было спускаться невесть в какие бездны. Тоннель стал ниже, иногда пригибаться приходилось, будто кланяться неизвестным богам или демонам подземелья. До сих пор хорошо помню этот тоннель с лестницей, эту нору, круто уходящую в бездну. Ступеньки неровно вытесаны — того и гляди, запнешься и полетишь кувырком вниз, в темноту. Факел-то, известно, потухнет. И покатишься в самые недра земли, в крошечной тьме и в лапы чудовищам.

И стали меня одолевать такие мысли — упаду, сорвусь, темнота нахлынет... Я уж, осторожно ступать старался. И чем осторожнее ноги ставлю, тем страшнее становится. А ну, как и вправду упаду? Ведь при такой крутизне — стоит только чуть-чуть запнуться, слегка задеть носком сапога ступеньку, с которой спускаешься... и полетел! И ни за что не остановишься, будешь лететь, пока не достигнешь самого дна преисподней.

Чувствую — сил больше нет, сейчас кричать начну от ужаса. Орать во все горло, плакать, маму звать, как ребенок. Остановился, сел на ступеньку. С большим трудом держу себя в руках. Сам все вниз смотрю, в нору эту, почти вертикальную, с зубцами ступенек, о которые как раз ребра ободрать, когда падать будешь. И окрепла во мне уверенность, что упаду! Вот, точно — немного еще пройду и упаду, покачусь, как снежный ком по крутому склону, и так же, как ком,

разобьюсь об острый выступ. Сижусь. Ноги дрожат, дышу, как рыба на песке — рот открываю, а воздуха не хватает. А страх все наваливается, все гнет голову к груди. Хочется свернуться клубком, спрятать руки в коленях и замереть, авось, Они не найдут. Да кто это Они, думаю — что это мне в голову лезет? Но сам знаю — Они уже идут за мной. И это не стражники. Стражники по сравнению с ними — маленькие дети, в песочек играющие. Кто же такие Они? Может те, о ком стражники говорили — кхэши? Нет, нет — знаю, что не то. Кхэши — всего лишь чудовища, а вот, Они — это действительно страшно. Это такой ужас, от которого волосы не то, что дыбом становятся — проволокой жесткой встают! Знаю, что при виде Их, я упаду и забьюсь в судорогах, как падучей страдающий, пена изо рта пойдет кровавая. А Они встанут надо мной и...

Почувствовал я, что кричу от страха. Знаю, что кричу, что нельзя тут шуметь — этим их только приманишь, а сделать ничего не могу. Ору, во все горло, прошу не забирать меня, оставить тут, в этом мире, каким бы страшным он не был. Знаю уже, что Они не в нашем мире живут — в другом. Там, где сама жизнь соткана из ужаса, где существование возможно только в бесконечном кошмаре, от которого не уйти, не проснуться, не спрятаться в обмороке, в смерти.

Стал головой о стену биться и чувствую, что Они уже близко. Услышали крики, почувствовали мой ужас, ведь Они им и питаются. Им, чтобы жить, нужно живое существо погрузить в бездну

страха, заставить его постоянно испытывать все-ленский ужас и тогда Они смогут пить душу человека, напитываться его силой...

Кричать уже не мог я, только стонал и головой бился, а из бездны поднимались Они. Это я чувствовал настолько четко, несмотря на невероятный страх, что и помню отлично. Помню, как Они поднимались. Все ближе и ближе — нужно бы бежать назад, наверх, отдаться в руки стражникам — пусть меня убьют поскорее, или скормят вэлсам. Смерть — ведь это избавление. Я имею в виду смерть от меча, или от зубов вэлса. Но если Они тобой овладеют — смерти не будет. Будет вечный кошмар, нескончаемая мука, пытка ужасом.

Сижу, тело, как не мое — оцепенело все. Сто-нать даже уже не могу, только накатывает вол-нами тот самый беспредельный ужас, что Они с собой несут. И вижу — из бездны, из черного провала вглубь земли поднимается будто облако. Клубится, копошится, выбрасывает в сторону шупальца. А в облаке том, лица мелькают, иска-женные страхом — сами по себе страшные тем, что страх испускают.

Вот так. И больше я ничего не помню — хоть убейте меня. Очнулся я далеко от жилища ора-кула, в роще, что в нескольких часах пути от той зловещей скалы, где оракул поселился. Долго ле-жал без сил и думал, что со мной приключилось. Как же попал я в рощу, кто вытащил меня из бездны? Как-то смутно помнится, сквозь страх, что меня окутал — когда снизу облако надвига-

лось — сверху голоса стражников раздавались. Может, они меня успели вытащить? А, может, это я придумал себе — про стражников. И кто-то другой меня оттуда извлек, как рыбак рыбу на крючке из глубокого, темного омута. В общем, не успело меня накрыть то облако — это я точно знаю, иначе не сидел бы сейчас с вами и не рас-сказывал эту историю. Я вот, думаю, может, Мит-ра всемогущий еще раз помог, напоследок? Ведь сколько раз помогал — а тут, что ж отдать на поругание душу мою Им? Нет, он так не согла-сился бы, это точно. Возможно, он и направил стражников, чтобы нашли меня и вытащили. А уж, почему оракул не отдал мое тело вэлсам — не знаю. Я тогда как мертвый был — они, навер-ное, мертвечину не жрут. А возможно, оракул ре-шил, что с меня хватит и того ужаса, что я пере-жил. Пожалел меня, значит...

Старик повесил голову на грудь и надолго за-думался.

3

— Ну, ладно, — Конан поднялся с лежанки, широко зевнул и с хрустом потянулся, из чего следовало, что он не слишком внимательно слу-шал дервиша, возможно даже и задремал в не-скольких местах рассказа.

— Ладно, — повторил он более грозно, — а где же комната с рассыпанными по полу сокровища-ми? Или я что-то пропустил из твоего рассказа?

— А... это... комната-то... была, — неуверенно

сказал старик, — я, видишь ли, господин, надышался, наверное, испарений, идущих от Реки Забвения, снизу поднимающихся... ну и позабыл многое... А комната — была. Как сейчас помню — иду и сапогами-то камешки откидываю!

— Да почему ж ты в карманы их не набрал? — не выдержал Култар.

— Я? Не набрал, почему, ты спрашиваешь, господин? Ну... так ведь, не до того было. Погоня за мной по пятам неслась...

Конан уже все понял и посмотрел на Култара, все так же сидевшего в углу с непроницаемым лицом.

— Ну, хоть позабавил он нас, — покряхтев, сказал южанин, — порассказал... Легенды-то давно ходят про это подземелье оракула, про Реку Забвения... Я думал, что он и вправду видел сокровища.

— Вот пусть лопнут мои глаза, — вскинулся дервиш, — видел! Еще как видел! Иду и сапогами...

— Ясно, — Конан опять зевнул, — вот тебе, старик, монета за то, что позабавил нас рассказом.

Он протянул на огромной, величииной с лопату, ладони серебряную монету.

— О, нет, нет, это слишком много, — запротестовал дервиш, но монету взял с такой быстротой, что с ладони она исчезла как бы сама собой.

Напоследок, уже собираясь уходить, он сказал:

— Правду сказать, господин, сам я не видел комнаты с сокровищами, но мне один человек

рассказывал — божился, что видел и даже набрал полные карманы камешков.

— А где бы нам увидеть этого твоего человека? — Култар еще не совсем потерял надежду найти в подземельях оракула сокровище.

— Да нет его давно... И, вообще, прежде чем помереть, он память потерял. Говорили, что второй раз полез за сокровищами, да и попил водички из Реки Забвения. Вот так. Спасибо за монету. Теперь, если у меня не отберут, несколько дней буду пить и кушать всласть.

— Ну, все же, что-то в этом есть, — протянул Култар, не желая признавать свою ошибку.

— Ничего нет, — равнодушно бросил Конан, — ничего.

— А вдруг?

— Ты хочешь забраться в подземелье оракула? Поверив этим рассказам?

— Ну, не знаю, — Култар почесал затылок, — по слухам оракул сказочно богат... Надо подумать, узнать...

— У кого узнать? Ты вот слушал полдня рассказ старика — узнал что-нибудь?

— Кое-что... Например, расположение тоннелей.

— О сокровищах — узнал?

— О сокровищах никто толком рассказать и не сможет. Но вот, что-то много в Шадизаре стало потерявших память. Возможно, все они ходили к оракулу...

— Кром! Зачем оракулу поить их водой этой, из Реки Забвения? Зачем?

— Ну...— Култар задумался, — может, они рассказали оракулу, где у них спрятаны сокровища. После этого, он поил их черной водой, и сам откапывал деньги. А те — все забыли!

— Оракул, — наставительно сказал Конан, обращаясь к Култару, как к заболевшему ребенку, — сам должен все знать, а не спрашивать тех, кто пришел к нему за советом. Иначе, какой же это оракул? Он должен вещать, а не спрашивать! Иначе быстро растеряет своих посетителей.

— Может, сходим к нему — за советом? А сами посмотрим, как и что...

— У тебя есть лишние деньги? — холодно осведомился Конан.

— Оракул с воинов много не берет, — зачастил южанин, — берет, сколько дадут. Знает, что воинов лучше не обдирать. Так что...бросим по монете, а сами оглядимся.

— Интересно, — задумчиво произнес Конан, — вывел он новую породу людей, или кого там?.. Дервиш ведь ходил к нему лет двадцать назад.

Култар обрадовался, что Конан хоть чем-то заинтересовался.

— Конечно! Заодно и посмотрим — вывел или нет! Сегодня как раз вечером он принимает посетителей!

— И что тебя так заинтересовал этот оракул? — удивился Конан.

— Не знаю, — признался южанин, — вот, просто чувствую, что есть у него сокровища, есть! Как не быть?

Он смотрел на Конана с такой собачьей мольбой в глазах, что киммериец не выдержал и стал собираться.

— Огниво возьми... Вдруг там, в темноте придется шариться?..

— Значит, пойдем?! — Култар пританцовывал от радостного возбуждения.

— Пойдем, спросим у оракула, стану ли я когда-нибудь королем? — усмехнулся Конан.

— А как мы попадем в подземелья?

— Мы просто пойдем к оракулу! И все! — рывкнул Конан и южанин понял, что разговоры пора прекращать.

Стражники, стоявшие у ворот, на поднимающихся по ступенькам двух воинов — высокого и невысокого, смотрели с подозрением, как и на всех, кто приходил к оракулу с оружием.

По мере приближения Конана и Култара к воротам, подозрение сменялось удивлением — такого гиганта, каким представлялся киммериец, даже если смотреть на него, топающего по ступенькам, сверху — не часто можно было встретить на улицах Шадизара. И, наконец — когда товарищи подошли к воротам — на лицах стражников можно было видеть только почтение, почти благоговение перед мощью пришедшего к оракулу воина.

— О чем вы хотите просить Великого Оракула? — тонким голосом спросил самый молодой стражник, решив все же соблюсти положенный ритуал.

— Не твое дело! — рывкнул Конан, не удосто-

ив взглядом трясущуюся русую бородку новобранца.

— Мы пришли посоветоваться с Великим Оракулом о важных делах, — вкрадчиво пропел Култар, царапнув колючим взором поочередно лица всех четырех стражников.

Ворота открылись на удивление быстро.

— Время Великого оракула дорого. Вы не можете разговаривать с ним слишком долго! — выкрикнул новобранец положенную фразу вслед уходящим воинам.

Конан с Култаром прошли на территорию оракула. Перед ними стоял совсем невысокий дом, добротнo сложенный из красного камня. Окна были забраны решетками. Перед дверьми так же стояла стража — на сей раз шесть человек. И если у ворот стояли не слишком зрелые воины, то теперь перед друзьями предстали опытные, закаленные в боях наемники. Они смотрели угрюмо и подозрительно, цепко осматривая каждую деталь костюма вновь прибывших. Каждый из них надолго задержал взгляд на огромном мече Конана, затем посмотрел в его синие глаза, как бы проверяя, насколько владеет этим сверхмечом стоящий перед ними человек. Судя по выражениям лиц стражников, все они пришли к выводу, что человек владеет мечом очень хорошо, и представляет в бою несомненную опасность. На Култара они глянули мельком.

Ненужных вопросов никто не задавал. Молча и угрюмо воины открыли двери. Товарищи во-

шли в дом. За ними, все также молча, следовали четверо стражников. Красивый юноша с девичьим лицом — Конан даже засомневался: не переодетая ли женщина перед ним — провел гостей вглубь дома, оказавшегося довольно просторным.

Конан с Култаром и четверо стражников, вслед за юношей, прошли недлинным коридором, спустились по небольшой лестнице и оказались в огромном, пустом зале, посреди которого возвышался трон из чистого золота. Юноша жестом попросил вошедших остаться на месте и плавной походкой пошел к трону, очевидно, доложить о просителях.

Конан огляделся. Низкий потолок и отсутствие окон наводили на мысль, что этот зал расположен уже под землей. Непонятно было только одно: как по той небольшой лестнице, по которой они только что спускались, можно было попасть под землю, да еще и под утес, так как, зал этот с далекими стенами, никак не мог поместиться внутри торчащего, как палец, утеса. Киммериец вспомнил, как долго они поднимались от поверхности земли на утес. Не могли же они спуститься на такое же расстояние по небольшой лестнице?! Или, этот зал — иллюзия? Интересно, как на самом деле далеки стены?

— Где мы, демоны побери этого оракула, находимся?! — зашептал Култар.

— Не разговаривать! — дружно зашипели сзади стражники.

Конан пожал плечами. Затем поднял руку и коснулся потолка. Потолок был самый настоя-

щий — из шершавого камня. Но как он не рухнет без колонн-подпорок? Ведь это же не маленькая комнатка? А, может, именно маленькая? Киммериец все больше склонялся к мысли, что весь огромный зал — иллюзия.

— Я знал одного художника, — вновь зашептал Култар, словно угадав мысли товарища, так он...

— Не разговаривать! — перебили стражники.

— Заткнись! — Конан обернулся и посмотрел на переминающихся с ноги на ногу воинов. Видно было, что им не по себе в этом странном зале.

Наемники замолчали, вероятно, решив не злить гиганта с огромным мечом и не устраивать ссоры в присутствии оракула.

— Так вот, — продолжал южанин, — художник этот так нарисовал однажды дверной проем и коридор за ним, что вечером, при свете факела, многие расшибали себе головы... Может, и тут?.. Факелов-то немного, и светят как-то не так... Тускло светят...

Вернулся юноша. Звонким голосом сказал:

— Великий Оракул ждет вас. Но предупреждаю — времени у вас немного. Великий Оракул очень занят.

Он пошел вперед и Конан опять подумал, что это переодетая женщина. Едва друзья сдвинулись с места, как все пришло в движение. Стены скользили вокруг, как бы внезапно утратив материальность, потолок нависал, угрожающе прогибаясь. Пол только на расстоянии нескольких шагов казался твердым — дальше начиналась мерцающая зыбь.

Друзья слышали, как за спиной вполголоса чертыхались наемники. Вероятно, им не часто приходилось бывать в зале приема посетителей. Юноша же, напротив, шел спокойно и уверенно. Конан и Култар удивленно крутили головами и чем больше крутили, тем нереальнее становилось вокруг. Стены стали качаться, то, надвигаясь, то, отдаваясь, золотой трон посреди зала, внезапно оказался прямо перед глазами. Но разглядеть сидящего на троне человека было невозможно. Мигали факелы, плясали стены, пол уходил из-под ног, как палуба корабля, потолок вспучивался и опускался, пульсируя, как удав перед броском.

Юноша остановился. Конан едва не сшиб его, подхватывая шатающегося Култара. Стражники ткнулись в могучую спину киммерийца и откатились, как волна от прибрежной скалы. Теперь можно было рассмотреть оракула. Конан мысленно хмыкнул. В облике сидящего на золотом троне человека угадывалась сила — но не физическая, скорее мистическая сила. Сила духа, колдовства, сила потусторонняя. Пронзительные черные глаза смотрели изучающе и слегка насмешливо. Грива черных, без единой седой пряди, волос обрамляла худое одухотворенное лицо фанатика. Борода была аккуратно пострижена и, в отличие от волос на голове, серебрилась седой. Облик оракула дополнял тонкий, аристократический нос с едва заметной горбинкой и плотно сжатые, бескровные губы. Одет он был, как и положено в мантию, ниспадающую на бле-

стящие ступени трона. Да, подумал Конан, оракул не из тех, кого можно встретить в тавернах или на базаре. Даже и во дворцах не часто увидишь такого человека.

— О будущей король великой Аквилонии, — нараспев произнес оракул, — ты пришел ко мне с неблагоприятными целями. Но виноват не ты. Твой спутник — мечтающий о богатстве — подбил тебя на грязное дело.

Конан застыл. Кровь застучала в висках, отдаваясь в затылке тупой болью. Как он мог узнать?! Складывалось впечатление, что он присутствовал при их разговоре в камерке над таверной, или, по крайней мере, подслушивал, припав ухом к двери. Кстати, ведь они не проверяли — может, кто-то действительно подслушивал?

Все это мигом пронеслось в сознании киммерийца, и он ответил почти сразу же:

— Твои шпионы, о Великий Оракул, достойны самой большой похвалы!

Сидящий на троне человек рассмеялся.

— Клянусь тебе всеми моими богами, у меня нет шпионов в таверне Асланкариба!

— А в других, значит, есть? — проскрипел Култар.

— В других есть, не стану отрицать, — все еще улыбаясь, сказал оракул.

— Как же ты узнал? — спокойно спросил Конан.

Он никак не мог вспомнить, где он видел это лицо — сидящий на золотом троне человек вдруг показался до боли знакомым. Но пламя факелов

металось, отбрасывая призрачные тени, и облик оракула непрерывно менялся. И все же... Все же... Не покидало ощущение, что когда-то они встречались. Но когда? Где? Где он мог видеть этого сильного и хитрого человека?

— Ах, Конан, Конан, — продолжал оракул, — видишь, я даже знаю твое имя! Пытаюсь вспомнить, где ты меня видел раньше, ты даже не подумал о том, что я сказал очевидные вещи. Хочешь, я все объясню?

Конан кивнул, продолжая изучать лицо оракула.

— Ты герой, это видно сразу. Герой не способен на неблагоприятные поступки, значит, тебя подбил второй — твой коварный товарищ. Это же так просто. И еще: герои часто становятся королями, но это пока не определено... Можно сказать что угодно.

— Но почему ты решил, что я пришел с неблагоприятными целями? — объяснения оракула Конану не понравились.

— Потому, что ты ищешь сокровища. А у меня — об этом ходят легенды, и я их знаю — сокровища есть. Ты пришел разузнать, разведать.

— А как же мысль о том, что герой не может... — начал Култар, но оракул остановил его горящим взглядом.

— Мне кажется, по мнению героя, — он внимательно посмотрел на Конана, — забраться в сокровищницу к оракулу, обманывающему людей — поступок вполне достойный.

Конан кивнул. Таким образом, получалось, что

оракул действительно сказал очевидные вещи. Ходят легенды о сокровищах. Конаң — поскольку он герой — в общем, не хотел идти грабить оракула; его подбил Култар. Но поскольку Конан, (хоть он и герой) все же считал воровство у обманщика-оракула не слишком уж неблагоприятным поступком, то он согласился на подстрекания друга и пошел разведать. Оракул обо всем догадался, хотя это было и не так уж трудно. И все же... проще было предположить, что кто-то подслушал их разговор в каморке, а затем донес оракулу и получил соответствующую плату. Но человек, сидящий на троне, выглядел вполне искренним, когда клялся, что у него нет шпионов в таверне Асланкариба. Значит?.. Значит, или умело врет — это его работа, или действительно догадался путем несложных рассуждений. Киммериец поморщился. Рассуждения... Они всегда зыбки. Достаточно было ему — Конану — разыграть негодование или недоумение и оракул бы решил, что ошибся. Но теперь — поздно. Теперь они во всем сознались.

— Я не буду приказывать солдатам схватить тебя, Конан, — продолжал оракул, — никакого зла ты не причинил и можешь спокойно уходить. Кроме того, ты слишком многих убьешь, прежде чем тебя зарубят или схватят, а я берегу своих людей. Можешь идти, но только помни — все, что тебе рассказывал дервиш, правда! У меня в подземельях есть и вэлсы и кхэш, который сбегал и где-то бродит...

— Дервиш! — воскликнул Конан.

— Ты и есть дервиш! Ты просто переоделся, нацепил бороду! Но глаза, нос... Я долго не мог понять, где тебя видел. Но сейчас вспомнил!

Оракул рассмеялся.

— Я часто переодеваюсь, меняю внешность и брожу по городу. Рассказываю легенды, которые подогревают интерес к Великому Оракулу. После каждой вылазки в город ко мне валят толпы желающих — не столько получить совет, сколько посмотреть, если удастся — действительно ли весь утес испещрен тоннелями, действительно ли воют за тайными дверьми человекозвери. Ну и, наконец, не валяются ли под ногами сокровища. Они сами и несут мне эти сокровища — по одной золотой монетке, по нескольку серебрянных. Чем больше людей приходит, тем больше у меня денег. Когда наполняется сундук, я меняю звонкую монету на камешки и прячу драгоценный горшок глубоко в недрах земли. Так что, я никого не обманывал — сокровища есть и они в тайных комнатах. Кстати, и вы не забудьте заплатить моему помощнику, — он повел рукой в сторону юноши, — я думаю, по одной серебряной монете хватит.

Конан порывлся в карманах, но нашел только медяки. Култар, шмыгнув носом, услужливо протянул две серебряные монеты подошедшему юноше.

— Прощайте, друзья, — весело сказал оракул, вертясь на троне, как мальчишка-непоседа на стуле перед началом торжественного ужина. Вся его таинственность исчезла. Трон потускнел и

оказался не золотым, а медным и вовсе не таким высоким, как показалось вначале.

Конан повернулся и пошел к выходу. Култар, сокрушенно вздыхая, семенил следом. Стражники шли, вполголоса о чем-то переговариваясь. Зал, в котором они находились, действительно оказался совсем небольшой комнатой — шагов пятнадцать в длину и десять в ширину. Вполне мог уместиться в чреве утеса.

— Кром! — бормотал Конан, нагибаясь, чтобы выйти из зала в коридор, — но как же он создал такую иллюзию? Ведь зал казался огромным!

Юноша все так же шел впереди. Скоро он открыл дверь, выпуская гостей из дома. В глазах его не было и намека на насмешку. Скорее, сочувствие.

— И все же, — сказал Конан, когда они спускались с утеса по длинной лестнице, — этот оракул — человек необычный.

— Это верно, — зачастил Култар, опасаясь гнева друга, попавшего по его, Култара, вине, в неловкое положение, — верно, оракул — личность непростая. Кто ж мог предположить, что он переодевался и бродил по городу дервишем? Но зачем он наплел нам такую длинную историю?

— А что ему еще оставалось? Ты же притащил его, как мешок с мукой! Интересно другое — он действительно был вдребезги пьян или притворялся?

— А зачем ему притворяться? — почесал голову Култар.

— А зачем ему пить в таких количествах это дрянное вино? У него что, нет хорошего? — парировал Конан.

Култар развел руками. Они спустились с утеса и неспешно шли в город. Навстречу то и дело попадались жители Шадизара, очевидно, спешащие к оракулу — знатные и не очень, в экипажах и пешком, в паланкинах, которые плавно несли чернокожие рабы, и на ослах. Люди спешили узнать судьбу, получить совет, а, главное, посмотреть — действительно ли все так, как о том рассказывают легенды.

— А если он притворялся, — продолжил мысль Конан, — значит, хотел чтобы ты доставил его ко мне. Хотел рассказать нам свою историю. Хотел заинтересовать, чтобы мы пришли к нему.

— Ну и зачем? Вот мы пришли, ушли... и что? — Култар пожал одним плечом, и стал похож на горбуна.

— Действительно, — хмыкнул Конан, — зачем ему это было нужно? Наверное, все проще: не думал, что это дрянное вино так подействует — напился и уснул.

Они подошли к таверне толстого Асланкариба.

— У тебя осталось еще серебро? Давай зайдём, что ли...

— Заодно проверим, можно ли так напиться этой дрянью...

Через несколько дней Култар влетел в каморку Конана, брызжа слюной от возбуждения. Киммериец все также дремал, вытянувшись на лежанке.

— Конан! Я знаю, как нам проникнуть в логово оракула!

Конан нехотя поднялся. С укором посмотрел на товарища.

— Я вот думаю, не наняться ли нам охранниками? Купец... как там его имя?.. Собирается идти с караваном в Вендию. Туда повезет какие-то побрякушки, оружие, что-то еще, а оттуда...

— Подожди! — заорал возбужденный Култар.

— Чего ждатель?

— Я знаю, как... проникнуть... — под пристальным взглядом пронзительных синих глаз он ступшевался, но все же, собрался с силами и закончил, — в тоннели, где оракул прячет сокровища.

Конан молчал, глядя на товарища тяжелым, недовольным взглядом. Култар решил все же высказать свою мысль до конца.

— Ходят слухи, что в окрестностях утеса оракула иногда появляется чудовище. Нападает на людей, коров и овец. Очевидцы — из тех, что остались в живых, описывают его, как смесь человека и быка. Сам огромный, тело похоже на чело-вечье, а голова бычья. Рога и даже... даже кольцо в носу. Я думаю, это тот самый кхэш, о котором говорил дервиш... то есть оракул. Он ведь утверждал, что не врал! Говорил, что кхэш

выбрался и бродит по тоннелям! Они его держали привязанным, как быка — за кольцо. Я думаю, он сумел прокопать выход и теперь появляется наверху.

— Ты хочешь найти кхэша, убить, и идти рыскать по тоннелям, вместо него?

— Ну... причем тут — вместо него? — южанин стал топтаться, как ручной медведь на базаре...

— Потому что, так и получится, — настаивательно сказал Конан, — пока обойдешь все тоннели, пока найдешь... да еще и есть ли оно — сокровище? И так ли велико, как об этом говорят? Ведь легенды-то ходят со слов самого оракула!

— Но все же... Он не отрицал, что сокровище есть. Что он прячет его в дальних тоннелях. Шансы, конечно, невелики, но...

— Хватит уже выглядеть идиотами! Я теперь ни за что не поднимусь с этой лежанки. Разве, что вот, охранником наняться... Вот об этом нужно подумать!

* * *

Ночь выдалась черная, как тьма преисподней. Небольшой серп луны надежно прятался за низкими тучами. В преддверии ночной бури поднялся ветер. Деревья гнулись и скрипели соприкасающимися ветками. И в этом скрипе слышалась отчаянная жалоба духа дерева на свою нелегкую судьбу. А с другого конца рощи, прилепившейся одной стороной к утесу оракула, доносились, разрывающие душу, отчаянные крики — монотон-

ные, похожие на стенания неприкаянной, грешной души.

В самом центре рощи, там, где вязкая темнота пульсировала, словно живое существо, сидели два человека — два воина в полном боевом доспехе, с обнаженными мечами в руках и несколькими кинжалами за поясом.

— Конан, слышишь, как кричит? Это он! Это точно он — кхэш!

— Это просто дерево скрипит, как и то, что недалеко от нас.

— Не может, не может дерево так скрипеть, — шептал Култар, оглядывая окружающую их тьму.

Конан внезапно вспомнил, каким спокойным, невозмутимым был южанин в начале их знакомства. Теперь рядом с ним суетился быстрый, нетерпеливый человечек, не привыкший ждать. Что его так изменило? Жизнь, полная опасных приключений? Жажда сокровищ, богатства? Култар, не считая самого Конана, был единственным, оставшимся в живых охранником княжны, похищенной колдуном-сатиром. Отряд стражников, во главе с капитаном Бруккисом, отправился на поиски княжны. Погибли все, кроме Култара и Конана.

Казалось, что это было в далеком-далеком прошлом... Жизнь, изобилующая опасностями и приключениями, заставляет забывать прошлое. Река Времени, Река Забвения — подумалось Конану. Жизнь — это и есть та самая Река Забвения, о которой говорили легенды. Много событий

питает жизнь, подобно ручейкам, стекающим к большой воде. Но все ли помнятся? Нет, только самые яркие, самые значимые. А река бежит, петляя меж холмов, пробиваясь сквозь заторы и заломы. Новые ручейки наполняют ее, взамен пересохших. Новые события оттесняют то, что было когда-то дорого, заставляют прошлое отдаляться, исчезать, как старое, занесенное песком русло. И люди, когда-то близкие — относятся рекой времени в далекое прошлое, которое едва маячит, где-то в глубинах памяти и вспоминается как старый, полузабытый сон. Только иногда всплывет вдруг из бездонного омута дорогое лицо, промелькнет в русле, среди беснующихся волн и исчезнет, унесенное великой Рекой Забвения...

— Слышишь, Конан? Крики приближаются!

— Это просто ветер повернул в нашу сторону.

— Нет, нет, ветер крутит все время, а крики стали ближе! Это кхэш! Нужно быть начеку — вовремя зажечь факел.

— Ты разве не слышишь, как монотонны эти звуки? Живое существо редко кричит монотонно.

— Редко, но бывает. А этот зверь — самая настоящая редкость! Оракул вывел его искусственно, он один такой.

Скрипы — или, все же крики — действительно, будто стали ближе. Казалось, демоны ночи скрипуче выкрикивают проклятия всем, кто осмелился потревожить их покой. Ветер сменился мелким дождем. Похоже, буря отменялась. Боги погоды передумали.

— Он замолчал, — зашептал Култар в самое ухо Конана, — видно учуял нас, приготовился к броску!

— Или просто ветер стих, — пробурчал Конан, кутаясь в плащ, — мы тут промокнет до нитки.

— Слышишь, — зашипел Култар, — слышишь? Слушай! Треск сучьев под ногами!

— Этот треск я давно слышу, — недовольно отозвался Конан, — мало ли кто по лесу шляется? Медведь, например.

— Медведь в такую погоду спит где-нибудь под кустиком.

Конан только хмыкнул.

— У меня факел под плащом — сухой. Наверное, зажигать надо. Ни зги не видно! Бросится он на нас в темноте — что делать будем?

Конан молчал, и, казалось, дремал. Затем, вдруг резко выпрямился:

— С северной стороны — треск сучьев!

— Что? С северной?! Ничего не слышу. Вот тут, треск, так треск! Но, вроде, мимо проходит...

В просвете показалась бледная луна. Гваные тучи вновь пытались накрыть ее пеленой, но вечная ночная гостья умудрялась хоть одним глазом, да взглянуть на промокших воинов, сидящих в засаде в центре небольшой рощи. Видела она, как с северной стороны подбирается к ним невиданный зверь, а с южной — мимо проходит россомаха.

— Идет кто-то тяжелый, — продолжал Конан, — хруст стоит, словно слон по лесу шагает!

— Сейчас и я что-то слышу. Только далеко.

— Подожди, скоро будет близко. Вот теперь, приготовь факел.

Култар зашуршал плащом. Конан встал и сделал несколько разминочных движений.

— Ты же его вспугнешь! — зашипел южанин.

— Ты разве не понял, что он идет к нам? Как можно вспугнуть того, кто подкрадывается к тебе? Это он может вспугнуть нас, но мы же не испугаемся?

— Нет, конечно, мы не испугаемся, — Култар зажег факел, но держал его в траве, опасаясь, что огонь может все же отпугнуть зверя.

— Он затаился перед броском, — спокойно сказал Конан, — будь готов в нужную минуту осветить поляну.

Треск сучьев действительно стих. Похоже было, что чудовище остановилось, внимательно разглядывая пищу, которую не надо ни искать, ни догонять — вот она, терпеливо ждет, когда придет охотник.

Кхэш тихонько заворчал. Впереди два ненавидных существа, такие же, как и те, что мучили его в клетке. Но он сумел разогнуть прутья и убежать. После этого, долго бродил по тоннелям, голодал, ловил крыс, но крысы были слишком малы, чтобы утолить голод. Иногда ему удавалось напасть на зазевавшегося стражника, прежде, чем тот вытащит меч. Но чаще приходилось довольствоваться крысами. И только теперь, когда он сумел прорыть тоннель наверх, он может есть, сколько захочет. Жалкие существа, которых он ловил вечерами на дороге к утесу, не могли

сопротивляться, как это делали стражники в тоннелях.

Кхэш был не лишен ума и хитрости. От человека ему передалось сознание, и он вполне осознал себя, знал, что он — всего лишь чудовище, рожденное в результате дьявольского эксперимента. Его научили говорить — для забавы или для чего-то еще. Стражники подолгу повторяли нужные слова и показывали предметы, этим словам соответствующие. Меч, плащ, решетка, еда, миска...

Он не мог брать пищу руками — у него не было пальцев — руки заканчивались коровьими копытами. Поэтому он ел, как животное — ртом, но миску держал руками, зажимая между копытами. А стражники смеялись и показывали пальцами. Он же не мог показать пальцем и показывал копытом. Тогда они смеялись еще больше, и он возненавидел их лютой ненавистью чудовища.

Он знал, что родила его корова. Помнил ее ласковый язык, соски, дарующие молоко, много молока. И уже тогда он видел, что сильно отличается от нее, что телом похож на человека, на стражника. То, что у него была голова быка, он не знал, пока не увидел свое отражение в ручье. Но это случилось уже после того, как он выбрался на поверхность. Да, тело его внешне походило на тело человека. Но человек мал и слаб. Он же ростом вдвое превосходил самого высокого стражника, а силой — всех, сколько их ни было в тоннелях!

Он знал, что такое огонь. В клетке стражники

для забавы жгли его факелами, пока он не научился выбивать их резким ударом копыта. А иногда в тоннель, где находилась его клетка, приходил сам оракул. Кхэш видел, что этот человек тут главный, видел, с каким подобострастием выслушивают стражники его приказы, как бросаются выполнять их. Он догадался, что оракул — виновник его появления на свет и возненавидел этого надменного человека так, что сам иногда пугался своей ненависти. Убить оракула стало целью его жизни, и он бродил по тоннелям в надежде найти его, убить и съесть. Да, съесть! От человека ему передалось желание есть мясо, и зубы у него были совсем не коровьи. Он прекрасно умел отрывать от тела жертвы сочащиеся кровью куски и торопливо глотать, прятать там, где никто не найдет — в своей огромной, ненасытной утробе.

И сейчас он подкрадывался к двум людям, почему-то оказавшимся ночью в роще. Эти двое напоминали ненавистных стражников. Похоже, они кого-то ждали. Уж не его ли? Он предполагал, что его будут искать, чтобы убить. Его и искали — бродили по тоннелям целыми отрядами, вздрагивая и хватаясь за мечи при каждом шорохе. Так может, эти двое — сидят в засаде? Нужно подождать, посмотреть и послушать.

— Что же он медлит? Чего он медлит? Чего? Почему не нападает?! — Култар был сам не свой от томительного ожидания.

Конан знал по себе, что нет ничего хуже, чем ежесекундно ждать нападения, которое, поче-

му-то откладывается. Ожидание выматывает нервы, рождает неукротимое желание вскочить, орать, размахивать мечом. Но знал так же, что если поддастся — вскочить и заорать — будет еще хуже. Ибо совсем уж плохо — бросаться на несуществующего противника. В этом случае можно лишиться разума, что он и наблюдал несколько раз, когда новобранцы, не выдержав напряженного ожидания, кидались в «бой». Вскоре их крик переходил в безумный хохот, после чего они бросали оружие и убегали. Их потом видели на базарах, дико смеющихся над каждым продавцом и покупателем.

— Как это — человек с головой быка? — вопрошал Култар, став от нестерпимого ожидания слишком разговорчивым.

— Что значит — человек с головой быка? Разве так может быть? Разве может корова родить человека, пусть даже с бычьей головой? Это значит, какой-то человек любил корову, вместо женщины?

— Вероятно так, — сдержанно ответил Конан и, считая, что пусть лучше его товарищ говорит без умолку, чем вскочит и начнет размахивать мечом, добавил, — а что тебя удивляет?

— Как что? Как это что? Я знал одного такого солдата — ни одной коровы не пропускал! Но ни одна корова не родила от него человека с бычьей головой! Вообще, никого не рожала, пока не приволили ей быка!

— Не забывай, что оракул — человек не простой. Вероятно, колдун. А колдовством можно и

не такого добиться. Не зря же он нам так красочно рассказывал про свою невесту, брошенную на поругание зверю. Он действительно проводил такие опыты. И, вероятно, достиг успеха не только в случае с этим кхэшем.

— Значит... Значит, все подземелье кишит монстрами?

— Ну, они, наверное, сидят в клетках.

Конан был рад отвлечь друга от томительного ожидания атаки. Любые разговоры сейчас помогали снять напряжение.

— Но, все же, многие могли сбежать и теперь служат оракулу, как бы дополнительными, незваными охранниками сокровищ!

— Вероятно так, — кивнул Конан и замер, всматриваясь в очертания ближайших деревьев.

Неподалеку, почти сливаясь с подлеском, стояло странное существо, с телом человека, головой быка и копытами вместо пальцев. Луна освещала его бычью голову, увенчанную рогами длиной в локоть. В носу действительно поблескивало металлическое кольцо. Кхэш не делал никаких попыток напасть. Вместо этого он тихо двинулся к людям, расставив руки в стороны, вероятно, желая продемонстрировать мирные намерения. Култар поднял факел над головой и застыл в ожидании команды друга. Теперь это был спокойный, решительный и готовый к бою солдат. Конан стоял молча, не поднимая меч, но и не вкладывая его в ножны. Выжидательно смотрел на медленно приближающегося монстра.

— Опустите факел, я не люблю свет, — чу-

довище с трудом выговаривало непослушным бычьим языком человеческие слова.

Култар, открыв рот и вытаращив глаза так, что они перестали выдавать его принадлежность к узкоглазым южным племенам, опустил факел.

— Ты умеешь говорить? — спросил Конан. Ни один мускул не дрогнул на его лице, когда он, нарочито медленно, вложил меч в ножны.

— Меня учи-ли те, кто меня кор-мил, — с каждым разом у него получалось все лучше, — и я слы-шал ваш раз-го-вор.

— Зачем ты убиваешь людей? — Конан старался говорить коротко и понятно.

— Я их не-навижу!

— Почему?

— Они создали меня чудо-вищем.

— Люди не виноваты. Виноват один человек — тот, кто тебя создал — оракул.

— Да, это так.

— Мы поможем тебе убить его, а ты помоги нам найти его сокровища.

— Что такое сокро-вища?

— Это такие блестящие камешки. Ты знаешь, где они лежат?

— Знаю.

— Тогда давай заключим союз.

— Что такое союз?

— Договоримся, что будем помогать друг дру-гу и не убивать друг друга.

— Вы поможете мне убить оракула?

— Да.

— А я покажу вам сокровища?

— Да.

— Это и будет союз?

— Да. И еще клятва — не убивать друг друга.

— Я согласен.

Кхэш подошел и встал рядом с Конаном. Ростом он был выше почти вдвое, массивнее — в несколько раз, и силой, несомненно, обладал безграничной.

— Что мне делать после?

— После? — переспросил Конан и тут же догадался — чудовище думает о том, как жить после убийства оракула, после распада их союза.

— После ты можешь... — киммериец задумался, — жить в его доме, в его тоннелях. Жители будут приносить тебе еду, чтобы ты не выходил из тоннелей и не убивал их.

— Или можешь жить в моем замке, который я скоро куплю, — встрял Култар, с восхищением осматривая могучую фигуру кхэша.

— Кто это? — огромное копыто указало на южанина.

— Это мой друг Култар. Он тоже будет в нашем союзе. Он смелый человек и отважный воин.

— Хорошо, — монстр несколько раз качнул бычьей головой.

— А теперь пойдем в тоннели, — Конан решил не терять времени понапрасну, — у тебя где-то здесь вход?

— Да, — кхэш повернулся и неловко поковылял в просвет, между деревьями.

Он шел неуклюже, и, казалось, с трудом удерживал равновесие. Конана так и подмывало

крикнуть — не мучайся, опустишь на четыре ноги и будет легче! Култар, глядя вслед чудовищу, покачал головой:

— Похоже, он специально для нас, поднялся на задние лапы.

— Поспешим, — бросил Конан, заметив, что кхэш скрылся в темноте.

5

Отверстие, пробитое чудовищем, выглядело как огромная лисья нора. Разбросав копытами ветки, очевидно наваленные для маскировки, кхэш молча нырнул в темноту. Култар сунул в отверстие факел. Ни ступенек, ни зацепок. Круглая гладкая нора — катись, как с горы на санках!

— Дай-ка мне... — Конан забрал у южанина факел и, не раздумывая, скользнул в нору.

Култар немного потоптался и прыгнул, словно нырлящик со скалы. Ход был прямой, как стрела и закончился неожиданно быстро. Конан приземлился на левую руку и тут же откатился, ухитрившись не уронить факел. Из отверстия кубарем вывалился Култар, вскочил и отряхнулся, как вылезшая из воды собака. Друзья осмотрелись. Они находились в тупиковом тоннеле. Очевидно, кхэш дошел до конца и стал пробиваться наверх. Конан заметил, что у этого тоннеля потолок и стены не были выложены камнем, что и позволило чудовищу пробить выход. Собственно, это была такая же нора, только больше и горизонтально расположенная.

Култар взял факел, справедливо полагая, что у Конана обе руки должны быть свободными. Кхэш стоял в стороне, доставая рогами до потолка. Ему даже пришлось слегка пригнуть голову, отчего казалось, что он смотрит на своих союзников с мрачной ненавистью.

Если все будет хорошо, — подумал Конан, — и если где-то здесь действительно протекает Река Забвения, нужно напоить из нее кхэша — пусть забудет свою ненависть к людям. Очевидно о том же подумал и Култар. Осторожно покашливая, он начал расспросы:

— Скажи, гм, как тебя называть-то?..

— Кхэш.

— Так и называть?

— Так и называй. Стражники так называли.

— Ну, ладно... Скажи, Кхэш, тут где-то действительно протекает река?.. Такая... с черной водой?

— Протекает. Внизу.

— А что... вода из нее... вкусная? — хитрые глазки Култара превратились в косые щелки.

— Я не пробовал.

— Почему?

— Я редко пью.

— Никогда не хочешь пить? — разочарованно протянул южанин.

— Очень редко.

Конан понял, что пора прекращать бесплодный разговор.

— Давай, Кхэш, веди нас к сокровищам.

— Вначале нужно убить оракула, — в бычьих

глазах чудовища отражались беснующиеся языки пламени.

— Почему именно так, а не наоборот?

Кхэш молчал, медленно поводя рогами. Конан подумал, что, возможно, он не понял вопроса.

— Почему сначала нужно убить оракула?

Кхэш фыркнул, как буйвол на водопое.

— Вы обманите. Возьмете сокровища и уйдете.

— Ну... мы же заключили союз, — вкрадчиво начал Култар.

— Вначале убьем оракула, — упрямо повторил монстр.

— Но тогда ты можешь нас обмануть, — сказал Култар, — оракула мы убьем, а сокровища ты нам не покажешь.

— Нет, — тупо ответил кхэш, и было непонятно — к чему относится это «нет».

Спорить с чудовищем, у которого была бычья голова и, соответственно, бычье упрямство, оказалось бесполезным.

Конан поморщился. Култар развел руками.

— Идите за мной, — сказал кхэш, опустил, наконец, на четвереньки и поскакал по тоннелю.

Друзья едва поспевали за его взбрыкивающим задом. Бежать пришлось долго. Земляные тоннели давно сменились каменными, а кхэш все так же стучал копытами впереди, лишь изредка оглядываясь, чтобы убедиться, что союзники не отстали. Повороты, переходы через узкие лазы-норы в другие тоннели — у Конана закружилась голова, он давно уже и не пытался запомнить дорогу. Оставалось только полагаться на верность но-

вого союзника, ненавидевшего звериной ненавистью весь род людской.

У Култара подкашивались ноги, и даже Конан дышал тяжело, когда кхэш, наконец, остановился.

— Впереди два поворота. За ними стражники. Затем — ход наверх, в дом оракула, — пожалуй, впервые он сказал такую длинную фразу, и Конан подумал, что не так уж и туп их неожиданный союзник. Вполне может сообразить, что проще всего, после убийства оракула, заманить бывших товарищей в недра подземного лабиринта — якобы в поисках сокровищ — и оставить там навсегда. И клятву не нарушит — не убивать союзников — и сокровища себе оставит.

Только вот, нужны ли ему сокровища? Понимает ли он, что такое эти сверкающие камешки? Станет ли ради них предавать? Да и, вообще, видел ли он их? Если он спрашивал, что это такое — сокровища...

— Сколько там стражников? — спрашивал Култар.

— Много.

— Сколько? Два, три, десять... Сколько?

Кхэш молчал, и южанин начал терять терпение:

— Вот, у тебя четыре ноги, — он показал, — одна, две, три, четыре. Столько стражников?

А почему это я решил, что клятва для него что-то значит? — продолжал размышлять Конан. Клятва значима для людей, да и то не для всех. Этот монстр может просто не понимать, что такое клятва. Но, что такое обман, он знает. Он го-

ворил — вы обманите. Киммериец вздохнул: в любом случае придется просто положиться на его обещание. Ничего другого не придумать.

— Больше четырех ног у стражников? — пытал кхэша вконец запутавшийся Култар. Кхэш подавлено, а, может, с ненавистью, молчал.

— Сколько ног... тьфу ты... сколько стражников? Больше ног у тебя, чем у стражников? То есть стражников больше, чем ног у тебя?

Конан посмотрел на догорающий факел.

— Если мы не хотим остаться в темноте, нужно спешить. Придется выскочить, рассчитывая на внезапность. Может, удастся их разоружить: не хочется убивать простых солдат.

Ступая как можно тише, друзья прошли поворот и остановились перед следующим. Из-за угла доносились приглушенные голоса. Охрана, как всегда, играла в кости. Похоже, стражников было всего двое. Один с пропитым, хриплым голосом — очевидно старый солдат, другой, обладатель тонкого, юношеского голоса — вероятно новобранец. Они увлеченно бросали кости, спорили, делали ставки. Когда из-за угла вышел гигант с огромным, вороненым мечом в руке, стражники даже не вскочили с бочонков, не попытались обнажить оружие. Перед ними стояла бочка, на которой валялись кости и несколько медных монет.

Конан, не мешкая, подошел ближе и приставил острие меча к горлу старого солдата, растерянно шевелящего закрученными усами, в которых уже пробивалась седина. К юноше-новобран-

цу подскочил Култар и, ласково улыбаясь, прижал палец к губам — молчи, а не то... Меч в его руке был не таким огромным, как у Конана, но выглядел также весьма внушительно.

— Где оракул? — Конан посмотрел на новобранца, ожидая, что тот окажется менее стойким, нежели старый солдат. Юноша молчал. На его почти девичьем лице разлилась смертельная бледность, но глаза смотрели спокойно и даже с некоторым вызовом.

— Оракул у себя, — ответил «старый солдат» неожиданно тонким голосом, и Конан, приглядевшись, увидел, что перед ним типичный обжора, растяпа и размазня. Такие были в любой армии и служили, как правило, при кухне или в обозе.

— Сколько человек его охраняют?

— Не говори! — крикнул юноша басом и Конан признал в нем, хоть и молодого, но смелого и мужественного воина.

— Да что он мне? Родня, что ли? — обиделся «размазня».

— Вот это верно! — вставил Култар.

— Пойдете направо, там, у двери стоят двое — сдадутся, как только увидят твой меч! А вот, дальше, у второй двери — четыре человека — с ними придется повозиться. Ну а в доме оракула охраны нет.

— Предатель! — ломающимся голосом пробасил юноша и сплюнул.

Конан взял новый факел из связки, лежащей у стены, и дал знак Култару. Тот ловко связал

обоих воинов, рты заткнула кляпами, помедлил, раздумывая, затем собрал с бочки кости и сунул в карман.

— Чтобы не играли во время несения службы, — пояснил он ухмыльнувшемуся Конану.

Кхэш только теперь вышел из-за поворота и Конан понял, что он смертельно боится мечей. Это следовало взять на заметку. Связанные солдаты вытаращили глаза и замычали, пытаясь разорвать веревки.

— Наш друг не будет вас убивать, — сказал Конан и, повернувшись к чудовищу, спросил:

— Так ведь?

Кхэш фыркнул, и было неясно — согласен он или нет. Косясь испуганным глазом на мечи союзников, он потопал вперед по коридору.

— Как бы не наделал шуму раньше времени, — озабоченно сказал Култар, устремляясь следом.

Конан медлил.

— Где оракул прячет сокровища? — он вынул кляп у старшего охранника.

— Мы не знаем... Говорят, где-то у самой реки, в пещере.

— Эта река — она что? Действительно... если выпить воды — все забудешь?

— Так говорят, — стражник был рад услужить великодушному воину, который только что подарил ему жизнь, — говорят, но никто из нас не пробовал.

Конан вернул кляп на прежнее место и зашагал по тоннелю. Как он и думал, у очередного по-

ворота его ждали Култар и кхэш, знаками призывая не шуметь. Киммериец едва не захохотал — уж если кому и следовало производить меньше шума, так это им. Из-за угла доносились голоса.

Конан покачал головой. Какой идиот расставлял посты? Стража за углом — просто счастье для нападающих! Как и в прошлый раз, он вышел, поигрывая мечом. Через несколько секунд и эти стражники были связаны. Ключ от двери был в кармане одного из охранников — еще одна глупость. Оставались, по словам «старого солдата», четыре воина у вторых дверей.

Но, как ни странно, вторая дверь не охранялась вовсе. Более того — была призывно распахнута. Ловушка? Конан осторожно заглянул внутрь. Уходящая вверх лестница и дневной свет. Значит, они уже в доме оракула. Но почему нет охраны?

Бесшумно ступая, Конан скользнул вверх по лестнице. За ним крался Култар. Кхэш остался где-то позади. Лестничная площадка, окна, забранные решетками и...никакой стражи. Все это не вписывалось в легенды о том, что дом оракула охраняется, как королевский дворец. Конан прошел по коридору, открыл одну дверь, вторую — никого.

В следующей комнате сидели две седые заплаканные женщины безобразного вида. Старухи походили друг на друга, как две капли воды. Молча, они указали на дверь, ведущую, судя по всему, в спальню.

Киммериец вспомнил рассказ «дервиша». Да,

перед ним явно сидели две «красавицы» — Алкунса и Инирга. Значит, не так уж и обманывал оракул.

Конан медленно вошел в спальню. Перед ним, на широкой кровати под шелковым балдахинем, лежал тяжело больной человек. Ввалившиеся глаза лихорадочно блестели, заострившийся нос выдавал приближение смерти. Спутанные, когда-то черные, а теперь пегие от седины волосы, торчали клочьями.

Оракул походил на того дервиша, который рассказывал занимательные истории в каморке над таверной, только теперь уже ему не требовался грим.

— Я знал, что мы встретимся, Конан, — прохрипел больной, — и знал, что эта встреча будет перед моей смертью. Ты пришел убить меня?

— Убить тебя пришел другой... Но теперь я не позволю ему это сделать.

В спальню вошел Кулгар, за ним, пригнувшись, кхэш. Он вновь поднялся на задние ноги и теперь неумело балансировал у кровати того, кого он так мечтал убить.

— Конан, — с трудом продолжал старик, — послушай. Я — виноват. Я обманул тебя. У меня нет сокровищ. Да, мне несли деньги, но я все тратил на эксперименты... Колдовское зелье стоило дорого, а сам я не умел его приготовить. Для этого нужно быть колдуном, а я, всего лишь... оракул. Все, что у меня есть, Конан, лежит тут в спальне, вон в том ящике. Там всего лишь медь и серебро. Остальное потрачено.

С трудом оторвав голову от подушки, он показал на небольшой, окованный железом сундук, сиротливо стоящий в углу.

— А что теперь делать мне? — спросил кхэш, и старик, взглянув в его налитые кровью бычьих глаза, заплакал.

— Я виноват... виноват... Ты можешь убить меня... Я мечтал вывести сверхчеловека, а выводил только чудовищ... Недавно, чувствуя приближение смерти, я прекратил эксперименты... Все, кого я вывел, погибли. Ты остался один и теперь, как высший судья, можешь вынести мне приговор. Хотя... приговор уже вынесен судьбой — я умираю в страшных муках... Сейчас, когда я говорю с вами, меня гложет изнутри ужасная болезнь, приносящая невыносимые страдания, и если ты разможишь мне голову копытом — принесешь долгожданное облегчение.

Старик без сил откинулся на подушку. Его хрипкое дыхание перемешалось громкими стонами.

— Так что, мне делать? — повторил кхэш.

Несчастный умирающий старик очнулся и с трудом приподнял голову. Долго смотрел на созданное им чудовище, будто не понимая, кто перед ним. Потом взор его прояснился и он прошептал:

— Ты будешь жить тут, в лабиринте... Тебе будут приносить пищу... А Конан или его друг, могут занять мой дом... Я составил дарственную... вот, — он повел рукой, показывая на свиток, лежащий на изящном резном столике, — Конан по-

заботится о том, чтобы ты не голодал... Хотя... я вижу — он не захочет тут жить... Тогда...

— Тогда здесь жить буду я, — закончил Култар и Конан молча склонил голову.

— Хорошо, — прошептал старик, — ты искупишь мой грех по отношению к... к этому несчастному...

— Значит, сокровищ, нет, — грустно подытожил Конан, — а скажи, — в его синих глазах вдруг мелькнули веселые искорки, — там, внизу действительно течет Река Забвения?

Старик попытался засмеяться и закашлялся. Затем, с трудом разлепив сухие губы, прошептал:

— Река Забвения — это жизнь...

Он откинулся на подушку, и глаза его остановились, а дыхание исчезло. В спальне повисла долгая тишина. Конану показалось, что над кроватью промелькнула небольшая прозрачная бабочка. Култар, похоже, тоже что-то заметил — смотрел внимательно и с прищуром. Трепещущее нечто через миг вылетело в окно и исчезло, подхваченное ветром.

— Ну что же... похороним его на утесе, за оградой, — нарушил молчание Конан и повернулся к Култару — согласен тут жить?

— Согласен, — ответил южанин и вздохнул, — может, объявить себя новым оракулом?

— И не пытайся, — усмехнулся Конан, — разоблачат сразу же. Что ни говори, а этот старик был не простым...оракулом.

— Да, — Култар вздохнул совсем уж тяжело, затем вдруг просиял, — я объявляю народу, что

нужно нести дань, иначе кхэш будет выбегать по ночам и есть всех, кого встретит! А раз в год пусть приводят мне для принесения в жертву чудовищу самых красивых девушек! А я уж сам решу, что с ними делать.

Конан махнул рукой:

— Объяви, что хочешь, но помни, что умирающий возложил на тебя заботу о нашем союзнике.

Все это время кхэш стоял молча, глядя на мертвого старика, создавшего его чудовищем. Какие мысли бродили в его бычьей голове? Какие чувства обуревали? Гнев, ненависть? Может, жалость? Ведь создатель — это как отец. Только что, у него на глазах умер отец.

— Я буду приходить за едой. Оставьте ее за дверью. Мне нужно полбочки мяса. Вода всегда пусть стоит в бочке рядом. Я не хочу пить из реки. Не хочу все забыть.

Култар понимающе кивнул, а Конан подошел и коснулся ладонью копыта чудовища в символическом пожатии.

Кхэш повернулся, опустился на четвереньки и медленно вышел из спальни.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Брэнт Йенсен</i> Предисловие	5
Город у священной реки	8
<i>Ник Харрис</i> Гнев Загана	239
Река забвения	332

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **БУКВА**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 17б, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», ХЛ ТЦ Мытиши, Мытиши, ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «ХЛ», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего
представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpab@aha.ru <http://www.ast.ru>

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, 18, т. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, 132а, т. (0722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Малышева, 42, т. (3433) 76-68-39
- Калининград, пл. Калинина, 17/21, т. (0112) 65-60-95
- Киев, ул. Льва Толстого, 11/61, т. (8-10-38-044) 230-25-74
- Красноярск, «ТК», ул. Телевизорная, 1, стр. 4, т. (3912) 45-87-22
- Курган, ул. Гоголя, 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Ленина, 11, т. (07122) 2-42-34
- Курск, ул. Радищева, 86, т. (07122) 56-70-74
- Липецк, ул. Первомайская, 57, т. (0742) 22-27-16
- Н. Новгород, ТЦ «Шоколад», ул. Белинского, 124, т. (8312) 78-77-93
- Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 15, т. (8632) 35-95-99
- Рязань, ул. Почтовая, 62, т. (0912) 20-55-81
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140
- Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 141, ТЦ «Меркурий», т. (812) 333-32-64
- Тверь, ул. Советская, 7, т. (0822) 34-53-11
- Тула, пр. Ленина, 18, т. (0872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, 12, т. (0872) 31-09-55
- Челябинск, пр. Ленина, 52, т. (3512) 63-46-43, 63-00-82
- Челябинск, ул. Кирова, 7, т. (3512) 91-84-86
- Череповец, Советский пр., 88а, т. (8202) 53-61-22
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Краснодар, ул. Красная, 29, т. (8612) 62-75-38
- Пенза, ул. Б. Московская, 64
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpab@aha.ru <http://www.ast.ru>

Литературно-художественное издание

КОНАН И РЕКА ЗАБВЕНИЯ

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахинов*
Составитель *Наталья Баулина*
Художественный редактор *Игорь Боеданов*
Верстка: *Ирина Федорова*
Технический редактор *Валентин Успенский*
Корректор *Светлана Митина*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.2005 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»
190121, г. Санкт-Петербург,
Наб. кан. Грибоедова, 148-150, пом. 5Н, лит. А
conan@sp.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в Государственном
Московском предприятии «Первая Образцовая типография»
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.
115054, Москва, Валовая, 28

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И САГА ТУМАНА 64	КОНАН И ЛЕК ЗВЕРЯ 65	КОНАН И ОБИТЕЛЬ ДРАКОНОВ 66	КОНАН И НАСАДИЕ МЕРТВЫХ 67	КОНАН И ЗАКАТ АРГОСА 68	КОНАН И АЛАЛ ПЕЧАТЬ 69	КОНАН И ТАНЦ ПУСТОТЫ 70	КОНАН И ПРОСАДИН МРАКА 71	КОНАН И ГОЛОС КРОВИ 72
КОНАН И ТЕНЬ ВЕТРА 73	КОНАН И ПРИНЦ ЗИНГАРИ 74	КОНАН И ЖЕМУЖИНА ПУСТЫНИ 75	КОНАН И ДУХИ ГОР 76	КОНАН И СОВРОВИЩА ТАРАНТИН 77	КОНАН И НЕФРИТОВЫЙ КУБОК 78	КОНАН И УБИЙЦЫ ЧУДОВИЩ 79	КОНАН И СРЕДИНКИ МОРЯ 80	КОНАН И ПУТЬ ГЕРОВ 81
КОНАН И БАЛАМКА АГСА 82	КОНАН И НАПАД НАГМНИКА 83	КОНАН И ЛЕГИОН ЗАРИ 84	КОНАН И ПАЛМЫ ВОЗМЕДИИ 85	КОНАН И ТРОН ВЕДАМЫ 86	КОНАН И ЧЕСТЬ ИМПЕРИИ 87	КОНАН И МЕСТЬ ВЕЛА 88	КОНАН И КАМЕНЬ ЖЕЛАНИИ 89	КОНАН И ВОЛНЫ БАШНЯ 90
КОНАН И КАЛТВА ВАРВАРА 91	КОНАН И СКРИПЕТ МАТА 92	КОНАН И ЗОЛОТАЯ ПАНТЕРА 93	КОНАН И ЛЕГЕНДА ДЕМУРИИ 94	КОНАН И ВРОСТЬ ТИТАНОВ 95	КОНАН И ТАЙНА ПЕСКОВ 96	КОНАН И РАБ ГЛАССМАНА 97	КОНАН И ПОХОД ОГРЕННЫХ 98	КОНАН И НАРЫ КОДУЩИИ 99
КОНАН ГЕРОИ ХАЙБОРИИ 100	КОНАН И ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ 101	КОНАН И ЗАЛОЖНИКИ РОКА 102	КОНАН И ПАГОДА СНА 103	КОНАН И РИТУАЛ ЛУНЫ 104	КОНАН И ЛЬВЫ СТЕПИИ 105	КОНАН И ТЕМНЫЙ ОХОТНИК 106	КОНАН И КАВКИ АСУРЫ 107	КОНАН И СУД БОГИНИ 108
КОНАН И ЦЕПЬ ВЕНАНИ 109	КОНАН И ДИКИ АХЕРОНА 110	КОНАН И ОДНОКОМЕРНЫЙ ОСТРОВ 111	КОНАН И ДЕМОНЫ СТЕПЕЙ 112	КОНАН И ЧАРОДЕИ ЮГА 113	КОНАН И УЗНИКИ КАМИИ 114	КОНАН И КРАСНОЕ БРАТСТВО 115	КОНАН И ГЛАЗ ПАУКА 116	КОНАН И ЦЕПЬ ОБОРОТОВ 117
КОНАН И ФОНТАН ЖИЗНИ 118	КОНАН И РЕКА ЗАВЕННИИ 119							

ISBN 5-17-033465-6

9 785170 334650